

ВЕСТНИК

МЕЖДУНАРОДНОГО ИНСТИТУТА
ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЙ

33

ISSN 1694-5794

ВЕСТНИК

МЕЖДУНАРОДНОГО ИНСТИТУТА
ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЙ

33

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ ДВА РАЗА В ГОД

Основан в 2005 году

САМАРКАНД

2022

International Institute
for Central Asian Studies (IICAS)
by the UNESCO Silk Road Programme

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Председатель Редакционного Совета: **Дмитрий Алексеевич Воякин**, кандидат исторических наук, директор МИЦАИ; **Бахтияр Мираимович Бабаджанов**, доктор исторических наук, профессор, Институт востоковедения имени Абу Райхана Беруни АН Республики Узбекистан; **Хулио Бендесу-Сармиенто**, PhD. по антропологии, Университет Париж 1 Пантеон-Сорбонна; **Рафаэль Миргасимович Валеев**, доктор исторических наук, профессор, Казанский федеральный университет, вице-президент НК ИКОМОС Россия; **Она Вилейкис**, PhD. по архитектуре, Университетский колледж Лондона (UCL); **Егор Петрович Китов**, кандидат исторических наук, Институт этнологии и антропологии РАН, Институт археологии Министерства науки и образования Республики Казахстан; **Роланд Линь Чжихун**, PhD. по истории искусств и археологии, профессор, Университет Париж-Сорбонна; **Павел Борисович Лурье**, кандидат филологических наук, Отдел Востока Государственного Эрмитажа, Санкт-Петербург; **Симоне Мантеллини**, PhD. по археологии, Болонский университет, Италия; **Шаин Меджид оглы Мустафаев**, академик, доктор исторических наук, Институт востоковедения НАН Азербайджана; **Клод Рапен**, доктор наук по археологии, директор исследований, Национальный центр научных исследований, Париж; **Айрат Габитович Ситдиков**, доктор исторических наук, Институт археологии им. А. Х. Халикова АН Республики Татарстан; **Майкл Фрачетти**, профессор археологии Университета Вашингтона в Сент-Луисе, США; **Булат Доскалиевич Хусаинов**, доктор экономических наук, Казахстанско-немецкий университет, Алматы; **Михаил Шенкар**, профессор кафедры доисламских иранских исследований Еврейского университета Иерусалима; **Ма Цзянь**, профессор Школы культурного наследия Северо-Западного университета в Сиане, Китайская Народная Республика; **Казуи Ямаучи**, профессор археологии Университета Тэйко, Япония; **Майкл Янсен**, профессор архитектуры, Немецкий технологический университет в Омане (GUTech).

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор: **Руслан Гельдыевич Мурадов**, профессор Международной академии архитектуры, отделение в Москве (МААМ); **Энхбат Авирмед**, Школа бизнес-администрирования и гуманитарных наук Монгольского университета наук и технологий; **Бакыт Элтиндиевна Аманбаева**, кандидат исторических наук, профессор, Институт истории и культурного наследия НАН Кыргызской Республики; **Фарда Магеррам оглы Асадов**, доктор филологических наук, профессор, Институт востоковедения НАН Республики Азербайджан; **Наранбаатар Баасансуре**, докторант Школы делового администрирования и человечества, MUST, Монголия; **Бауыржан Абишевич Байтанаев**, академик, доктор исторических наук, Институт археологии Министерства науки и образования Республики Казахстан; **Стивен Гилберт**, PhD. по историческим, этнографическим и теологическим исследованиям, Центр археологии Ланье при Университете Липскомба, США; **Светлана Горшенина**, доктор исторических наук, директор исследований, Университет Женевы, Национальный центр научных исследований, Париж; **Эльмира Фатхлбайновна Гюль**, доктор искусствоведения, профессор, Институт искусствознания Академии наук Республики Узбекистан; **Александр Бабаниязович Джумаев**, кандидат искусствоведения, Исследовательская группа «Макам» Международного совета по традиционной музыке, Ташкент; **Лариса Назаровна Додхудоева**, доктор исторических наук, Институт истории, археологии и этнографии им. А. Дониша АН Республики Таджикистан; **Саид Хатиб-заде**, Институт политических и международных исследований (IPIS), Иран; **Тигран Константинович Мкртычев**, доктор искусствоведения, директор Государственного музея искусств им. И. В. Савицкого, Нукус; **Филипп Мойзер**, PhD. по истории архитектуры, издательство DOM, Берлин; **Шакирджан Расулович Пидаев**, кандидат исторических наук, Институт искусствознания АН Республики Узбекистан; **Дильшод Расулович Рахими**, НИИ культуры и информации Министерства культуры Республики Таджикистан; **Ганиур Рахман**, директор Института азиатских цивилизаций Таксила, Университет Каид-и Азама, Исламабад, Пакистан; **Эврен Рутбил**, Турецкое агентство по сотрудничеству (TİKA); **Тим Уильямс**, профессор кафедры археологии Шелкового пути Института археологии при Университетском колледже Лондона (UCL); **Хи Су Ли**, профессор Университета Ханян, Сеул, Республика Корея.

Заведующая редакцией **Анастасия Степанова**

Идеи и мнения, выраженные авторами журнала, могут не совпадать с точкой зрения МИЦАИ и не налагают на институт каких-либо обязательств.

СОДЕРЖАНИЕ

Центральноазиатская декларация принципов управления археологическим наследием	5
--	---

ИССЛЕДОВАНИЯ КУЛЬТУРЫ

М. А. Аббасова-Юсупова Малоизвестные суфийские комплексы Бухарского оазиса XVIII–XIX веков: формирование, архитектура, типология	25
---	----

М. К. Басханов Визуализация стратегических пространств: Туркестан и сопредельные территории в объективе русских военных фотографов	40
---	----

М. А. Загитова Мода двойных стандартов: политика и дизайн	59
---	----

А. Р. Каспаров Назначение глиняных поделок сапаллинской культуры	71
--	----

Д. Ю. Милосердов Орнаментика и техники декорирования холодного оружия Афганистана XVIII – начала XX века	79
---	----

Ф. Мойзер Типология евразийского города	93
---	----

Т. Х. Стародуб «Калила и Димна» в миниатюрах арабских рукописей	119
---	-----

ВОПРОСЫ ИСТОРИОГРАФИИ

С. Н. Абашин Через триста лет после похода	137
--	-----

Ф. М. Асадов Археология и источниковедение в изучении истории хазар: взаимодействие в XX веке и перспективы сотрудничества	141
---	-----

А. Д. Курбанов
Немецкие археологи в Туркменистане147

Т. К. Мкртычев
Новое слово о Бенъкове159

ХРОНИКА

М. А. Аббасова-Юсупова
Эдвард Васильевич Ртвеладзе (1942-2022)167

М. К. Хабдулина
Виктор Федорович Зайберт (1947-2022)171

Тимур Хасанович Очилов (1963-2022)174

К. Жамбулатов
Ерлан Сатыбалдыевич Казизов (1983–2022)176

С. Ильясова, Дж. Ильясов
Две подруги – одна судьба178

Б. Матбабаев, Х. Хошимов
К юбилею Бакыт Элтиндиевны Аманбаевой183

Жизнь одного мечтателя (К 70-летию Кристофа Баумера)187

Ю. Ёлгин
Академику Бауыржану Байтанаеву – 60 лет189

Сведения об авторах.....192

Список сокращений.....193

ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКАЯ ДЕКЛАРАЦИЯ ПРИНЦИПОВ УПРАВЛЕНИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ НАСЛЕДИЕМ

Авторы и разработчики основного текста Декларации:

Воякин Д.А. (Казахстан)
Воякина Н.А. (Казахстан)

Разработчики:

Тим Вилльямс (Великобритания),
Бауржан Байтанаев (Казахстан),
Казуя Ямаучи (Япония),
Бакыт Аманбаева (Кыргызстан),
Павел Лурье (Россия),
Роланд Лин (Франция),
Гай Джораев (Великобритания),
Она Вилейкис (Великобритания),
Айрат Ситдилов (Россия),
Майкл Янсен (Германия),
Пол Вордсворс (Великобритания),
Ли Эрву (Китай),
Руслан Мурадов (Туркменистан),
Симоне Мантеллини (Италия),
Тигран Мкртычев (Россия),
Майкл Фрачетти (США),
Рафаэль Валеев (Россия),
Джамал Мирзаахмедов (Узбекистан),
Рустам Сулейманов (Узбекистан),
Гани-ур Рахман (Пакистан),
Наранбаатар Баасансурен (Монголия),
Шакирджан Пидаев (Узбекистан),
Айсулу Ержигитова (Казахстан),
Эдуардо Эскаланте (Мексика),
Шаин Мустафаев (Азербайджан),
Андрей Омельченко (Россия),
Андрей Хазбулатов (Казахстан),
Амридин Бердимуратов (Узбекистан),
Галина Каримова (Таджикистан),
Татьяна Крупа (Украина),
Джангар Ильясов (Узбекистан),
Хулио Бандезу Сермиенто (Франция),
Питер Раукслоу (Великобритания),
Джорди Трессерас (Испания)

Декларация была инициирована и разработана при содействии и при патронаже Министерства туризма и спорта Республики Узбекистан, Национальной комиссии Республики Узбекистан

по делам ЮНЕСКО, Международного института центральноазиатских исследований.

«Декларация принципов управления археологическим наследием» была обсуждена и единогласно принята на полях международной конференции «Археология и туризм: определение потенциала и управление наследием» под эгидой ЮНЕСКО, прошедшей 16-17 сентября 2021 года в Нукусе, Республика Узбекистан, известными учеными, представлявшими более 20 стран мира.

На что направлена данная международная инициатива?

Многообразие и богатство культурного наследия являются основополагающим признаком цивилизованного общества, интеграционным компонентом национального и государственного самосознания. Широкое понятие «культурное наследие» включает в себя и менталитет, определяющий нравственные нормы, и стереотип поведения, и фольклорные системы от мира образов и «бродячих сюжетов» до музыкального лада. Вещественный блок культурного наследия представляет собой как бы материализованную память народа. Важную и самую значительную в количественном отношении часть этого блока составляет археологическое культурное наследие. Оно охватывает все виды археологических памятников: руины укреплений и поселений, оплывшие погребальные курганы, остатки древних стойбищ и городов, эффектные монументальные строения. Должным образом раскопанные и музеефицированные, исследованные профессионалами, они зримо несут информацию об ушедших веках и народах. Памятники, еще не изученные, представляют собой бесценный информационный фонд человечества, его нерушимую материальную память.

Вместе с тем археологическое наследие является невозполнимым ресурсом культурного богатства, научного потенциала, требующим особо бережной защиты. Поэтому объекты археологического наследия представляют собой уникальную ценность, а также потенциально являются неотъемлемой частью всемирного культурного наследия.

Скрытость объектов археологического наследия под землёй, их древность, хрупкость, исключительная историко-культурная ценность и научная значимость, высокая вероятность случайного обнаружения, специфика ведения научных археологических исследований, необходимость применения специальных мер сохранения и др.: наличие всех этих особенностей предполагает действие в отношении объектов археологического наследия особого режима их использования и охраны.

Актуальность и своевременность принятия Декларации

В XX столетии сложилось такое понятие, как археологическое наследие и связанный с ним весь блок организационных мероприятий (archaeological heritage management) – управление археологическим наследием.

Однако, в Центральной Азии этот процесс в связи с объективными обстоятельствами не был полноценно разработан и внедрен.

Археологическое наследие во всем центральноазиатском регионе в связи с одной стороны с его хрупкостью (ведь абсолютное большинство памятников представляют собой объекты сырцово-архитектуры) и с другой стороны в связи со скрытостью (памятники археологии скрыты толщей земли и не всегда легко различимы) подвержено чрезвычайно быстрому разрушению под воздействием как природного, так и человеческого фактора. Количество памятников, согласно научным данным и мониторингу стремительно сокращается.

Принятый документ имеет конечной целью повышение гарантий защиты археологического наследия, реализация ее норм не повлечет негативных правовых, политических и социальных последствий. Декларация нацелена фактически на спасение археологического наследия посредством разработки и внедрения грамотных и, что самое важное, действенных механизмов управления этим важнейшим емким ресурсом, представляющим собой одну из основ национальной идеи каждого государства.

Практическая значимость принятия Декларации

В качестве результатов следования принципам, прописанным в Декларации, прогнозируется значительное повышение защищённости объектов археологического наследия от негативного антропогенного влияния в условиях активизации хозяйственного освоения территорий, а

также формирование системного подхода к процессу взаимодействия государственных органов, землепользователей и организаций, проводящих научно-исследовательские работы в области археологии.

Позитивные последствия принятия Декларации состоят в повышении международного авторитета стран Центральной Азии, как высокоразвитых в гуманитарном отношении государств, бережно относящихся к имеющемуся материальному и нематериальному наследию культур и народов, населявших и населяющих территорию этого обширного региона на протяжении веков. Более того, эффективная интеграция объектов археологического наследия в экономику государства посредством создания базовой инфраструктуры туризма, обеспечит увеличение внутреннего и внешнего туристического потока, приток отечественных и иностранных инвестиций в индустрию гостеприимства, создание новых рабочих мест и развитие внегородских территорий.

В связи с тем, что Декларация принципов управления археологическим наследием направлена на качественное развитие государственного администрирования в данной области путём повышения эффективности действующей системы охраны и использования исторических и культурных ценностей, внедрения успешного мирового опыта, создания действенных правовых механизмов, обеспечивающих сохранение археологического наследия, принятие данного документа и продвижение его на международной арене, позволит вывести процесс управления археологическим наследием на качественно новый уровень.

Новизна предлагаемых принципов управления наследием, представленных в Декларации

Среди принципов Декларации: нормы о создании Единого электронного реестра и Государственного резервата памятников археологии; нормы о запрещении незаконных раскопок и исследований с использованием металлоискателей и другого поискового оборудования без специального разрешения; предписания о финансировании археологической экспертизы и охранно-спасательных работ на памятниках, попадающих в зону хозяйственного освоения, за счёт заказчика работ по освоению территорий; нормы по сохранению и поддержанию состояния объектов археологического наследия.

Требования строгого научного контроля над проведением археологических раскопок и необходимости производства их в соответствии с современными методиками археологической на-

уки, в качестве основополагающих принципов, отразились во включении в Декларацию.

Включение предписаний о поощрении обмена информацией о ведущихся археологических исследованиях и раскопках, в том числе международных, и о предотвращении незаконного оборота объектов археологического наследия также позволит обеспечить изучение и сохранение объектов археологического наследия на качественно новом уровне.

Перспективы дальнейшего продвижения Декларации на международном уровне

При поддержке властей Узбекистана и международного сообщества принятый Нукусской конференцией документ планируется принять в виде декларации или рекомендации на самом высоком международном уровне - Генеральной Конференцией ЮНЕСКО. Эта инициатива не только принесет международную известность столь важному начинанию, но и призовет все страны Центральной Азии объединить усилия по бережному управлению археологическим наследием – тем сокровищем, которое нам завещали предки и которое нам предстоит передать потомкам.

МНЕНИЯ ИЗВЕСТНЫХ УЧЕНЫХ В ОТНОШЕНИИ ПРИНЯТОЙ ДЕКЛАРАЦИИ

Я решительно приветствую ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКУЮ ДЕКЛАРАЦИЮ ПРИНЦИПОВ УПРАВЛЕНИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ НАСЛЕДИЕМ - этот передовой основополагающий документ. Это очень своевременная Декларация - принимаемая в тот момент, когда регион сталкивается с многочисленными проблемами, связанными с восстановлением после пандемии, с необходимостью развития устойчивого туризма, с неотложными вопросами климатического кризиса. Призыв к созданию «национальных единых электронных государственных реестров археологических памятников», включая электронные археологические карты, имеет первостепенное значение в обеспечении основы для проактивного планирования воздействия развития на всех уровнях. Археологические памятники являются важным научным и культурным достоянием Центральной Азии, и Декларация провозглашает их важность и их вклад в устойчивое развитие в 21 веке.

Профессор **Тим Уильямс**,
Институт археологии UCL, Великобритания

Всесторонняя и полномасштабная декларация, охватывающая практически все области защиты культурного наследия, сохранения, музеефикации, археологии, законодательства, сотрудничества, мониторинга и исследований в Узбекистане и странах Центральной Азии; важная веха в сохранении и номинации объектов наследия Шелкового Пути. Мои искренние приветствия и поздравления! И самый душевный привет всем моим коллегам в Узбекистане, с ожиданием встреч на неминуемых перекрестках Великого Шелкового Пути!

Доктор **Эрву Ли**,
директор Секретариата
Международный центр охраны природы
ИКОМОС - Сиань, Китай

Центральноазиатская Декларация принципов управления археологическим наследием, единогласно принятая учеными из более 20 стран, в рамках Международной археологической конференции «Археология и туризм: определение потенциала и управление наследием» под эгидой ЮНЕСКО, проходившей в Нукусе, Узбекистан 16-17 сентября 2021 года, представляет чрезвычайно важный, профессионально разработанный и, самое главное, актуальный для всего центральноазиатского региона документ. Убежден, что в самое ближайшее время Декларация будет принята многими странами в качестве основополагающего документа в области управления археологическим наследием.

Профессор **Казуя Ямаучи**,
Университет Тэйкё, Япония

После внимательного рассмотрения ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКОЙ ДЕКЛАРАЦИИ ПРИНЦИПОВ УПРАВЛЕНИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ НАСЛЕДИЕМ, подписанной 17 сентября 2021 года в Нукусе (Узбекистан), я считаю, что она имеет неоспоримое значение для определения социально ответственного и научного подхода к движимым и недвижимым объектам культурного наследия в Узбекистане и Центральной Азии. Декларация устанавливает рамки для ответственного документирования, изучения, сохранения и управления всеми формами археологического наследия, а также для признания культурных традиций, которые оказали глубокое влияние на мир на протяжении всей его истории.

Я рад, что эта декларация была утверждена, и ее основные принципы были приняты сообществами ученых, политических деятелей и ши-

рокой общественности. Декларация поможет сохранить наследие прошлого для будущих поколений, живущих в Центральной Азии. Этот Документ является фундаментальным актом прав человека для всех, чтобы люди могли передавать и разделять друг с другом свои общие исторические связи и свое общее наследие.

Доктор Майкл Фрачетти,
профессор археологии и прединтории
Центральной Азии, кафедра антропологии,
Вашингтонский университет в Сент-Луисе, США

Декларация, принятая в Нукусе, является важным этапом в становлении современной системы сохранения историко-культурного наследия. Актуальные задачи, поставленные в декларации, отвечают современным вызовам и дают возможность выбора приоритетов в определении новых направлений. Документ предоставляет широкие возможности для действий государственным органам, исследовательским и образовательным учреждениям, общественным организациям в Центральной Азии и сопредельных территориях. Бесспорно, появление Декларации на многие годы станет определяющим в сохранении культурного наследия и развитии туризма в контексте общемировых тенденций.

Профессор Айрат Ситдиқов,
директор Института археологии Республики
Татарстан, Российская Федерация

Впервые в истории Узбекистана и Центральной Азии прошла международная конференция «Археология и туризм: определение потенциала и управление наследием» под эгидой ЮНЕСКО. На ней был представлен на рассмотрение принципиально новый документ, который позволит поднять на новый уровень охрану и использование недвижимого археологического наследия региона. Правительство Узбекистана оперативно реагирует на вызовы времени и принимает мудрые решения, которые в будущем обеспечат сохранность нашего культурного наследия. Этот документ послужит другим странам образцом и примером возможного распоряжения и управления культурным наследием.

Профессор Рустам Сулейманов,
Ташкентский государственный университет,
Республика Узбекистан

Центральная Азия претерпела кардинальные изменения за последние десятилетия, многие из которых необратимо изменили культурные ландшафты и городской пейзаж этого региона. Регулирование в области археологического наследия представляет собой не только важный шаг в защите культурного наследия каждой нации региона, но и уникальную возможность для местных сообществ укрепить те давние отношения, которые связывают людей с их родной территорией. Возможность развития археологического туризма в странах Центральной Азии, включая создание археологического парка вокруг основных достопримечательностей, также является заманчивой, но сложной задачей, которая может принести пользу на разных уровнях и повысить глобальную осведомленность о таком уникальном культурном и историческом наследии.

Профессор Симоне Мантеллини,
Болонский университет, Италия

Это мероприятие, которое проводилось Правительством Узбекистана, было своевременным. Конференция объединила многих специалистов из разных стран: археологов, реставраторов, архитекторов и многих других экспертов из региона. Ее главным положительным эффектом я считаю декларацию, которая предлагает решение основной проблемы, общей для Центральной Азии, - сохранения истории культурного наследия. Обсуждались многие вопросы, например, границы между фундаментальной и прикладной наукой, механизмы воздействия, как применить археологию в развитии туризма и достичь экономического эффекта. Когда декларация начнет работать, развитие туризма будет напрямую зависеть от должного сохранения историко-культурного наследия и правильного бережного управления им. Объекты культурного наследия в свое время появлялись вне зависимости от государственной принадлежности, и туризм, по сути, также не должен иметь границ. Конечно, нужно заняться и подготовкой кадров.

Очень важно, чтобы декларация была принята всеми странами региона, и чтобы государства включили его в список своих приоритетов. Подобное мероприятие должно провести каждое государство в Центральной Азии.

Бауыржан Байтанаев,
академик Национальной академии наук
Республики Казахстан

Государства Центральной Азии имеют, сравнительно, очень хорошее законодательство с точки зрения защиты археологического наследия. Тем не менее, мы часто видим примеры пренебрежения и разрушения, что зачастую делается во имя градостроительства и развития, ради застройки. Похоже, что существует недостаток осведомленности или понятия законности тех или иных преобразований. Декларация, которую вы предлагаете, может послужить великому делу, помогая специалистам наилучшим образом передавать информацию о требованиях к защите объектов наследия. Декларация поможет доступным языком донести идеалы защиты и сохранения, без цитирования сложных юридических формулировок. Поэтому я полностью поддерживаю идею разработки общего согласованного текста, который упорядочит подходы во всем центральноазиатском регионе.

Доктор **Гай Джораев**,
Институт археологии UCL, Великобритания

Декларация при нашей общей международной поддержке может стать еще одной действенной мерой по укреплению принципов управления археологическим наследием нашего обширного региона.

Доктор **Бакыт Аманбаева**,
Национальная академия наук
Кыргызской Республики

Всемирное признание Центрально-Азиатской декларации принципов управления археологическим наследием является важной вехой в достижении цели долгосрочного сохранения при учете управления изменениями. Привлечение местных сообществ к управлению археологическими ландшафтами создаст экономические возможности, способствующие достижению целей устойчивого развития.

Декларация отражает ноу-хау и современное состояние общего видения академической среды и «полевилов», что, несомненно, послужит руководством для правительств стран Центральной Азии при совершенствовании правовой базы и системы управления наследием.

Доктор **Она Вилейкис**,
Институт археологии UCL, Великобритания

Декларации и руководящие принципы, касающиеся управления археологическим наследием и его защиты, являются важными ориентирами для международной стандартизации сохранения археологического наследия в странах с таким богатым прошлым и столь богатой культурой.

Властям следует рассмотреть возможность принятия деклараций и рекомендаций в рамках своей правовой базы с тем, чтобы укрепить свои институты по реализации культурной политики. Сохранение археологического наследия необходимо для консолидации культурной самобытности.

Для использования объектов археологического наследия важно, чтобы правительственные учреждения приняли культурную политику, касающуюся разграничения охраняемых территорий и подготовки археологических парков для распространения культурного наследия, просвещения и продвижения туризма. Такие страны, как Мексика, приняли Хартию ИСАИМ 1990 года и Декларацию ИКОМОС 1990 года в г. Мехико, на основании которых осуществляется политика развития Национальной Сети Археологических Зон, открытых для общественности. Также приняты Федеральные Декларации Зоны Археологических Памятников, определяющие и охватывающие сразу несколько правовых систем защиты археологического наследия. Такие инициативы возможны и необходимы в Узбекистане и прилегающих регионах с применением такой значимой и существенной декларации, как центральноазиатская декларация принципов управления археологическим наследием.

В нынешнюю урбанистическую эпоху, которую переживают несколько стран региона, особый режим землепользования в границах археологических памятников является необходимой мерой, которая должна быть реализована в рамках законодательства. После определения особо охраняемых территорий и соответствующих границ - упорядочение землепользования поможет в развитии социальной инфраструктуры и туризма при этом имея в виду полное внимание к сохранению археологического наследия. Эти меры защиты являются основным элементом данной Декларации.

Доктор **Эдуардо Андрес Эскаланте Карийо**,
директор Музея антропологии и истории
штата Мехико, Мексика

ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКАЯ ДЕКЛАРАЦИЯ ПРИНЦИПОВ УПРАВЛЕНИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ НАСЛЕДИЕМ

Международная археологическая конференция «Археология и туризм: определение потенциала и управление наследием» под эгидой ЮНЕСКО, будучи убеждена в том, что объекты археологического наследия, обладая рядом особенных характеристик, таких как скрытость под грунтом и водой, древность (принадлежность к прошлому времени), хрупкость, исключительная историко-культурная ценность, научная значимость и обширный информационный потенциал, высокая вероятность случайного обнаружения, специфика ведения научных археологических исследований, необходимость применения специальных мер сохранения, что обуславливает применение особого режима их использования и охраны;

констатируя, что национальное археологическое наследие обогащает все человечество в целом;

особо отмечая уязвимость и невосполнимость археологического наследия;

напоминая о том, что несмотря на технический прогресс, который облегчает развитие и распространение знаний и идей, многочисленные сопутствующие прогрессу факторы, в том числе рост городов и хозяйственное освоение новых территорий, ведут к катастрофически быстрой утрате археологического наследия;

учитывая особенности развития центральноазиатского региона;

принимая во внимание международные документы:

- Конвенция о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта. Гаага, 1954.
- Рекомендация, определяющая принципы международной регламентации археологических раскопок. Нью-Дели, 1956.
- Международная хартия по консервации и реставрации памятников и достопримечательных мест (Венецианская хартия). Венеция, 1964.
- Рекомендации о сохранении культурных ценностей, подвергающихся опасности в результате проведения общественных или частных работ. Париж, 1968.
- Конвенция о мерах, направленных на запрещение и предупреждение незаконного ввоза, вывоза и передачи права собственности на культурные ценности 1970.
- Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия 1972.
- Рекомендация об охране культурного и природного наследия в национальном плане. Париж, 1972.
- Хартия по культурному туризму. Брюссель, 1974.
- Рекомендация о сохранении и современной роли исторических ансамблей. Найроби, 1976.
- Международная хартия по охране исторических городов. Вашингтон, 1987.
- Хартия по охране и управлению археологическим наследием. Лозанна, 1990.
- Европейская конвенция об охране археологического наследия (пересмотренный вариант). Валетта, 1992.
- Нарский документ о подлинности. Нара, 1994.
- Принципы регистрации памятников, групп зданий и достопримечательных мест. София, 1996.
- Конвенция об охране подводного культурного наследия. Париж, 2001.
- Декларация ЮНЕСКО, касающаяся преднамеренного разрушения культурного наследия, 2003.
- Декларация о сохранении исторических городских ландшафтов (Венская декларация), 2005.
- Рекомендация об исторических городских ландшафтах. Париж, 2011.

- Принципы Валлетты по сохранению и управлению историческими городами и урбанизированными территориями. Валетта, 2011.
- Меноркская декларация о разработке и использовании передовых практик в управлении археологическими объектами Всемирного наследия. Менорка, 2012.
- Руководящие принципы Салалы о государственном регулировании археологических памятников. Нью-Дели, 2017.

принимает следующие принципы, изложенные в Центральноазиатской Декларации принципов управления археологическим наследием:

Настоящая декларация определяет общие принципы управления археологическим наследием для национальных государств, археологическое наследие которых является составной частью культурного наследия центральноазиатского региона. Декларация призвана содействовать сближению законодательных и методологических основ государств в области управления археологическим наследием.

(1) Объекты археологического наследия

Археологическое наследие

Для целей настоящей Декларации под археологическим наследием понимаются материальные свидетельства жизни человеческого сообщества прошлых веков (движимые и недвижимые), сохранившиеся в естественных условиях на земной поверхности, под землёй или под водой, требующие для выявления и исследования применения археологических методов.

Недвижимые объекты археологического наследия

Недвижимые объекты археологического наследия — это места, сохранившие следы человеческого обитания, позволяющие зафиксировать любые проявления исторической деятельности человека.

Недвижимые объекты археологического наследия всех видов, в независимости от их функционального назначения, включая отдельные элементы и структуры археологического характера, а также их группы; изолированные археологические объекты, группы и комплексы археологических объектов, археологические достопримечательные места¹, являются памятниками археологии.

Зона с археологическим потенциалом² вокруг выявленных элементов памятника археологии является недвижимым объектом археологического наследия и подлежит охране как территория памятника археологии до момента утверждения границ территории выявленного памятника археологии.

Движимые объекты археологического наследия

К движимым объектам археологического наследия относятся археологические находки (отдельные археологические предметы, археологические коллекции, массовый археологический материал, а также связанные с памятником археологии древние человеческие останки (антропологический материал), остатки животных и растений, грунт (остеологический, карпологиический, палеоботанический материал и т. п.), выявленные как в процессе проведения законных (санкционированных) археологических исследований, так и полученные в результате незаконных раскопок или незаконного поиска, а также клады и случайные находки, обладающие признаками объектов археологического наследия.

¹ археологические достопримечательные места – целенаправленно созданные или естественно развившиеся археологические ландшафты, представляющие из себя территории, где памятники археологии, являясь основными ландшафтообразующими элементами, находятся в тесной взаимосвязи с окружающей природной средой. См. также ст. 1 Конвенции об охране всемирного культурного и природного наследия 1972.

² См. Раздел (7) Декларации «Зона с археологическим потенциалом»

(2) Использование объектов археологического наследия

Объекты археологического наследия используются в научных, просветительских, воспитательных, туристических целях, а также в целях возрождения и развития духовных, исторических и культурных традиций народов центральноазиатского региона.

По своему назначению все объекты археологического наследия, в первую очередь, выступают объектами научного изучения. Археологические находки после соответствующего научного изучения передаются в музеи и используются как музейные предметы (музейные коллекции).

Физические и юридические лица могут использовать объекты археологического наследия с учетом вышеперечисленных целей в соответствии с их характером и назначением, при соблюдении требований, связанных с их охраной.

Использование объектов археологического наследия не по назначению, с нарушением требований национального и международного законодательства запрещается и преследуется по закону.

Особо охраняемые территории

Ансамбли и комплексы памятников археологии, представляющие особую историческую, научную, художественную или иную культурную ценность, могут быть объявлены особо охраняемыми территориями (заповедниками, музеями, археологическими парками) и выступать наряду с другими памятниками археологии как объекты туризма (туристические ресурсы).

Археологические парки

Археологические парки – охраняемые, управляемые, экспонируемые археологические достопримечательные места, представляющие собой сформировавшиеся в древности (в прошедшие века) археологические ландшафты, где памятники археологии, являясь основными ландшафтообразующими элементами, находятся в тесной взаимосвязи с окружающей природной средой, являются объектами научного исследования и источниками динамичного обновления археологических данных, благодаря чему выступают инструментами современного восприятия и интерпретации посетителями общего прошлого человечества и осознанного сохранения наследия.

(3) Система мер по охране объектов археологического наследия

Система охраны объектов археологического наследия состоит из правовых, организационных, финансовых, материально-технических, информационных и иных мер, принимаемых компетентными органами³, направленных на выявление, учет объектов археологического наследия, предотвращение их разрушения или причинения им вреда.

Система мер охраны объектов археологического наследия включает в себя, но не ограничивается:

- 1) обеспечение соблюдения национального и международного законодательства об охране и использовании археологического наследия;
- 2) разрешительный порядок проведения археологических полевых исследований и научно-реставрационных работ на археологических объектах;
- 3) обеспечение выявления объектов археологического наследия;
- 4) государственный учет объектов археологического наследия;
- 5) создание Национального резервата памятников археологии;
- 6) обеспечение соблюдения требования об обязательном проведении археологической экспертизы земель, подлежащих хозяйственному освоению;
- 7) обеспечение проведения охранно-спасательных археологических работ;
- 8) установление ограничений (обременений) права собственности или иного законного пра-

³ Компетентные органы – органы и структуры разных уровней государственной власти, а также уполномоченные на совершение определённых действий учреждения и организации, имеющие разную компетенцию (совокупность юридически установленных полномочий, прав и обязанностей конкретного органа (учреждения), определяющего его место в системе государственных органов) в сфере управления археологическим наследием.

ва на земельный участок, в пределах которого расположен памятник археологии, требованиями по его сохранению, по соблюдению порядка его содержания и использования, по обеспечению доступа к памятнику археологии и другими требованиями (охранное обязательство);

9) установление ответственности за повреждение, разрушение или уничтожение объекта археологического наследия, перемещение, хищение, разграбление объекта археологического наследия, причинение вреда объекту археологического наследия и осуществление действий, повлекших другие негативные изменения данного объекта археологического наследия;

10) установление особого режима использования земель в границах территории памятника археологии; особого режима использования земельного участка, в пределах которого располагается памятник археологии; особого режима использования участка водного объекта, в пределах которого располагается памятник археологии; режимов использования земель в границах зон охраны памятника археологии, и обеспечение их соблюдения;

11) установление условных границ памятника археологии и зон его охраны для обеспечения действия в их пределах охранных режимов использования земель до момента утверждения реальных границ памятника археологии;

12) установление границы территории памятника археологии как объекта градостроительной деятельности особого регулирования; установление требований по охране к градостроительным регламентам в границах территории памятника археологии и в границах территорий зон охраны памятника археологии, и обеспечение их соблюдения;

13) установка на памятниках археологии информационных надписей и обозначений;

14) проведение работ по сохранению⁴ движимых и недвижимых объектов археологического наследия;

15) осуществление мер по обеспечению сохранности памятника археологии в ходе изыскательской, проектной, строительной, хозяйственной, лесоустроительной и иной деятельности;

16) согласование (со стороны компетентных органов) проектной документации, необходимой для проведения охранно-спасательных работ, работ по сохранению и изучению памятника археологии, разработанной предполагаемыми исполнителями работ;

17) утверждение отчетной документации о проведении работ по сохранению и изучению памятника археологии;

18) разработка и внедрение обязательных норм хранения движимых объектов археологического наследия в профильных учреждениях, организациях;

19) обеспечение сохранности движимых объектов археологического наследия, прошедших реставрационно-консервационные мероприятия, посредством строгой регламентации в сфере фондового хранения, с внедрением требования для профильных учреждений, организаций, обеспечивающих дальнейшую сохранность движимых объектов археологического наследия, иметь в штате профессиональных научных реставраторов;

20) «Организация, поддержка и развитие музейных комплексов при археологических парках, которые включали бы экспозиционные пространства, оборудованное хранение, лаборатории по реставрации и консервации, место для проживания исследователей и сотрудников, конференц-залы.»

21) контроль со стороны компетентных органов за обеспечением сохранности движимых объектов археологического наследия на различных этапах (выявление, изучение, реставрационно-консервационные мероприятия, дальнейшее хранение, экспонирование) посредством плановых мониторингов.

(4) Имплементация норм международного права в национальном законодательстве

Для создания дополнительных гарантий исполнения национальными государствами взятых на себя международных обязательств, вытекающих из международных соглашений, в том числе

⁴ См раздел (15) Декларации «Меры по сохранению археологического наследия»

из Конвенции об охране всемирного культурного и природного наследия 1972 г. и Оперативного руководства по её исполнению, необходима имплементация (внедрение) норм международного права в национальное законодательство.

Для обеспечения имплементации международных норм приветствуется:

- приведения терминологии, используемой в национальных законодательных актах, в соответствие с понятийным аппаратом, применяемым в международных документах, в том числе в документах Комитета всемирного наследия и Практическом руководстве по выполнению Конвенции 1972 г. ,

- прямое внедрение концептуальной основы, принципов и наиболее эффективных механизмов правового регулирования в сфере управления археологическим наследием в национальные законодательства;

- реализация норм международного права посредством их адаптации и принятия государством новых, изменении, отмене действующих норм национального права.

(5) Особый режим использования земель в границах территории памятника археологии

В границах территории памятника археологии следует установить особый режим использования земель, позволяющий обеспечить необходимые условия для сохранения его целостности, исторической подлинности, культурной ценности.

Меры по охране

Особый режим использования земель в границах территории памятника археологии предусматривает применение следующих мер по охране:

- 1) создание благоприятных экологических условий для сохранения памятника археологии, в том числе обеспечение благоприятной гидрогеологической обстановки и благоприятного температурно-влажностного режима, чистоты воздушного бассейна и водоемов, защиты от динамических воздействий (вибро-акустических, электромагнитных), защиты от воздействий химически активных веществ и других негативных факторов;

- 2) обеспечение неизменности облика памятника археологии (насколько это возможно с учётом проведения комплексных археологических работ на объекте) посредством защиты от разграбления, уничтожения, разрушения, повреждения, искажения культурных слоёв, исторически ценной системы планировки, вскрытых археологических структур, археологических находок, а также взаимосвязи между указанными элементами, включая в том числе защиту от повреждений и искажений, которые могут произойти в процессе научного изучения;

- 3) создание благоприятных условий для обзора памятника археологии;

- 4) запрет на размещение, проектирование, эксплуатацию объектов, отрицательно влияющих на сохранность памятника археологии;

- 5) запрет на проведение изыскательских, землеустроительных, земляных, строительных, мелиоративных, хозяйственных, лесоустроительных и иных работ, за исключением работ, направленных на изучение и сохранению памятника археологии, сохранение его историко-культурной и природной среды.

- запрет на сельскохозяйственную деятельность и любую другую хозяйственную деятельность на территории памятника за исключением деятельности по благоустройству территории памятника археологии, позволяющей обеспечить его функционирование в современных условиях и не противоречащей требованиям обеспечения сохранности памятника;

- запрет на движение транспортных средств, самоходных машин и механизмов за исключением специализированной техники, используемой для работ по изучению и сохранению памятника археологии при соблюдении требований по сохранности памятника археологии.

Согласования проектов работ на территории памятника археологии

Проекты работ по изучению и сохранению памятника археологии, проводимых в границах его территории, а также проекты работ по благоустройству территории памятника подлежат предварительному согласованию с компетентными органами в сфере управления археологическим наследием.

Работы по изучению и сохранению памятника археологии, а также хозяйственная деятельность по благоустройству его территории, проводимые в границах территории памятника археологии и затрагивающие участки культурного слоя, археологические структуры, разрешаются только при обязательном присутствии профессионального археолога, осуществляющего археологический надзор.

(6) Зоны охраны памятников археологии

В целях создания условий, способствующих сохранению памятников археологии устанавливаются зоны охраны (памятника археологии):

- охранный зона⁵;
- зона регулирования застройки и хозяйственной деятельности⁶;
- зона охраняемого природного ландшафта⁷.

За пределами зон охраны осуществление градостроительной, хозяйственной и иной деятельности не должно оказывать прямое или косвенное негативное воздействие на сохранность памятника археологии, его историко-культурное окружение и природный ландшафт, в противном случае территория зон охраны должна быть расширена для обеспечения надёжной защиты памятника археологии.

Границы зон охраны памятника археологии вносятся в историко-архитектурный опорный план и карту-схему соответствующей местности, где фиксируется расположение памятников археологии, других памятников истории и культуры и вновь выявленных объектов историко-культурного наследия.

(7) Зона с археологическим потенциалом

Зона с археологическим потенциалом – территория вокруг или рядом с выявленными элементами памятника археологии, где высока вероятность дальнейшего обнаружения объектов археологического наследия.

(8) Условные границы памятника археологии и зон его охраны

Условные границы памятника археологии устанавливаются с целью обеспечения охраны вновь выявленных памятников археологии, относительно которых не проведены работы по определению границ территории памятника.

Условные границы устанавливаются на территории зоны с археологическим потенциалом вокруг определенной точки, где были зафиксированы археологические элементы выявленного памятника археологии.

Условные границы памятника археологии устанавливаются с момента его выявления. Особый режим использования земель в границах территории памятника археологии действует в условных границах до момента утверждения реальных границ его территории.

Условные границы зон охраны определяются относительно линии условной границы памят-

⁵ Охранный зона - территория, в пределах которой в целях обеспечения сохранности памятника археологии в его историческом ландшафтном окружении устанавливается режим использования земель, запрещающий хозяйственную деятельность и строительство, за исключением применения специальных мер, направленных на сохранение, изучение памятника и его окружения, а также мер по благоустройству территории, обусловленных требованиями современного использования, но не нарушающих исторически ценную культурную среду и природный ландшафт;

⁶ Зона регулирования застройки и хозяйственной деятельности - территория, в пределах которой устанавливается режим использования земель, запрещающий или ограничивающий строительство и хозяйственную деятельность и обеспечивающий гармоничное восприятие памятника археологии в современной градостроительной или природной среде.

⁷ Зона охраняемого природного ландшафта - территория, в пределах которой устанавливается режим использования земель, запрещающий или ограничивающий любую деятельность, способную вызвать изменение характера естественного или искусственно созданного ландшафта, композиционно связанного с памятником археологии, или изменение его отдельных элементов.

ника археологии. Соответствующие охранные режимы использования земель действуют в пределах условных границ зон охраны до момента утверждения реальных границ территории памятника археологии и зон его охраны.

Компетентные органы проводят или обеспечивают проведение работ по обозначению условных границ памятников археологии и зон его охраны в случае, если проведение работ по установлению реальных границ памятника археологии в текущем ев со дня выявления памятника археологии невозможно.

(9) Единый электронный государственный реестр памятников археологии

В целях эффективной организации учёта и охраны объектов археологического наследия компетентными органами ведётся Единый электронный государственный реестр памятников археологии.

Сведения, публикуемые в реестре

Реестр представляет собой государственную информационную систему, содержащую следующие сведения о недвижимых объектах археологического наследия: наименование памятника археологии, местонахождение, категория, вид, датировка, информацию о территориальных границах, зонах охраны, охранных обязательствах и другие данные, единство и сопоставимость которых обеспечиваются за счет общих принципов формирования, методов и формы ведения реестра.

Электронная археологическая карта и реестр утраченных памятников

Составной частью Единого электронного государственного реестра памятников археологии является электронная археологическая карта, а также реестр утраченных памятников археологии, в котором хранится вся информация о памятниках археологии, исключённых из основного реестра по причине разрушения или полного исследования в результате охранно-спасательных археологических работ.

(10) Национальный резерват памятников археологии

В целях сохранения для будущих поколений целостности, подлинности (аутентичности), ценности памятников археологии, как наиболее уязвимой, невосполнимой части историко-культурного наследия, создаётся **Национальный резерват** памятников археологии.

В Национальный резерват памятников археологии могут быть внесены как целые памятники, так и отдельные элементы памятников археологии.

Охранная политика по отношению к памятникам археологии, внесённым в Национальный резерват памятников археологии, основывается на применении программ регулярного инспектирования, предупредительного ухода и поддержания памятника археологии, а также на стратегии минимального вмешательства, предполагающей запрещение археологического изучения памятника разрушающими методами, которые негативно воздействуют на целостность памятника, подлинность его дизайна (внешнего вида), материала, исполнения и окружения. Подобное запрещение устанавливается на длительный срок.

Критерии отбора памятников археологии, а также порядок внесения их в **Национальный резерват** памятников археологии и порядок исключения из него определяется национальным законодательством.

(11) Археологическая экспертиза земель, водных объектов при хозяйственном освоении территорий и отводе земельных участков, участков водных объектов

В целях обеспечения сохранности объектов археологического наследия при освоении территорий на земельных участках, участках водных объектов всех видов перед началом работ по освоению территорий должна быть произведена археологическая экспертиза, в том случае, если на этой территории подобные исследования ранее не проводились или, если сведения, полученные

в результате ранее проведённых исследований, требуют уточнения.

Отвод земельных участков, участков водных объектов, предоставляемых под любые виды освоения территорий, осуществляется только при наличии заключения археологической экспертизы об отсутствии на территории, подлежащей отводу, объектов археологического наследия.

Заключение археологической экспертизы о наличии на исследуемой территории объектов археологического наследия является основанием для отказа в отводе земельного участка, участка водного объекта и в проведении работ по освоению территории. Отвод земельного участка, участка водного объекта и работы по освоению территории могут быть в дальнейшем разрешены только при обеспечении условий для сохранения и (или) археологического изучения выявленных на данной территории памятников археологии путём внесения в проекты проведения изыскательских, землеустроительных, земляных, строительных, мелиоративных и иных хозяйственных работ соответствующих дополнений и изменений, согласованных с компетентными органами.

Археологическая экспертиза проводится за счёт заказчика работ по освоению территории.

(12) Охранно-спасательные археологические работы

Охранно-спасательные археологические работы проводятся на памятниках археологии, попадающих в зону хозяйственного освоения и подлежащих разрушению посредством изыскательских, землеустроительных, земляных, строительных, мелиоративных, хозяйственных и иных работах, либо на памятниках археологии, находящихся в аварийном состоянии (аварийных памятниках).

Охранно-спасательные археологические работы входят в систему мер по охране объектов археологического наследия и представляют собой особый вид археологических исследований, направленных на полное археологическое изучение памятника археологии, сопутствующих ему археологических находок и превращение их в источник научных знаний о жизни предшествующих поколений людей и их сообществ.

Принципы проведения охранно-спасательных археологических работ

Охранно-спасательные археологические работы проводятся на основании научного проекта проведения охранно-спасательных археологических работ.

При проведении охранно-спасательных археологических работ не допускается частичное изучение памятника археологии, за исключением тех случаев, когда охранно-спасательные работы проводятся на комплексном памятнике археологии, состоящим из нескольких недвижимых объектов археологического наследия, каждый из которых может считаться отдельным памятником археологии. Решение о полном или частичном изучении комплексного памятника археологии принимается на основе научной методики проведения охранно-спасательных археологических работ.

Охранно-спасательные археологические работы носят срочный характер. В процессе их проведения осуществляется полное изучение памятника археологии, которое означает, что памятник изучен на всей площади и по всей глубине культурного слоя, что влечёт полную физическую утрату памятника археологии.

Охранно-спасательные археологические работы на памятниках археологии, включённых в Список всемирного наследия

Проведение охранно-спасательных археологических работ на памятниках археологии, включённых в Список всемирного наследия, запрещено, за исключением случаев аварийного состояния памятника археологии при невозможности ликвидации угрозы его разрушения или при разрушении более семидесяти процентов памятника. Решение о проведении охранно-спасательных археологических работ на аварийных памятниках археологии, включённых в Список всемирного наследия, выносятся государственными компетентными органами с обязательным уведомлением Комитета всемирного наследия.

Финансирование охранно-спасательных археологических работ

Охранно-спасательные археологические работы на аварийных памятниках археологии осу-

ществляются за счёт государственных бюджетных средств, за счёт внебюджетных поступлений, либо за счёт лиц, виновных в аварийном состоянии памятника археологии.

Охранно-спасательные археологические работы на памятниках археологии, попадающих в зону хозяйственного освоения, осуществляются за счёт заказчика работ по хозяйственному освоению территорий.

(13) Принципы археологических исследований

- осуществление археологических исследований на основе соблюдения принципов научности, достоверности, полноты, комплексности, компетентности;

- проведение полевых археологических исследований должно осуществляться в порядке и на условиях национального законодательства, а также с соблюдением научных методик, разработанных и утверждённых компетентными органами с учётом имеющегося мирового опыта научных исследований.

- к проведению полевых археологических исследований на памятниках археологии, должны допускаться только лица (научные организации, музей, физические лица), имеющие специальные разрешения, выдаваемые компетентными органами с учётом наличия у претендентов соответствующей квалификации, опыта археологических работ, наличия материально-технической базы и пр.

- археологические исследования должны проводиться научными методами, предполагающими использование новейших достижений науки и техники, при условии применения, где это возможно, неразрушающих методов исследования.

- данные, получаемые в результате полевых археологических исследований, должны быть достоверными, полными, точными, информативными, объективными, наглядными. Для этого детальной документальной фиксации должны быть подвергнуты как процесс проведения полевых археологических исследований, так и вся совокупность объектов археологического наследия, которая должна изучаться и фиксироваться по месту нахождения - *in situ*. Все данные, полученные в результате полевых археологических исследований, отражаются в научном отчёте.

- после завершения полевых археологических исследований должны быть приняты меры по сохранению и поддержанию состояния объектов археологического наследия:

- должна быть проведена консервация вскрытых археологических элементов и структур, предпочтительно по месту их нахождения (*in situ*);

- должны быть вывезены земляные отвалы с территории памятника археологии для создания благоприятных условий для обзора археологического объекта;

- должно быть проведено восстановление земляного покрова, в случаях, когда не планируется проведение работ по реставрации и музеефикации в текущем периоде с целью обеспечения безопасности и сохранения первоначального природного и культурного ландшафта;

- археологические находки предпочтительнее оставлять по месту их нахождения (*in situ*), при возможности обеспечения их безопасности и сохранности;

- для движимых объектов археологического наследия, изъятых из мест их первоначального нахождения, должны быть предусмотрены места для хранения с соответствующими условиями для обеспечения их безопасности и сохранности.

Доступность результатов полевых археологических исследований

Результаты полевых археологических исследований должны быть доступны для научной и широкой общественности посредством их публикации в научных отчётах, специализированных научных исследованиях, каталогах, сводах и т. д.

Порядок введения в научный оборот результатов археологических исследований

На национальном уровне приветствуется разработка порядка введения в научный оборот результатов археологических исследований, включающего внедрение норм времени для введения в научный оборот новых археологических данных; норм, отражающих особенности авторского права в сфере археологических исследований, в том числе права первой публикации, права первооткрывателя и др.

Научный отчет

Научный отчет является основным документом, содержащим результаты полевых археологических исследований в текстовом, графическом виде, а также с использованием результатов фотофиксации. Научный отчет должен содержать описание выявленных археологических находок. Научный отчет относится к обязательной научной документации и подлежит бессрочному хранению.

(14) Запрещение проведения полевых археологических исследований на объектах археологического наследия без специальных разрешений

Правительства, власти, организации и учреждения, вовлеченные в управление археологическим наследием, должны предпринимать усилия по предотвращению любых незаконных раскопок и изъятий элементов археологического наследия;

Поиск артефактов на поверхности или в культурных слоях памятника археологии, в том числе с использованием металлоискателей или других специальных технических средств поиска, а также с использованием землеройных машин на объектах археологического наследия, лицами, не имеющими специального разрешения, является незаконными раскопками, должен быть запрещён преследоваться по закону.

Археологические предметы, полученные в ходе незаконных раскопок, подлежат передаче государственным компетентным органам в порядке, установленном национальным законодательством.

(15) Меры по сохранению археологического наследия

Сохранение объектов археологического наследия – это комплекс мер, необходимых для поддержания объектов археологического наследия в состоянии хорошей физической сохранности, включающий регулярное инспектирование, постоянный или периодический уход за памятниками археологии, проведение консервационных мероприятий после завершения полевых археологических исследований, организацию и проведение научно-реставрационных работ (консервация, реставрация (реконструкция)) на памятниках археологии, а также консервацию, реставрацию и реконструкцию движимых **объектов археологического наследия**.

Консервация памятников археологии

Консервация - комплекс мероприятий, предохраняющих памятник археологии от дальнейшего разрушения и обеспечивающих закрепление и защиту конструктивных частей и декоративных элементов без изменений исторически сложившегося облика памятника.

К консервации относятся и противоаварийные работы, состоящие из мероприятий, обеспечивающих физическую сохранность памятника, а также работы по рекультивации раскопов и шурфов.

Любые полевые археологические исследования, предполагающие снятие культурного слоя, вскрытие археологических структур, кроме охранно-спасательных археологических работ, должны завершаться консервацией памятника археологии или его элементов. Отсутствие в проектах исследования мероприятий по комплексной консервации памятника археологии является основанием для отказа со стороны компетентных органов в проведении археологических исследований (утверждении проекта).

Реставрация памятников археологии

Реставрация - комплекс мероприятий, обеспечивающих сохранение, восстановление и раскрытие исторического, архитектурно-художественного облика памятника археологии путем освобождения его от наслоений, не имеющих ценности и искажающих облик памятника, и восполнения утраченных элементов на основе научно-обоснованных данных, с применением исторических технологий.

Проведение работ по реставрации на памятниках, включённых в Список всемирного наследия или в Предварительный список всемирного наследия, допускается только при условии вос-

становления первоначального состояния памятника археологии (для многослойного памятника археологии - при условии восстановления состояния памятника, относящегося к определённой стадии жизни) на основе историко-критического анализа научных данных, исключающего предположение (гипотезу).

Материалы, фрагменты декора, используемые для восполнения утраченных элементов памятника археологии, по внешнему облику должны заметно отличаться от оригинальных (по принятому в международной практике шаблону).

Реконструкция памятников археологии

Реконструкция - комплекс мероприятий по воссозданию утраченного памятника археологии или утраченных частей, элементов памятника, осуществляемый посредством нового строительства, на основе научно-обоснованных данных.

Реконструкция не допустима на памятниках археологии, за исключением следующих исключительных обстоятельств⁸:

1) при воссоздании утраченного памятника или частей разрушенного памятника археологии из его собственных сохранившихся материалов, разрозненных фрагментов с использованием соответствующих оригиналу методов строительства (анастилоз) при наличии точных и исчерпывающих данных документальной фиксации утраченного памятника археологии (его частей). Метод анастилоза допускает для обеспечения условий консервации памятника археологии и восстановления единства его форм использование необходимого минимума современных элементов, заметно отличающихся от оригинальных;

2) когда в рамках реставрационного процесса осуществляется воссоздание отдельных элементов и деталей памятника с целью восстановления и раскрытия исторического, архитектурно-художественного облика памятника археологии в определённый период времени при наличии точных и исчерпывающих научных данных о частях, элементах, деталях памятника археологии, не дошедших до наших дней;

Работы по консервации, реставрации и реконструкции движимых объектов археологического наследия

Работы по консервации, реставрации и реконструкции (в том числе 3D - реконструкция) движимых объектов археологического наследия проводятся лицами, имеющими соответствующее образование и опыт работы в этой сфере. Они направлены на защиту от дальнейшего разрушения и на восстановление первоначального облика отдельных предметов и археологических коллекций с целью извлечения новых научных данных и экспонирования.

Материалы, используемые в реставрационном процессе для восполнения утраченных элементов (частей), отдельных фрагментов, элементов декора (росписи) движимых объектов археологического наследия по внешнему облику должны заметно отличаться от оригинальных по принятому в международной практике шаблону.

Реставрационный паспорт движимых объектов археологического наследия

Реставрационный паспорт является основным документом, содержащим подробное описание процесса и результаты реставрационно-консервационных мероприятий в текстовом, графическом виде, с приложением данных детальной фотофиксации реставрационного процесса. Реставрационный паспорт составляется в двух экземплярах (один — хранится в учреждении (музее), обеспечивающем дальнейшее хранение прошедших реставрацию или консервацию движимых объектов археологического наследия; другой — в реставрационной лаборатории, которая проводила эти мероприятия) и относится к обязательной научной документации и подлежит бессрочному хранению.

Доступность результатов реставрационно-консервационных мероприятий

Результаты реставрационно-консервационных мероприятий должны быть доступны для научной и широкой общественности посредством их публикации в научных отчётах, специализированных научных исследованиях, каталогах и т. д.

⁸ См. также п. 86 Руководство по выполнению Конвенции об охране всемирного наследия (2017 г.)

Принципы научной реставрации (консервации) объектов археологического наследия

При проведении реставрационно-консервационных мероприятий на памятниках археологии (далее – памятник) и с движимыми объектами археологического наследия (далее – объект) применяются следующие принципы:

- максимальное сохранением оригинального материала памятника (объекта);
- восстановление памятника (объекта) в его первоначальном виде (для многослойного памятника археологии - восстановление в виде, относящемся к определённом этапу жизни памятника);
- выявление и согласование исторических и художественных ценностей памятника (объекта);
- определенность и научная обоснованность реставрационного вмешательства (наличие точных и исчерпывающих данных документальной фиксации памятника (объекта), обоснованность применяемых реставрационно-консервационных методик, полное изучение исторического контекста и окружающей среды, наличие хронологически и художественно близких аналогий памятника (объекта) и т.д.);
- минимальное вмешательство в исторический материал объекта и доказанная логичность такой вмешательства;
- применение апробированных методик;
- обратимость применяемых методик.

(16) Взаимодействие органов управления с национальной общественностью и международным сообществом

Повышение профессионального уровня работников сферы управления археологическим наследием

Эффективность процесса управления в национальных государствах должна обеспечиваться повышением профессионального уровня работников государственных органов управления, сотрудников специализированных учреждений, а также научных работников в вопросах управления и сохранения археологического наследия и посредством организации соответствующих целевых программ и повышения уровня вовлечённости в них максимального круга лиц.

Целевые программы

Целевые программы, посвящённые управлению археологическим наследием, могут включать:

- разработку образовательных курсов (курсов повышения квалификации) по управлению археологическим наследием;
- включение вопросов управления археологическим наследием в состав образовательных программ всех уровней;
- организация системы подготовки кадров в области реставрации движимых объектов археологического наследия;
- реформирование системы подготовки кадров в сфере музейного дела;
- подготовку и проведения научно-практических конференций, симпозиумов, семинаров, тематических выставок и презентаций по вопросам охраны, сохранения и использования и популяризации объектов археологического наследия;
- и другие мероприятия.

Повышение интереса общественности к археологическому наследию

Повышение качества управления археологическим наследием достигается через повышение интереса общественности к археологическому наследию и улучшение осведомлённости населения об исторической ценности археологических объектов и существующих угрозах посредством проведения следующих мероприятий:

- обеспечение доступа к объектам археологического наследия в научных, культурных и иных целях посредством музеефикации археологических памятников, создания археологических парков, экспонирования археологических находок и контроля над соблюдением требования общественной доступности археологического наследия;
- улучшение качества восприятия памятников археологии путем создания специальных ви-

довых точек, смотровых площадок, освещения в темное время суток, установки специальных обозначений, информационных досок;

- повышение уровня национального и международного туризма исторического направления, посредством распространения туристической информации об археологическом наследии внутри страны и за рубежом, разработки туристических маршрутов, включающих памятники археологии, археологические парки, памятники истории и культуры, историко-культурные заповедники;

- повышение интереса населения к археологической науке, к проблеме сохранения и использования археологического наследия посредством освещения этих вопросов в средствах массовой информации, в том числе с помощью выпуска научно – популярной литературы, информационно-справочных и рекламных изданий, создания теле- и радиопередач, кино - и видеофильмов.

(17) Международное сотрудничество

Международное сотрудничество в сфере управления археологическим наследием должно основываться на интеллектуальной и нравственной солидарности человеческого сообщества, обеспечивающей свободу научных исследований, равноправие в области научных и научно-технических достижений в археологической науке и междисциплинарных исследованиях, включая международный обмен специалистами (экспертами, педагогами, отвечающими за дальнейшую профессиональную подготовку) и накопленными знаниями (технологиями, книгами, архивами) научно-техническое содействие и активное взаимовыгодное взаимодействие в сфере международного исторического туризма.

(18) Заключительные положения

Правительства, власти, организации и учреждения, вовлеченные в управление археологическим наследием, руководствуются принципами настоящей декларации и обеспечивают их внедрение и распространение между организациями, учреждениями, отдельными исследователями, участвующими в процессах выявления, изучения, сохранения и популяризации археологического наследия на территории своих государств и за их пределами.

Настоящая декларация призвана стать основой для разработки нормативно-правовых актов национального законодательства и обязательных для исполнения международных соглашений, касающихся отдельных сфер управления археологическим наследием, которые могли бы стать единой методологической базой для осуществления государственного контроля в области защиты и сохранения археологического наследия, в области проведения научных исследований, в области управления археологическими объектами туристического кластера и др.

ИССЛЕДОВАНИЯ
КУЛЬТУРЫ

М. А. АББАСОВА-ЮСУПОВА

МАЛОИЗВЕСТНЫЕ СУФИЙСКИЕ КОМПЛЕКСЫ БУХАРСКОГО ОАЗИСА XVIII–XIX ВЕКОВ: формирование, архитектура, типология

При изучении архитектуры, связанной с суфизмом, многие исследователи больше внимания уделяли блистательной архитектуре ханака и комплексов времени их расцвета в XV–XVII вв. Но в этой статье рассматривается архитектура суфийских обителей позднего периода на примере пяти комплексов, три из которых малоизучены. Это утраченная примерно в середине XX в. суфийская обитель Эшонн Имло в Бухаре, а также комплекс Халифа Ниязкул, от которого сохранилась только входная часть, именуемая ныне Чар-Минар. От комплекса Суфи Дехкон в Бухарском оазисе осталось лишь здание ханака. Две другие обители — Халифа Худойдот в Бухаре и Кыз-биби в Бухарской области изучены относительно хорошо, но и по ним удалось выявить некоторые новые сведения и провести их типологический анализ. Обобщая и анализируя архивные материалы, сведения письменных источников, публикации предшествовавших исследователей, а также данные собственных натурных изысканий и т.д., автор попытался выявить этапы формирования, особенности планировочной структуры, архитектуры и типологии пяти суфийских обителей, включая малоизвестные данные о личности святого, заказчика, донатора и истории строительства каждого комплекса.

Ключевые слова: Бухара, суфизм, культ святых, ханака, медресе, архитектура, Эшонн Имло, Халифа Худойдот, Халифа Ниязкул, Суфи Дехкон, Кыз-биби

DOI: <https://doi.org/10.34920/1694-5794-2022.33.001>

Цитирование: Аббасова-Юсупова М. А. Малоизвестные суфийские комплексы Бухарского оазиса XVIII–XIX веков: формирование, архитектура, типология // Вестник МИЦАИ. Вып. 33. Самарканд, 2022. С. 25–39.

СРАСПРОСТРАНЕНИЕМ суфийских орденов в Центральной Азии и более активным проникновением в ислам домусульманского культа святых захоронения суфийских шейхов становились объектами поклонения и паломничества. В VIII–XI вв. формировались основные положения теории *илми-ат-тасаввуф*, а также началось строительство первых обителей. За почти тысячелетний период развития (примерно IX–XIX вв.) архитектура и планировочная структура суфийских комплексов и особенно зданий *ханака* неоднократно менялись в соответствии с эволюцией самого суфизма и его ритуальной практики (Юсупова 1997: 51–59; Yusupova 1999: 121–132).

В XI–XIV вв. при мазарах поэтапно складывались крупные суфийские обители. В них вокруг внутреннего двора с водоемом строили мавзолей святого – эпонима обители, обрядовый зал для суфийских радений и других ритуальных собраний

(*сума‘-хана*), иногда совмещавший и функции мечети, жилище шейха и его семьи, комнаты для чтения Корана и обучения, кельи *муридов* (последователей), кельи для паломников с бесплатным приютом и пищей и др. (Кныш 1991). Таким был в XIV в., судя по описаниям арабского путешественника Ибн Баттуты и вакуфным документам на данную обитель, и комплекс Сайф ад-дина Бухарзи в Бухаре (Ибрагимов 1988: 82–83; Чехович 1965; 82). Эти комплексы, как и входящее в их состав здание с обрядовым залом, в арабском мире стали называть *завийа*, а в Центральной Азии – персидским термином *ханака* (Акимушкин 1991; Стародуб 2004).

В конце XIV–XVII вв. едва ли не весь регион пережил расцвет архитектуры зданий этого типа. Суфии активнее сотрудничали с властями и получали большие пожертвования. Здания ханака становились все более монументальными

и значительно выделялись в комплексе по высоте и масштабам. Возводили их сами суфийские шейхи, но чаще — правители и другие донаторы, являвшиеся их муридами. С конца XV в. суфиев, согласно исконным исламским традициям, стали вновь хоронить под открытым небом в *дахмах*¹ (дахма Ходжа Ахрара Вали в Самарканде и др.) или в *сагане*², расположенных в погребальных двориках-*хазира*. Бывшие ханака-комплексы дворового типа при мавзолеях преобразовались в мемориально-культурные центры, а само значение ханака теперь распространялось не на весь комплекс, а лишь на входящее в него сооружение с обрядовым залом.

В период расцвета архитектуры ханака (XV–XVII вв.) выделялись три вида этого типа зданий: 1) ранний, где крупный зал с двух или трех сторон обводился колонным айваном (ханака-мечеть Ходжа Зайн ад-Дина XVI в. в Бухаре); 2) монументальный портално-купольный с крупным центральным залом (ханака XVI в. Баха ад-Дина Накшбанда в Бухаре, Касим-шейха в Кермине и др.) и 3) портално-купольный, пристроенный к древнему почитаемому мавзолею (Занги-ата близ Ташкента, Сайф ад-Дина Бохарзи в Бухаре (*Немецова* 1989, 2004), Ходжа Абди Дарун в Самарканде).

В поздний период, в XVIII–начале XX в., происходил относительный упадок учения *ат-та-савуф*, когда суфизм становился более массовым, с упрощением его доктрин и ритуальной практики. Экономический кризис обусловил возведение более скромных по размерам зданий ханака, все чаще совмещавших и функции квартальной мечети. Они строились вновь, согласно ранним типам ханака, где к молельному залу прилегал колонный айван.

При изучении архитектуры, связанной с суфизмом, многие исследователи (*Воронина* 1969: 304–331; *Пугаченкова* 1976; *Маньковская* 1980: 125–134; и др.), включая автора этой статьи (*Yusupova* 1997: 99–114; *Юсупова* 2004: 265–273; и др.), больше внимания уделяли блистательной архитектуре ханака и комплексов времени их расцвета в XV–XVII вв. Здесь же мы рассмотрим архитектуру суфийских обителей позднего периода на примере пяти комплексов, три из которых малоизучены. Это, в частности, утраченная примерно в середине XX в. суфийская обитель Эшони Имло в Бухаре, а также комплекс медресе Ха-

лифа Ниязкула, от которого сохранилась только входная часть, именуемая ныне Чар-Минар. От комплекса Суфи Дехкон в Бухарском оазисе осталось лишь здание ханака. Две другие обители — Халифа Худойдот в Бухаре и Кыз-биби в Бухарской области изучены относительно хорошо, но и по ним удалось выявить некоторые новые сведения и уточнить их типологическую принадлежность. Обобщая и анализируя весь свод материалов: архивных документов, сведений письменных источников, публикаций предшествующих исследователей, а также данные собственных натурных изысканий и т.д., автор попытался выявить этапы формирования, особенности планировочной структуры, архитектуры и типологии пяти суфийских обителей, включая малоизвестные данные о личностях святых, заказчиков, донаторах и истории строительства комплексов.

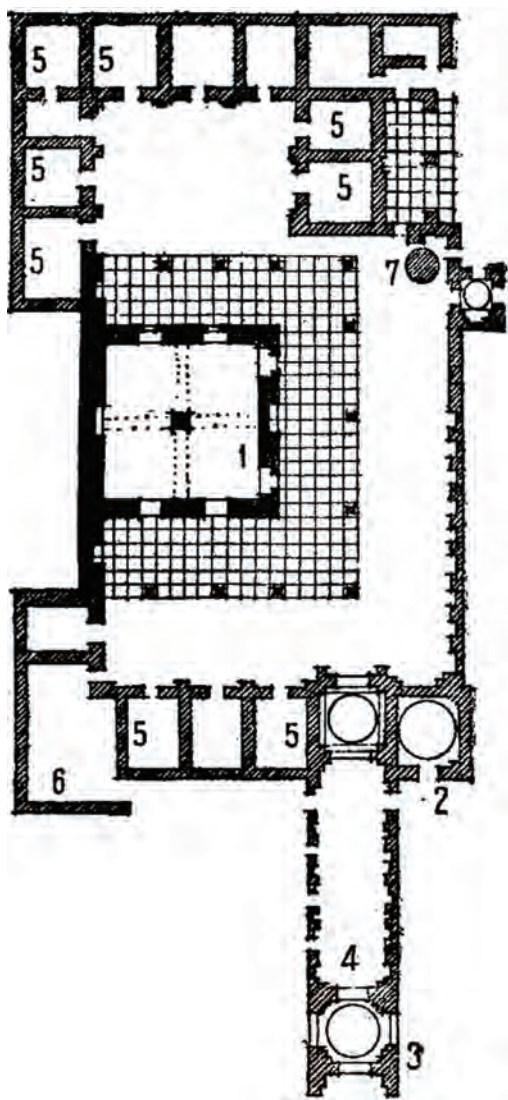
Предваряя анализ пяти этих разных по архитектуре объектов, отметим их общие черты: замкнутая внутриворобная планировочная структура, застройка двора по периметру различными сооружениями и наличие в каждом из них монументального здания ханака с одно-, двух- или трехсторонним колонным айваном. Ханака этого типа, вероятно, были распространены в Мавераннахре еще в XII–XIV вв. Судя по вакуфным документам³ и остаткам ханака Мухаммада Ходжа Порсо 1407 г. в Бухаре, они уже были известны в Мавераннахре не позднее начала XV в. и бытовали в XV–XVII вв. параллельно с более распространенным типом портално-купольных ханака.

Здания ханака раннего типа, как уже отмечалось, представляли собой купольный, иногда с плоской кровлей (на колоннах) зал, обведенный с одной, а чаще с двух или трех сторон колонным айваном. Такие ханака, наряду с одноэтажными *худжра* (келья), *дарвазахана* (входная часть), *тахаратхана* (помещение для омовения) и т.д., входили в периметральную застройку двора, составлявшую комплекс-общежитие суфиев. Таковы ханака-мечети Бухары периода расцвета: Ходжа Зайн ад-Дина XVI в. с купольным залом и Шохи-Ахси рубежа XVI–XVII вв. с многоколонным залом с плоской кровлей. Эту же традицию продолжали здания ханака-мечетей в названных суфийских комплексах Бухары XVIII–XIX вв. — Халифа Худайдот, Халифа Ниязкул и Эшони Имло, а также в комплексах Бухарского оазиса — Суфи Дехкон и Кыз-биби, где к их более раннему

¹ Дэхма — крупная погребальная платформа в форме параллелепипеда, облицованная кирпичом или камнем.

² Саганá — небольшой наземный склеп или надгробие, прямоугольное в плане, перекрытое стрельчатым сводом.

³ Дополнения по эпиграфике и истории памятников архитектуры Бухарской области. Чтение и перевод Б. М. Бабаджанова. Архив НИИ искусствознания Академии художеств РУз. ИА (М), №1152/1, с. 23.

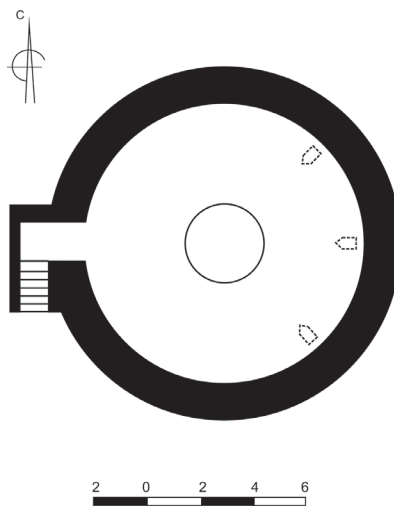
Ил. 1. Комплекс Эшони Имло.
План. Источник: (Лавров 1950: 152)

портально-купольному зданию позднее был пристроен колонный айван.

Суфийский комплекс Эшони Имло в Бухаре до середины XX в. находился близ хорошо сохранившейся поныне обители Халифа Худойдота. Интересны архитектура и история этого утраченного памятника, а также данные о личности погребенного близ нее святого, которому и был посвящен этот комплекс. По сведениям рукописи «Тухфат уз-зоирйин», являющейся важным историческим источником о личностях суфиев и связанных с ними обителях рассматриваемого времени (Захидова 2001: 54–59), Хазрат Эшони Имло (ум. в 1749 г.) был крупным богословом Бухары и имел знатный титул «Охунд Мулло Мухаммади» (Йулдошев 1997: 27). Его как редкого суфия, обучавшегося и получившего *иршад*⁴ сразу у четырех шейхов разных *тарикатов* (Джурабаев 2013: 96

–102) — Ишкийа, Кубравийа, Ясавийа и Накшбандийа, с почтением называли *Жомеъ ас-сулук* (сборник суфийских братств). Сохранилось несколько произведений-диванов Хазрата Эшони Имло. После смерти в его обители возвели в честь него ханака и другие культовые здания (Йулдошев 1997: 27).

Известно, что комплекс находился на территории крупного бухарского квартала Хаджи Хабибулло (Сухарева 1976: 160–161), большую часть которого к началу XX в. заняло кладбище Эшони Имло. Там находились могилы почитаемых суфийских наставников Эшони Имло и Халифа Худойдота, снабженные *тугами*⁵, а также некоторых бухарских ханов, в том числе «суфия на престоле» — правителя Эмира Шахмурада (Сухарева 1976: 160–161). Посреди кладбища, близ ханака Эшони Имло, находилась старая *сардоба* Чашма с небольшим входным порталом и ведущей вниз кирпичной лестницей (Ремпель 1981: 147). Первоначальное деревянное покрытие сардобы в начале XX в. заменили на купол из кирпича прямоугольного европейского формата. Строение освещалось и проветривалось через круглый проём в зените купола.

Ил. 2. Комплекс Эшони Имло. Сардоба. План.
По И. М. Азимову, 1979 г. Архив НИИ искусствознания Академии художеств РУз.
ИА (М), №1152/1

⁴ Грамота *иршад* выдается в виде письменного свидетельства суфийским наставником в подтверждение того, что данный мурид достиг совершенства в духовном развитии, уровня знаний и навыков, дающих ему право самому быть муридом (наставником) и воспитывать последователей.

⁵ Туг — высокий деревянный шест с прикрепленным к его вершине хвостом яка или лошади, отмечающий место захоронения почитаемого духовного лица.

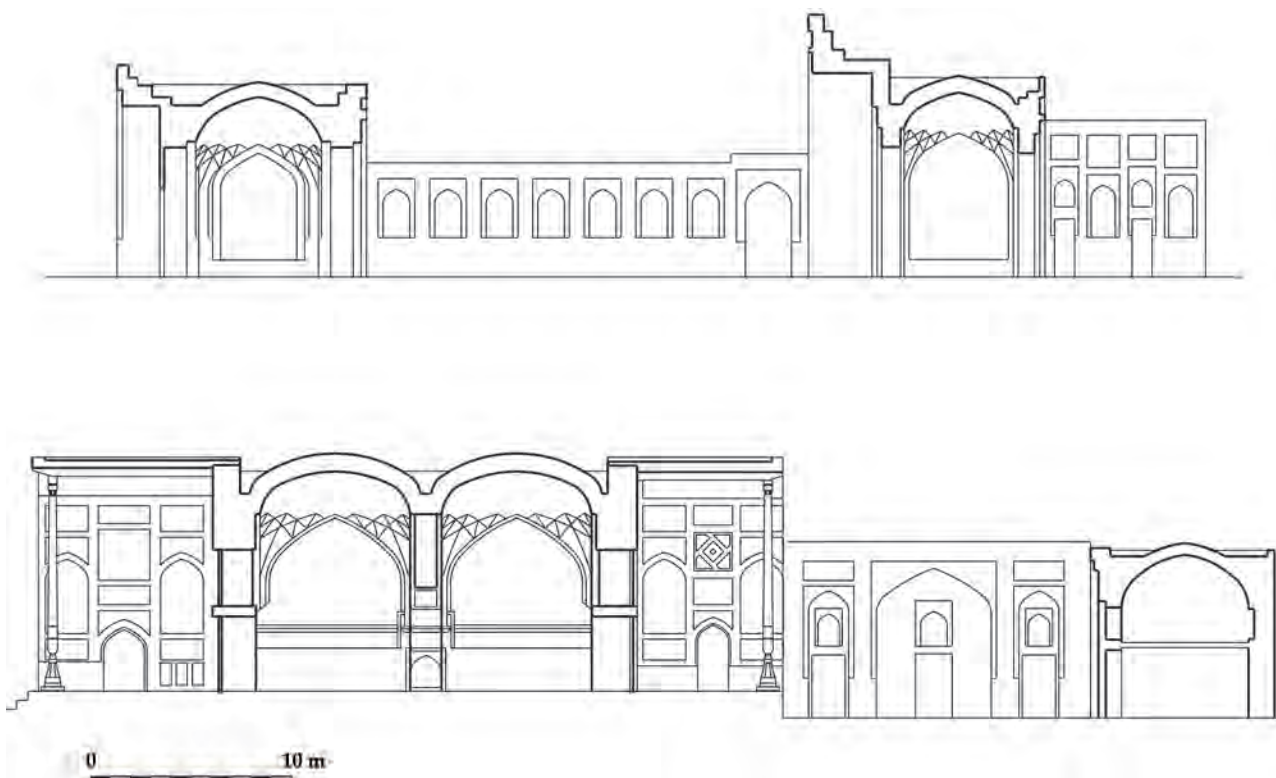
Ил. 3. Комплекс Эшони Имло. Общий вид. Фото 1937-1940 гг. Архив Главного научно-производственного управления охраны и использования объектов культурного наследия, Ташкент

Комплекс Эшони Имло занимал прямоугольную территорию, вытянутую по продольной оси север – юг с небольшим внутренним двором. Сюда с юга на север между захоронениями вел открытый коридор, на обоих концах которого были устроены купольные дарвазахана (Лавров 1950: 146). Пространство двора делилось по назначению на три части: входная южная — с худжрами, кухней и дарвазаханой; средняя, включавшая ханаку-мечеть, которая занимала значительную часть двора, и расположенный в ее северо-восточном углу минарет; и северная часть, обстроенная кельями с трех сторон (кроме южной), вероятно, монастырская — для более длительного проживания муридов. Ханака имела редкое для позднесредневековой архитектуры монументальное четырехкупольное кирпичное перекрытие, опиравшееся на мощный кирпичный столб в центре зала, обведенного с трех сторон, кроме западной, колонным айваном (ил. 1-2).

В 1950–1960-е гг. оставленные без присмотра и начавшие разрушаться постройки комплекса Эшони Имло, памятника архитектуры XVIII в., как и само кладбище с его значимыми и особо почитаемыми захоронениями, вследствие очередной кампании по борьбе с религией были снесены местными властями и полностью утрачены. Сохранилась лишь монументальная сардоба (ил. 3), близ которой в настоящее время на месте бывшего кладбища и комплекса располагаются сред-

Ил. 4. Комплекс Эшони Имло. Ханака. Интерьер. Фото 1930-1940-х гг. Архив Главного научно-производственного управления охраны и использования объектов культурного наследия, Ташкент

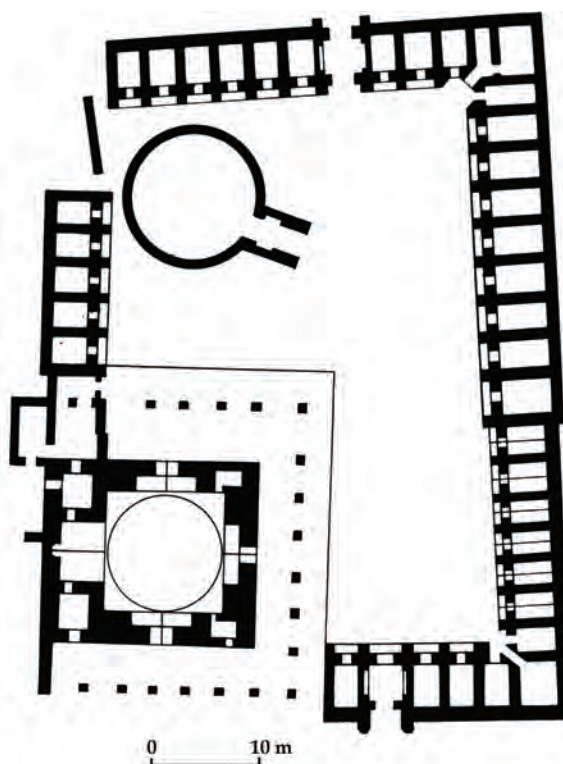

Ил. 5. Комплекс Эшони Имло. Ханака. Разрез, вычерченный на основе чертежей с фотографии 1930-1940-х гг. Архив Главного научно-производственного управления охраны и использования объектов культурного наследия, Ташкент

няя школа и частные жилые дома прилегающего квартала. О характере архитектуры сооружений суфийской обители Эшони Имло можно судить лишь по архивным фотографиям (ил. 4-5).

Среди рассматриваемых объектов одним из немногих (если не единственным) почти полностью сохранившимся суфийским комплексом Центральной Азии XVIII–XIX вв. является **Халифа Худойдот** в одноименном квартале Бухары (Сухарева 1976: 117-118).

Худойдот Таш-Мухаммад ‘Азизан ал-Бухари, шейх братства йасавийя-азизон, лишь недавно стал известен как крупнейший суфийский теоретик Мавераннахра, из трудов которого сохранилось 10 сочинений по суфизму (Бабаджанов 2003: 92). Согласно данным Д. Х. Джурабаева, именитый шейх Хазрат Халифа Худойдот жил во второй половине XVIII в. в Бухаре, был муридом Лутфуллоха Шайх Азизона и более сорока лет преподавал в медресе Мири-Араб, воспитав сотни учеников. Халифа Худойдот поначалу выстроил ханаку в тумане⁶ Пирмаст близ Бухары,

Ил. 6. Комплекс Халифа Худойдот. План. Архив Института искусствознания АН РУз., ИА (М)

⁶ Туман – административная единица в Бухарском эмирате, провинция, сельский район.

Ил. 7. Комплекс Халифа Худойдот. Фасад. Фото: М. Аббасова-Юсупова, 2009 г.

где жил недолгое время, а затем и в самой Бухаре, куда переехал при эмире Хайдаре. Худойдот завещал обоим ханака-комплексам некоторое вакуфное имущество. Авторитет суфия был настолько высок, что в его похоронах в 1800 г. участвовал правитель страны Эмир Хайдар (*Джурабаев* 2013: 100).

В настоящее время комплекс занимает территорию трапециевидной формы, расширенную к югу и вытянутую по линии север – юг. Внутренний замкнутый двор в центре обители по периметру застроен различными сооружениями (ил. 6). На главном южном фасаде – вход в виде портално-купольной дарвазаханы (ил. 7), рядом с которой возвышается минарет. Юго-западную четверть территории комплекса занимает крупная купольная ханака-мечеть, обведенная с трех сторон колонным айваном (ил. 8). Остальные стороны двора застроены рядами одноэтажных жилых и хозяйственных худжр.

Во дворе устроена сардоба из жженого кирпича – крытый куполом резервуар, который наполнялся грунтовыми водами и куда вел небольшой порталный вход. В зените купола был устроен световой фонарь для освещения и проветривания

сардобы, а в подкупольном пространстве вокруг цистерны – кольцевая площадка шириной около 1 м для желающих укрыться в прохладе у воды в жаркое время года. За пределами двора с севера находилось вышеупомянутое крупное кладбище с захоронениями суфийских шейхов Халифа Худойдота, Эшони-пира и их высокопоставленных муридов, включая правителей Бухарского эмирата. Все эти захоронения ныне утрачены.

Комплекс **Халифа Ниязула** был также многофункциональным и включал здание ханака-мечети, худжры для обучающихся, отчего его нередко называли медресе. Примерно в середине XX в. основные строения комплекса были разобраны, сохранилась лишь его портално-купольная входная часть — дарвазахана с четырьмя башенками на углах, отчего этот выразительный по архитектуре объект стали называть Чар-Минар — четырехминаретный (ил. 9). Несмотря на присутствие в его названии ясного определения *халиф-хальфа*⁷, многие исследователи, а вслед за

⁷ Халиф, хальфа – помощник, заместитель, преемник суфийского наставника.

Ил. 8. Комплекс Халифа Худойдот. Ханака. Интерьер. Фото: М. Аббасова-Юсупова, 2009 г.

ними и почти все туристические сайты и путешественники приписывают строительство комплекса богатому туркменскому купцу Ниязкули. Во время своих торговых поездок он якобы побывал в индийском городе Хайдарабаде, где стоит монументальная четырехбашенная триумфальная арка эпохи Кутб-шахов, построенная в 1591 г. Предполагают, что он решил использовать эту композицию для входной части в возводимом им бухарском медресе. Действительно, эта бухарская дарвазахана и знаменитый Чарминар в Хайдарабаде по объемно-пространственной композиции похожи. Но на этом сходство и заканчивается: по масштабу и стилистике эти постройки совершенно разные.

Между тем, по данным источников, строителем, вернее заказчиком и донатором этого комплекса был видный ученый-богослов, шейх братства муджаддидийа-накшбандийа Ниязкули Халифа ал-Лебаби ат-Туркмани (ум. в 1821 г.), выходец из Восточного Туркменистана. Последние 30 лет своей жизни он служил имам-хатибом главной столичной мечети Калян в Бухаре во времена правления эмира Шахмурада и его сына эмира Хайдара, которые были его мурида-

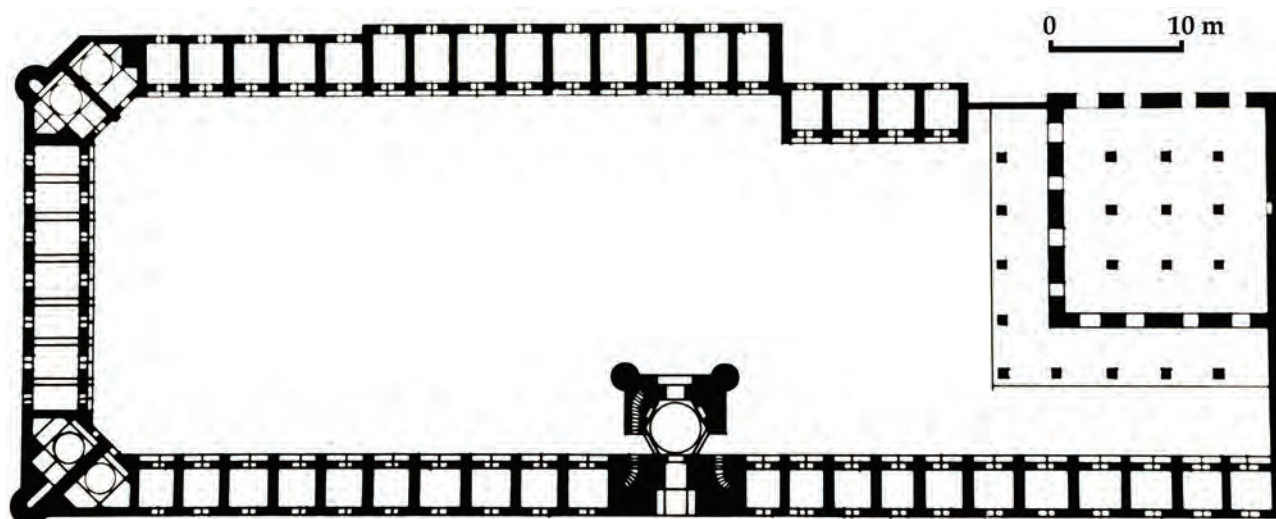
ми. Ниязкули называли «Пир-и дастгир» (Наставник-хранитель) и «ад-Дервиш аш-шереф» (Благородный дервиш) (Джурабаев 2013: 99). Известно, что он писал стихи на персидском и туркменском языках под псевдонимом Ниязи, но нет никаких свидетельств его занятий торговлей. Ниязкули ат-Туркмани был похоронен на холме Ходжа Исхак, к югу от квартала Джуйбар. После смерти суфия его сын и наследник, являвшийся, видимо, помощником и преемником своего отца на этом поприще, Абу-л-Фатх Убайд Аллах (умер в 1852–1853 гг.) взял на себя руководство медресе и ханака (фон Кюгельген 2003: 64).

Комплекс находился в одноименном жилом квартале⁸. По данным Анке фон Кюгельген, в последней четверти XVIII в. Халифа Ниязкул построил мечеть, которая также использовалась в качестве ханаки и соборной мечети, а при эмире Хайдаре (1800–1826) к ней было пристроено ме-

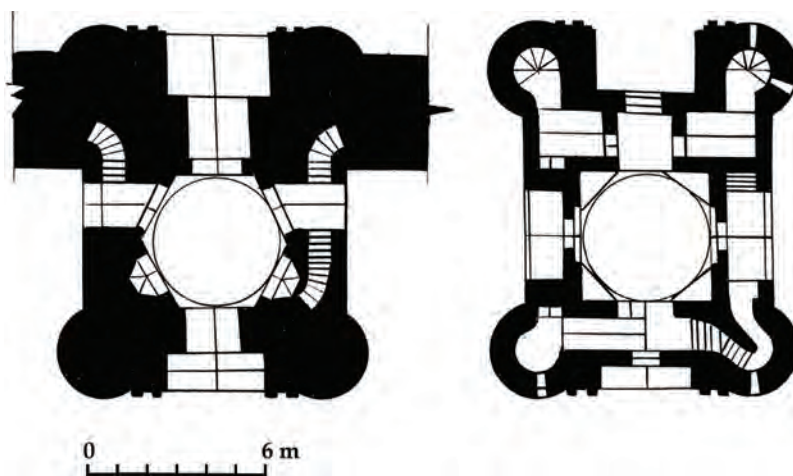
⁸ По данным О. А. Сухаревой, квартал под именем Халифа Ниязкули упоминается в двух грамотах XVII в., хранящихся в Государственном архиве, поэтому она считала, что датировка этого объекта нуждается в уточнении.

Ил. 9. Комплекс Халифа Ниязул. Чар Минар – входная часть в комплекс.
Фото: М. Аббасова-Юсупова, 2006 г.

Ил. 10. Комплекс Халифа Ниязул. План комплекса по обмеру Товманиянц, 1948 г.
Архив Института искусствоведения АН РУз., ИА (М)

Ил. 11. Комплекс Халифа Ниязул. Чар Минар. План нижнего и верхнего яруса по обмеру Товманиянц, 1948 г.
Архив Института искусствознания АН РУз., ИА (М)

Ил. 12. Комплекс Халифа Ниязул. Чар Минар. Фото: С. М. Прокудин-Горский, 1907 г.

Ил. 13. Комплекс Кыз-биби. План.
Источник: (Некрасова 2001: 61)

дресе с 50 кельями, библиотекой, водоёмом и *мустаракханой* (туалетом). Возведение и содержание комплекса Халифа Ниязкул финансировал за счет доходов от своих земельных владений (фон Кюгельген 2003: 63).

Комплекс занимал прямоугольный в плане участок, вытянутый, в отличие от других рассматриваемых комплексов, фронтально вдоль основной улицы по оси запад – восток (ил. 10). Входная часть в виде портално-купольной двухэтажной дарвазаханы с четырьмя башенками-минаретами по углам была смещена ближе к северо-восточному углу комплекса и располагалась асимметрично на главном северном фасаде. В центре двора, застроенного по периметру худжрами, был устроен водоем со ступенчатыми стенками из крупных каменных блоков. Юго-западный угол двора занимала обширная ханака-мечеть с плоским деревянным балочным перекрытием на девяти деревянных колоннах, обведенная с двух сторон колонным айваном.

На первом этаже дарвазаханы – единственной сохранившейся части комплекса – шестигранное помещение представляет собой *мионсарай* (вестибюль), комната на втором этаже пер-

воначально была библиотекой. Туда и на крышу дарвазаханы ведут винтовые кирпичные лестницы в теле трёх из четырех башен, завершающихся голубыми глазурованными куполами (ил. 11). На одной из стен дарвазаханы сохранилась надпись, содержащая дату постройки или ремонта здания — 1807 г. Таким зафиксирован комплекс Халифа Ниязкула на ряде исторических снимков (ил. 12). Худжры медресе и здание ханака-мечети были полностью разобраны в 1950-х гг. – вероятно, в ходе очередной кампании по борьбе с религией. Башни сохранившейся дарвазаханы реставрировались в 1968 г. В начале 1980-х — в 1990-е гг. в комплексе были восстановлены четыре худжры медресе и хауз (Альмеев 2011).

Большой интерес среди суфийских комплексов Бухарской области представляет единственная в своем роде женская суфийская обитель **Кыз-биби** в Жондорском районе на территории хозяйства Варахша. Персона, которой посвящена эта обитель, — *муршида* (наставница) из суфийского ордена Накшбандийа Мастура-ханум, или Огои Бузруг (Бабаджанов 1992: 18). Согласно данным рукописи Носириддина Тура ибн Музаффа Бухари «Тухфат аз-зоирин» (Ахророва 2009: 37), отец Огои Бузруг был правителем (хокимом) Бухары, происходившим из рода сайидов (потомков пророка Мухаммада). Ее мать Биби Шарифа была знаменитой женщиной своего времени. По данным Б. М. Бабаджанова, «Чин предводителя суфийского братства (“муршида”) она заняла после шейха Шади Гиюти и его супруги. В духе “муршидства” она была воспитана дедом и отцом. Среди ее муридов были мужчины и женщины; в частности, именитая особа Могол-ханум (или Айша-ханум) — сестра Бабура и супруга Шейбани-хана» (Бабаджанов 1992: 18).

В «Тухфат аз-зоирин» приводятся сведения о том, что «Муж Кыз-биби, настоящее имя которой было Огои Бузруг, — Амир Фаррух умер 12 дня месяца шавваля 927 г. по хиджре и его похоронили в сардобе⁹ (вероятно, подземный склеп, напоминающий по форме сардобу. — М.А.-Ю.) в Боги-Харам. Через два года, то есть в 929 г. по хиджре (1523 г.), когда умерла Огои Бузруг, её также похоронили в сардобе в Боги-Харам. В ее *жаноза* (похороны, заупокойная молитва) участвовали более двух тысяч человек», включая именитых светских и религиозных деятелей, шейхов, при-

⁹ Традиционно сардоба – это крытый куполом крупный кирпичный резервуар для хранения воды, основная часть которого находится ниже уровня земли и куда спускались по кирпичной лестнице. В средние века из-за схожести архитектурного решения и размещения под землей склепы для захоронения также иногда называли термином сардоба.

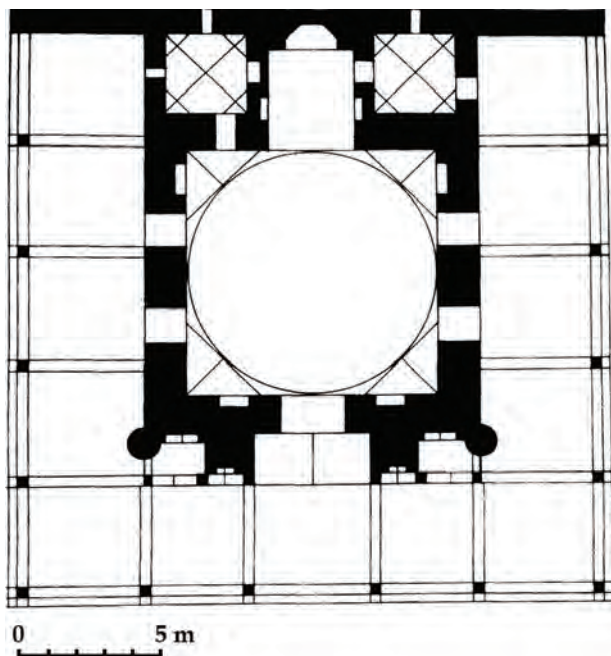

Ил. 14. Комплекс Кыз-биби. Общий вид ханака и мавзолея. Фото: М. Аббасова-Юсупова, 2013 г.

бывших из Бухары и регионов Хорасана (Ахро-рова 2009: 38). Традиционная трактовка прозвищ святых Кыз-биби как девы, непорочной девушки, в данном случае может быть иной, так как Огои Бузруг являлась *кизларнинг бибиси* (наставницей девушек), и могла получить прозвище Кыз-биби в этом смысле.

Садриддин Салим Бухорий, анализируя сведения рукописи «Тухфат аз зоирин», заключает, что в комплексе Кыз-биби похоронена сама Огои Бузруг, ее муж Амир Фаррух, их дети, ученики и последователи. В обители существовало две подземных сардобы-склепа. В первом склепе в Боги-Харам упокоена сама Кыз-биби, второй склеп, называемый Байт-ус Сир (секретная комната), куда спускались по 12 ступеням, был устроен в Харамхоне (Бухорий 2000: 24).

В настоящее время отреставрированный комплекс Кыз-биби занимает почти прямоугольную территорию, вытянутую вглубь двора от входа по продольной оси север — юг (ил. 13). Внутреннее пространство его застроенного по периметру двора функционально разделено на три части. Южная входная часть предназначена для паломников; средняя, включающая основ-

Ил. 15. Комплекс Суфи Дехкон. Ханака XVII в. с поздним айваном. План. Архив Института искусствознания АН РУз., ИА (М)

ные культовые и мемориальные здания, — место поклонения и отправления ритуалов; а северная часть двора — монастырская, с худжрами для постоянного проживания послушниц обители (*Некрасова* 1998: 61). Входная дарвазахана смещена на запад от оси главного южного фасада.

За входом, поперечно главной оси фронтально вытянута южная часть двора с рядом худжр на западе и несколькими помещениями и кухней — на востоке. В средней части двора всю его западную половину занимает квадратная в плане портално-купольная ханака-мечеть. С юга к ней примыкает равный ей по площади айван на девяти деревянных колоннах. За их глухой западной стеной устроен хозяйственный блок с баней, туалетом, колодцем и др. Напротив ханака в средней части двора расположен айван, за ним — купольный мавзолей Кыз-биби и несколько прилегающих к нему помещений. Северная, монастырская часть двора обстроена худжрами со всех сторон, кроме южной.

При дарвазахане имеется значительно углубленный в землю мавзолей с захоронением мужчины-суфия, которого считали верным сторожем и защитником этой женской обители. Помещение при дарвазахане считают *чилляханой*¹⁰, а одиночное однокамерное здание снаружи у входа в комплекс — местом содержания душевнобольных. На мой взгляд, это внешнее изолированное сооружение также могло служить чилляханой, во всяком случае так его называли со слов старожилов и с таким определением оно вошло в проект реставрации комплекса 1980-х гг.¹¹

В. А. Шишкин, осмотревший эту обитель в 1950–1951 гг., описывает ее как мазар Хазрет Кыз-биби с обширным вымощенным жженым кирпичом двором, постройки которого создают интересный архитектурный ансамбль, хотя они были уже заброшены и разрушались (*Шишкин* 1963: 135–136). Он успел застать ныне утраченный декор айвана при мавзолее в виде резного и наборного дерева со вставкой из зеркал. Здесь была размещена мраморная плита с кораническими надписями, «где, кроме обычных “Калима”, “аят-ал-Курси” и суры “Ихлас”, содержатся слова: “Эта могила светозарная, великая Ага-и Бузруг. Писал раб, кающийся Нияз-Мухаммад

катиб в году 1231 (1815–1816)”» (*Шишкин* 1963: 136). Муршида Огои Бузруг была просвещенным наставником, писала работы, связанные с суфизмом. Одну из них — рукопись «Мазхар ул-ажой-иб», обнаруженную недавно, было решено перевести и издать (*Ахророва* 2009: 38).

Суфийскую обитель Кыз-биби даже в годы советской власти женщины продолжали посещать украдкой. В настоящее время обитель хорошо отреставрирована, благоустроена для паломников и передана верующим, из г. Бухары сюда проведена автомобильная дорога (ил. 14). На поклонение приезжают женщины не только из ближних и дальних регионов Узбекистана, но также из Туркменистана и Таджикистана (*Йулдошев* 1997: 27).

В Бухарской области фрагментарно сохранились многие архитектурные комплексы, в том числе и суфийские, включающие здания суфийских ханака. Среди них — единственным сохранившимся от **комплекса Суфи Дехкон** является малоизученное здание ханака, исследованное в 1984 г. З. А. Аршавской¹², а в конце 1990-х гг. — автором этих строк. Согласно сведениям, содержащимся в рукописи «Убайдуллонома» XVIII в., Суфи Дехкон из района Харконруд, живший во второй половине XVII в. (умер в 1679–80) (*Йулдошев* 1997), имел много муридов среди ремесленников Бухарской области. Он владел садами, землями и другими богатствами. У него было много жен и детей; он проповедовал суфизм на базарах среди народа, перемещаясь по городам в сопровождении учеников (*Йулдошев* 1997). Интересные сведения о возведении ханака приводит Х. Ризаев: «Суфи Дехкон решил соорудить ханаку рядом с вырытым им колодцем, поручив строительство своему набожному и усердному сыну Абдулле. Проект здания с его строгой ориентацией по сторонам света вычертил известный суфий Боборахим Машраб (1660-е – 1711), который насыпал привезенную из Мекки священную землю под кирпичную кладку здания, а привезенную из Мекки священную воду “зам-зам” налил в колодец. Вода там и поныне вкусная» (*Ризаев* 1998: 13–17).

Первоначально это было прямоугольное в плане портално-купольное здание с глубоким михрабом на западе и двумя худжрами по его сторонам, характерное для периода расцвета архитектуры ханака в XV–XVII вв. (ил. 15). В интерьере выделялся ярус арочных парусов, поддерживающих крупный (9 x 9 м) купол. Углы главно-

¹⁰ Чилляхана — подземное или полуподземное помещение с единственным входным проемом, для духовного уединения, сорокадневного поста и молитв.

¹¹ Архив Главного научно-производственного управления охраны и использования объектов культурного наследия, Ташкент. Проект реставрации разработан в УзНИИПИР в 1980-е гг. и на основе этого проекта был отреставрирован комплекс Кыз-биби.

¹² Свод памятников истории и культуры Узбекистана. Материалы к тому «Бухарская область». Архив Института искусствознания АН РУз, ИА (М). С.48. – Ташкент, 1983–1984 гг.

Ил. 16. Комплекс Суфи Дехкон. Ханака. Общий вид. Фото: М. Аббасов-Юсупова, 2000 г.

Ил. 17. Комплекс Суфи Дехкон. Ханака. Роспись потолка айвана. Фото: М. Аббасова-Юсупова, 2000 г.

го фасада были закреплены башнями-гульдаста. Восемьдесят лет спустя (Ризаев 1998: 16), согласно тенденциям развития архитектуры ханака позднего периода, древнее портално-купольное здание перестроили для новых нужд. Вероятно, оно должно было совмещать и функции мечети, для чего к зданию ханака с трех сторон пристроили айван на четырнадцать деревянных колоннах. Для этого пришлось укоротить возвышавшийся монументальный входной портал и его угловые башни, чтобы выровнять верх стен под плоское перекрытие айвана.

Практика перестройки более раннего портално-купольного здания ханака под ханака-мечеть с колонным айваном в Бухарском оазисе была нередкой. Подобную перестройку претерпели портално-купольные ханака XVII в. Пешку-бобо (Юсупова 2014: 205-206) в Пешкунском районе, ханака в упомянутом комплексе Кыз-биби и знаменитая ханака-мечеть Боло-Хауз XVII в. близ бухарского Арка, к которой в начале XX в. усто Ширин Муродов пристроил расписной айван на колоннах с великолепными резными капителями. В ханака Суфи Дехкон произвели такое же преобразование архитектуры, вероятно, в числе первых из приведенных выше примеров. Здесь к залу с куполом общей высотой 15 м были пристроены айваны высотой 7 м (ил. 16-17). Интерьеры зала оштукатурены ганчем, фасады облицованы шлифованным кирпичом. Сохранилась надпись, соответствующая 1690–92 гг. (Ризаев 1998: 16), вероятно, являющаяся датой окончания строительства купольного зала или его ремонта. Ханака была выстроена мастерами из соседнего кишлака Астарбоф, знаменитого и поныне своими мастерами-строителями. От комплекса сохранились данная ханака, устроенный на ее юго-западном углу колодец Тошкудук¹³ глубиной 5–6 м и священное трехсотлетнее туговое дерево на севере от ханака-мечети. Здание ханака хорошо отреставрировано и ныне служит соборной мечетью селения.

Заключение. В архитектуре суфийских комплексов XVIII–XIX вв. общим являлось то, что они были в основном однодворовыми, по периметру внутреннего двора с водоемом и/или с колодцем выстраивали ханаку-мечеть, худжры (жилые, учебные, хозяйственные), кухню, та-

¹³ С этим древним колодцем связан ритуал бездетных женщин-паломниц. Наклонившись над колодцем и укрывшись одеялом, они рассматривают отражение в воде и, исходя из того, что увидят в ней, определяют судьбу своего будущего материнства. См.: (Ризаев 1998: 17).

харатхану¹⁴, иногда бани и др. Нередко могила наставника находилась снаружи комплекса — на территории прилегающего (Халифа Худойдот, Эшони Имло) или отдаленного кладбища (Халифа Ниязкул).

В строительстве зданий ханака в этот поздний этап развития суфийской архитектуры вновь возвратились к существовавшему в XV–XVII вв. раннему типу с молельным залом в обводе колонным айваном.

К ханака-мечетям портално-купольного типа, выстроенным по прежней традиции более монументальными, со временем (в Суфи Дехкон через восемьдесят лет) пристраивали айваны с плоским балочным перекрытием на деревянных колоннах с одной (Кыз-биби) или с трех сторон (Суфи Дехкон).

Среди рассмотренных обителей три объекта имеют примерно прямоугольную в плане глубинную композицию, вытянутую по линии север – юг, где главный вход на южном фасаде устроен в виде портално-купольной дарвазаханы. В комплексах Эшони Имло и Кыз-биби пространство удлиненного вглубь двора функционально разделялось на три части: входную с кухнями и кельями для паломников, среднюю с ханака-мечетью для ритуалов и молений и дальнюю от входа с кельями для муридов и паломников.

В комплексе Халифа Худойдот функции входной и ритуально-молитвенной части были объединены во входной части двора. Судя по размещению здания ханака — вдоль главного фасада, сразу при входе в комплекс, оно изначально строилось как квартальная мечеть-ханака. Вторая часть комплекса – в глубине двора с сардобой предназначалась для обучения и проживания муридов и паломников. Следовательно, в поздний период развития суфийской архитектуры существовал тип обителей со специфической глубинной композицией, где пространство единого внутреннего замкнутого двора разделялось на две-три функциональные зоны.

Ряд обителей был разрушен полностью (Эшони Имло) или частично (Халифа Ниязкул) в середине XX в. в период второй волны борьбы советской власти с религией. Другие фрагментарно уцелевшие комплексы (Кыз-биби, Суфи Дехкон) или полностью сохранившиеся обители (Халифа Худойдот) в настоящее время относительно хорошо отреставрированные и благоустроенные, являются значимыми культовыми объектами и историческими архитектурными памятниками, которые активно посещаются паломниками и туристами.

¹⁴ Помещение для ритуальных омовений перед намазом и др.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Акимушкин 1991 — Акимушкин О. Ханака // Ислам. Энциклопедический словарь. М.: Наука, 1991. С. 272-273.
- Альмеев 2011 — Альмеев Р. В. Основатель архитектурного комплекса Чор Минор в Бухаре Нияз кули ат-Туркмани // Ислам в СНГ. № 3. М., 2011. URL: <http://www.idmedina.ru/books/islamic/?3141>
- Ахророва 2009 — Ахророва А. Маърифат гулзорининг булбуллари // Накшбандия. № 1. 2009. С. 36-38 (на узб. яз.).
- Бабаджанов 1992 — Бабаджанов Б. М. О женских суфийских центрах-мазарах в Средней Азии XVI-XVII вв. // Средняя Азия и мировая цивилизация. Тезисы Международной конференции Института искусствознания Министерства культуры Узбекистана. Ташкент, 1992. С. 17-18.
- Бабаджанов 2003 — Бабаджанов Б. М. Худайдад б. мулла Таш-Мухаммад 'Азизан ал-Бухари // Ислам на территории бывшей Российской империи. Энциклопедический словарь. Вып. 4. М.: Восточная литература, 2003. С. 92-93.
- Бухорий 2000 — Бухорий Садриддин Салим. Бухоро авлиелари. Бухоро, 2000 (на узб. яз.).
- Воронина 1969 — Воронина В. Л. Архитектура Средней Азии XVI-XVII вв. // Всеобщая история архитектуры. Т. 8. М.: Стройиздат, 1969. С. 304-331.
- Джурабаев 2013 — Джурабаев Д. Х. Среднеазиатские письменные источники по истории бухарского эмирата второй половины XVIII — первой половины XIX в. (краткая характеристика сочинений) // Ученые записки Худжандского государственного университета. Худжанд, 2013. С. 163-179.
- Джурабаев 2013 — Джурабаев Д. Х. Научные труды светских и религиозных деятелей бухарского эмирата в конце XVIII — начале XIX века // Вестник Челябинского муниципального института. 2013. № 36 (327). История. Вып. 58. С. 96-102.
- Захидова 2001 — Захидова С. А. Рукопись «Тухфат-уз-заирин» Насираддина ибн амир Музаффара как источник по изучению городской культуры Бухары // ОНУ, №3, 2001. С. 56-59.
- Ибрагимов 1965 — Ибрагимов Н. Ибн Баттута и его путешествия по Средней Азии. М., Наука, 1988.
- Йулдошев 1997 — Йулдошев Н. Бухоро авлиеларининг тарихи. Бухоро, 1997 (на узб. яз.).
- Лавров 1950 — Лавров В. А. Градостроительная культура Средней Азии. М.: Гос. изд-во архитектуры и градостроительства, 1950.
- Кныш 1991 — Кныш А. Д. Завийа // Прозоров С. М. (ред.). Ислам. Энциклопедический словарь. М.: Наука, 1991. С. 72.
- Некрасова 2001 — Некрасова Е. Г. Кыз-Биби // Ислам на территории бывшей Российской империи. Энциклопедический словарь. Вып. 3. М.: Восточная литература, 2001. С. 59-62.
- Немцева 1989 — Немцева Н. Б. Архитектурный комплекс на окраине Бухары // Градостроительство и архитектура (Культура Среднего Востока). Ташкент: Фан, 1989. С. 115-125.
- Немцева 2003 — Немцева Н. Б. Ханака Сайф ад-Дина Бахарзи в Бухаре (к истории архитектурного комплекса). Бухара: Бухоро, 2003.
- Пугаченкова 1976 — Пугаченкова Г. А. Зодчество Центральной Азии. XV век. Ташкент: Изд-во им. Гафура Гуляма, 1976;
- Маньковская 1980 — Маньковская Л. Ю. Типологические основы зодчества Средней Азии (IX — начало XX в.). Ташкент; Фан, 1980.
- Ремпель 1981 — Ремпель Л. И. Далекое и близкое: страницы жизни, быта, строительного дела, ремесла и искусства Старой Бухары. Бухарские записки. Ташкент: Изд-во им. Гафура Гуляма, 1981.
- Ризаев 1998 — Ризаев Х. Утмишга бир назар. Бухоро, 1998 (на узб. яз.).
- Стародуб 2004 — Стародуб Т. Х. Рибат и ханака: термин и архитектурный тип // Культурные ценности. Международный ежегодник 2002-2003. СПб.: Европейский Дом, 2004. С. 89-101.
- Сухарева 1976 — Сухарева О. А. Квартальная община позднефеодального города Бухары. М.: Наука, 1976.
- фон Кюгельген 2003 — фон Кюгельген Анке. Нияз-кули ат-Туркмани // Ислам на территории бывшей Российской империи. Энциклопедический словарь. Вып. 4. М.: Восточная литература, 2003. С. 63-64.
- фон Кюгельген 2004 — фон Кюгельген А. Легитимация среднеазиатской династии Мангитов в произведениях их историков (XVIII-XIX вв.). Алматы: Дайк-Пресс, 2004.
- Чехович 1963 — Чехович О. А. Бухарские документы XIV века. Ташкент: Фан, 1965.
- Шишкин 1963 — Шишкин В. А. Варахша. М.: Изд-во АН СССР, 1963.
- Юсупова 2014 — Юсупова М. А. Бухарская школа зодчества XV-XVII вв. Особенности и динамика развития. Ташкент, 2014.
- Юсупова 2004 — Юсупова М. А. К вопросу формирования и типологии мемориально-культурных комплексов Бухарского оазиса XV-XVII вв. // Transoxiana. История и культура. М.: Изд-во Р. Элинина, 2004. С. 265-273, 430-431.
- Yusupova 1997 — Yusupova Mavlyuda. L'évolution architecturale des couvents soufis à l'époque timouride et post-timouride // L'héritage timouride. Iran - Asie Centrale - Inde, XV-XVIII siècle", Cagair d'Asie Centrale. 1997. № 3-4. P. 99-114.
- Yusupova 1999 — Yusupova Mavlyuda, 1999: «The Architecture of Sufi Complexes in Bukhara»: The Myth and the Architecture (A Publication of the Aga Khan Program for Islamic Architecture at Harvard University and the Massachusetts Institute of Technology, Cambridge - USA). - Rome: "Art. Also Palombi". P. 121-132

М. К. БАСХАНОВ

ВИЗУАЛИЗАЦИЯ СТРАТЕГИЧЕСКИХ ПРОСТРАНСТВ: ТУРКЕСТАН И СОПРЕДЕЛЬНЫЕ ТЕРРИТОРИИ В ОБЪЕКТИВЕ РУССКИХ ВОЕННЫХ ФОТОГРАФОВ

В статье на основе ранее неопубликованных документов из российских архивов, рассматривается процесс зарождения и эволюции русской военной фотографии в Туркестане от второй половины XIX в. до начала Первой мировой войны. История русской военной фотографии обычно рассматривается на периферии тем и сюжетов истории русского завоевания и управления Туркестаном. Между тем военная фотография была инструментальна для формирования туркестанского информационного архива, который сыграл важную роль как в имперском управлении Туркестаном, так и в русском военном планировании. В статье подчеркивается роль военной фотографии в Туркестане для создания военного архива, который широко использовался для целей разведки, военного планирования и картографирования туркестанской окраины империи и сопредельных с ней стран и территорий Востока. В статье рассматриваются фотоколлекции, составленные туркестанскими военными фотографами в императорский период, а также дается краткий обзор изучения и публикации этих коллекций.

Ключевые слова: Российская империя, Туркестан, завоевание Центральной Азии, оборона империи, военное планирование, разведка, военная фотография, фотоколлекции

DOI: <https://doi.org/10.34920/1694-5794-2022.33.002>

Цитирование: Басханов М. К. Визуализация стратегических пространств: Туркестан и сопредельные территории в объективе русских военных фотографов // Вестник МИЦАИ. Вып. 33. Самарканд, 2022. С. 40-57.

ЖАНР военной фотографической презентации войны (war photography) оформился в период Крымской войны (1853–1856) благодаря деятельности британского фотографа Роджера Фентона (Roger Fenton, 1819–1869), разработавшего не только технологию съемки «поля боя», но и создавшего уникальный визуальный образ самой войны и человека на войне и фактически ставшего «крестным отцом» жанра военной фотографии. Деятельность Фентона в немалой степени способствовала приспособлению фотографии к потребностям военного дела. Крымская война явилась крупным военным конфликтом, в котором были массово продемонстрированы технологические новации в военном деле – паровые суда, полевые железные дороги, телеграф, нарезное оружие, и др. В ходе войны впервые была использована фотография для боевого планирования, разведки и целеуказания. С этого события начинается история использования фотографии в военном деле, которая в своем

развитии прошла путь от первых примитивных снимков неприятельских позиций времен Крымской войны до цифровых снимков спутниковой разведки.

История фотодела в русской императорской армии также началась в период Крымской войны. В 1854 г. капитан Николай Григорьевич Писаревский (1821–1895) после знакомства с постановкой дела фотографии в Венском военно-географическом институте (Kaiserlich-Königliches Militär-Geographisches Institut, Wien) устроил в здании Главного штаба в Петербурге небольшую фотографическую мастерскую (Исторический очерк 1872: 471–472). На первом этапе своей истории русская военная фотография была связана с работами в области военной картографии, но постепенно находила применение и в других областях – артиллерии, военно-морском и военно-инженерном деле, разведке. В этом отношении русская военная фотография следовала общим тенденциям и практикам, получившим распространение в

Ил. 1. Маннергейм К. Г.-Э. Синьцзян. Калмыки на китайской военной службе, упражняющиеся в стрельбе. 1907 г. (Sandberg 1990: 91)

ведущих армиях европейских государств.

В русской императорской армии на протяжении всей истории ее существования отсутствовала такая воинская специальность как военный фотограф¹. Но это не означает, что отсутствовали профессионально подготовленные военные фотографы. Основной контингент военных фотографов имелся в составе Корпуса военных топографов. В их обязанности входило использование фототехники при составлении и тиражировании военных топографических карт. Изучение фотографической техники входило в учебные программы Военно-топографического училища и Николаевской академии Генерального штаба.

В истории русской фотографической презентации Туркестанского края и сопредельных территорий Востока военной фотографии принадлежит совершенно особое место. Завоевание

Туркестана вызвало у русской общественности и в среде военных широкий интерес к вновь приобретенной территории и ее народам. Этот интерес проявился в различной форме – научных исследованиях, публицистике, живописи и графике, фотографии.

Русская военная фотография в Туркестане, как понятие, включает в себя как деятельность фотографов из числа офицеров и чинов военного ведомства, так и их светописное наследие, причем, «военная» в данном случае совсем не обязательно указывает на сюжетность, т. е. на военную тематику. Подавляющее число работ русских военных фотографов Туркестана работало сугубо в «гражданских» жанрах и тематике.

Русская военная фотография Туркестана как исторический феномен и составная часть историко-культурного наследия бывшей азиатской окраины российской империи еще малоизучена. На сегодняшний день отсутствует единый корпус «туркестанской» фотографии, полный свод имен фотографов, их биографий и подробностей творческой деятельности. Выявление художественно-

¹ Здесь и далее под военным фотографом мы будем понимать офицера или чиновника военного ведомства, производившего фотосъемку в служебных или любительских целях.

Ил. 2. Ияс А. И. Курдские охотники с ловчими птицами. Персия, г. Нагадэ, 1912 г. (*Tchalenko* 2006: 119)

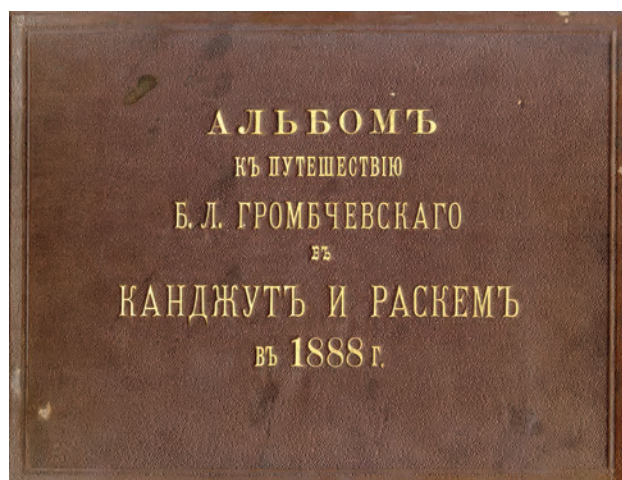
го наследия русских военных фотографов Туркестана затруднено разбросанностью основных архивных, музейных и библиотечных фондов, оказавшихся раздробленными между Россией, постсоветскими государствами Центральной Азии, рядом других стран. Еще менее известны состав и презентативность частных коллекций, российских и зарубежных.

Вместе с тем, определенная работа в выявлении и публикации культурно-исторического наследия русских военных фотографов, разрабатывавших туркестанскую тематику, уже проделана. Достаточно упомянуть несколько наиболее важных издательских проектов. В 1990 г. в Хельсинки Финно-угорским обществом (Suomalais-Ugrilainen Seura) совместно с Национальным советом древностей² была опубликована фотоколлекция известного русского военного востоковеда генерала Карла Густав-Эмиля Маннергейма (1867–1951), составленная им в период большой рекогносцировки Центральной Азии (1906–1908) (Sandberg 1990) (ил. 1).

В 2006 г. Джон Чаленко (John Tchalenko), внучатый племянник другого известного русского военного востоковеда полковника Александра Ивановича Ияса (1869–1914), совместно со Школой востоковедных и африканистских исследований (SOAS) Лондонского университета организовал в Лондоне выставку фотоколлекций полковника Ияса, хранящихся в Финском музее фотографии (Suomen Valokuvataiteen Museo) в Хельсинки. К выставке был издан информативный и важный в научном отношении каталог фотографий полковника Ияса, включающий снимки, сделанные им в период службы в Русском Туркестане и Персии (Tchalenko 2006) (ил. 2).

В 2017 г. Русское географическое общество опубликовало полную фотоколлекцию генерала Бронислава Людвиговича Громбчевского (1855–1926), составленную им в период двух центральноазиатских экспедиций (1888, 1889–1890) (Басханов, Колесников, Матвеева 2017). Публикация коллекции имела важное значение для изучения исторической географии, этнологии и антропологии стран и территорий Центральной Азии (ил. 3).

Значительный интерес проявляется в последнее время к творчеству и художественному наследию русского военного востоковеда полковника Леона Семеновича Барщевского (1849–1910). Особенно это заметно в Польше, на родине Бар-

Ил. 3. Внешний вид фотоальбома к путешествию Б. Л. Громбчевского в Канджут и Раскем в 1888 г. НА РГО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 4

щевского. В декабре 2010 – феврале 2011 г. в Варшаве в Национальном музее археологии Польши (Państwowe Muzeum Archeologiczne) состоялась выставка фотографий Барщевского. В 2017 г. аналогичная выставка его работ была организована в Музее Южного Подляшья (Muzeum Południowego Podlasia) в Бяла-Подляска, которая была дополнена в следующем году выставками в Люблине и Влодаве. Еще ранее был издан альбом фотографий работ Барщевского «Затерянный мир» (Strojecki 2017), подготовленный Игорем Строецким (Igor Strojcki), дальним родственником фотографа.

Особое место русских военных фотографов в истории туркестанской фотографии определяется теми специфическими историческими условиями, в которых происходило завоевание Туркестана, и той ролью, которую играла русская императорская армия в организации обороны и административного управления краем.

Завоевание Туркестана, в отличие от Кавказа, пришлось на эпоху стремительного развития в России фотографии, которая, в отличие от живописи, давала возможность запечатлеть значительно большее число предметов, видов и людей. Завоевание огромной территории и последующие задачи управления вызвали к жизни появление совершенно новых форм изучения страны и населяющих ее народов и адаптации этих знаний под задачи административного и военного управления³.

² С 2018 г. именуется как Финское агентство по национальному наследию (Huumisen kulttuuriperintö luodaan tänään. Yhdessä).

³ Более подробно о роли научного знания в управлении колониями на примере Британской империи см.: Cohn 1996.

Работа по административному и военному управлению Туркестанским краем в начальный период этой деятельности фактически основывалась на достаточно примитивном научном знании. Между тем потребности организации такого управления требовали создания, наращивания и использования значительной информационной базы или «информационного архива» – свода базовых и оперативных сведений по различным отраслям знания – географии, истории, этнологии, лингвистике, геологии, ботанике, и др. В продолжении всего российского присутствия в Туркестане в императорский период для целей управления краем было создано и использовалось два управленческих архива – административный и военный. Основой их являлись постоянно обновляемые естественно-научные и статистические сведения.

Основу административного архива составляли результаты работ местных туркестанских и приглашенных из Европейской России ученых и специалистов, занимавшихся различными естественно-научными исследованиями, а также сведения, получаемые туркестанской администрацией и представительствами органов центрального подчинения в Туркестане, областными статистическими комитетами, структурами военно-народного управления, туркестанскими научными обществами. В более поздний период этот архив был существенно расширен в результате работ экспедиций Переселенческого управления Главного управления землеустройства и земледелия.

Туркестанский военный архив включал в себя разнообразные военно-статистические и военно-географические работы офицеров Генерального штаба и строевых офицеров, чинов Корпуса военных топографов и офицеров, состоящих на службе по военно-народному управлению Туркестанского края. В архиве имелся значительный массив материалов полевых и разведывательных поездок, рекогносцировок и специальных командировок, а также данных, полученных в ходе геодезических и топографических работ.

До русско-японской войны туркестанский военный архив состоял из двух базовых элементов – военно-статистических и военно-географических работ (печатных и рукописных) и картографического материала. После 1905 г. к этим двум элементам добавился еще один – фотография. В результате, военный архив стал представлять собой значительный массив сведений о Туркестанском крае и сопредельных странах и территориях, в котором данные в области военной географии, статистики и картографии дополнялись фотоматериалом. Эти сведения были стандартизированы

и унифицированы, постоянно обновлялись и использовались центральными и региональными органами военного управления, а также высшей администрацией края. Административный и военный архивы создавали как-бы научную базу имперского управления Туркестанским краем.

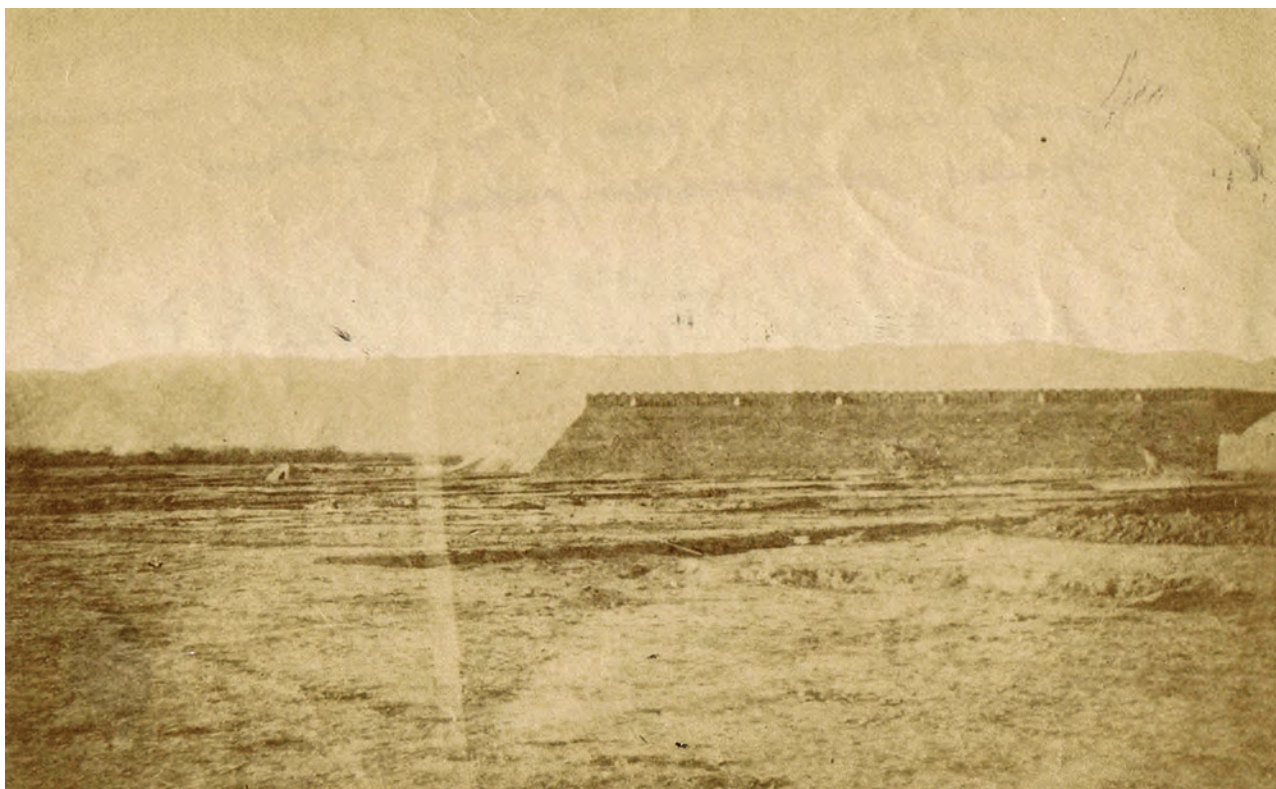
Русские офицеры, военные чиновники и чины гражданского ведомства были первыми, кто соприкоснулся с краем, только что завоеванным и малоизвестным в научном отношении. Это обстоятельство ставило их в исключительное положение первооткрывателей, представляло широкие возможности для многостороннего и систематического научного описания природы и населения края.

Неслучайно первые достоверные известия о Туркестане были получены именно от русских военных. По своей теоретической и практической подготовке они обладали необходимыми базовыми знаниями для исследовательской деятельности, что и было сполна использовано местной администрацией, особенно в период, предшествующий появлению в Туркестане профессиональных научных специалистов.

Но и в более позднее время военные продолжали вносить важный вклад в изучение Туркестана и сопредельных стран. Особенно это касается территорий, нестабильных в политическом и военном отношении, состоящих под особым управлением – Мургабский оазис, линия Закаспийской железной дороги, Памир, ряд приграничных с Китаем и Афганистаном районов – где деятельность гражданских специалистов подвергалась опасности или не была санкционирована властями по политическим соображениям.

Неудивительно, что именно русские офицеры были первыми, кто доставил в Россию визуальный образ соседних азиатских государств и территорий: поручик Чокан Чингисович Валиханов (1835–1865) – рисунки с видами Кашгарии (1858), поручик Всеволод Иванович Роборовский (1856–1910) – рисунки и фотографии Тибета и внутренних районов Китая (1879–1881), классный топограф Август Иванович Скасси (1845–1911?) – первые фотографии Памира (1878); штабс-капитан Бронислав Людвигович Громбчевский – первые русские фотографии Хунзы и Раскема (1888), Генерального штаба капитан Лавр Георгиевич Корнилов (1870–1918) – первая русская фотография Афганистана (1899) (ил. 4).

Следует иметь в виду и то обстоятельство, что офицеры – большей частью молодые и энергичные – были наиболее адаптированы к трудностям полевой службы, являлись хорошими наездниками, спортсменами, охотниками, т. е. обладали идеальными качествами и навыками для экспе-

Ил. 4. Л. Г. Корнилов. Афганская крепость Дейдади. 1899 г. Шотландская частная коллекция

диционной и исследовательской деятельности на малоизученных и удаленных территориях.

Что касается истории фотографической презентации Средней Азии, то приоритет здесь принадлежит русским военным фотоаппаратам. Первый опыт фотографирования малоизвестного края осуществил поручик Антон Степанович Муренко (1837–1875), находившийся в составе военно-дипломатической миссии полковника Н. П. Игнатьева (1832–1908) в Хиву и Бухару (1858). Им был составлен уникальный фотоальбом «От Оренбурга через Хиву до Бухары», за который он был удостоен серебряной медали ИРГО (Девель 1994).

Затем наступает довольно продолжительная пауза в фотографическом описании Туркестана. Процесс возобновляется только после учреждения Туркестанского генерал-губернаторства и развертывания частей Туркестанского военного округа. Примечательно, что первый этап завоевания Туркестана (1865–1868) остался не зафиксированным в русской исторической фотографии, и сегодня он больше известен по живописным и графическим работам художника Василия Васильевича Верещагина (1842–1904), непосредственного участника событий.

К началу 1870-х гг. относятся первые попытки фотофиксации Туркестана силами русских военных. В 1872 г. фотограф-любитель подпору-

чик Григорий Кривцов (?-?) принял активное участие в составлении знаменитого «Туркестанского альбома». Фотографические работы велись в Кульджинском походе (1871) и в период занятия русскими войсками Илийского края. Адьютант командующего войсками Семиреченской области Р. И. Метлицын составил уникальный альбом «Виды Семиречья, Кульджи и туземного населения в первые годы завоевания этих областей»⁴. В этот период увлекался фотографией и командующий войсками Семиреченской области генерал-лейтенант Герасим Алексеевич Колпаковский (1819–1896), которому принадлежит заслуга в подготовке двух фотоальбомов: «Семиречье, Кульджа»⁵ и «Этнографический альбом Кульджинского района и Семиреченской области». Нельзя исключить, что существовали в этот период и другие туркестанские фотографы-любители из числа военных, имена и работы которых еще остаются неустановленными.

Этапным в развитии туркестанской военной фотографии стал Хивинский поход (1873)⁶. Еще на стадии его планирования ИРГО проявило

⁴ НА РГО. Разряд 112. Оп. 1. № 38.

⁵ НА РГО. Разряд 112. Оп. 1. № 40 и № 520.

⁶ Более подробно о Хивинском походе см.: Morrison 2020.

большой интерес к перспективе изучения малоизвестных территорий в естественно-научном отношении. Накануне похода Советом общества была составлена комплексная программа изучения Хивинского ханства (Вопросы 1873), в разработке которой приняли участие видные русские географы и востоковеды: генерал О. Э. Штубендорф (1837–1918), полковник М. И. Венюков (1832–1901), Р. Э. Ленц (1833–1903), В. П. Васильев (1818–1900), В. В. Григорьев (1816–1881), П.И. Лерх (1828–1884) и др.

Среди прочего в программе, в частности, отмечалось: «По отношению к каждой из народностей, населяющих Хивинское ханство, желательно было бы иметь: 1) фотографические снимки нескольких особ мужского и женского пола в размерах, достаточных для ясного различения черт лица; относительно мужчин по крайней мере желательно также иметь снимки возможно большей величины, сделанные с голых, так, чтобы можно было судить о пропорциях членов тела и взаимном их отношении» (Вопросы 1873: 69). В другом месте программы говорилось о желательности сопровождать научный материал «возможно большим количеством рисунков, фотографических снимков и планов» (Вопросы 1873: 73).

Для выполнения научных работ в период похода привлекались офицеры Генерального штаба и наиболее подготовленные строевые офицеры. В походе принимало участие 7 действительных членов ИРГО из числа генералов и офицеров. Хивинский поход в определенном смысле продолжил европейскую традицию освещения военных кампаний, сопровождавшихся научным изучением стран Востока и появлением значительного массива визуальных материалов, как это было в случае с экспедицией Наполеона в Египет (1798)⁷ или с британской военной экспедицией в Абиссинию (1867–1868) (Ryan 1997).

Хивинский поход, как никакой другой военный поход в Средней Азии, оказался освещен как в живописной манере, так и в фотографиях. Вместе с тем фотографическая презентация похода оказалась весьма ограниченной и представлена только фотоальбомом подпоручика Г. Е. Крив-

цова «Виды и типы Хивинского ханства»⁸. Известно, что в период похода саперный капитан Д. М. Резвый делал зарисовки «домашней утвари, комнат, видов крепостей и развалин», которые он передал востоковеду А. Л. Куну (1840–1888) (Кун 1874: 58).

Хивинский поход получил визуальную презентацию через изобразительные материалы, которые воспроизводились в русской прессе (например, во «Всемирной иллюстрации») или в работах русских художников, того же Николая Николаевича Каразина (1842–1908), издавшего роскошный альбом хромофотографий «Хивинский поход» (Каразин [1874]). В тени этого грандиозного издания оказался хивинский альбом фотографий Кривцова, изданный крайне ограниченным тиражом и не поступивший в продажу. В результате, фотографическая презентация Хивинского похода и связанных с ним научных исследований осталась практически недоступной научному миру и широкой публике.

В Хивинском походе по приглашению русских властей приняли участие иностранные корреспонденты – в частности, американцы Джануариус Мегэн (Januarius MacGahan, 1844–1878) и Юджин Скайлер (Eugene Schuyler, 1840–1890)⁹. Это был первый и последний поход русской армии в Туркестане, в котором вместе с русскими журналистами участвовали их зарубежные коллеги. После Хивинского похода неофициальная история русского завоевания Средней Азии известна преимущественно по литературным работам и историческим трудам непосредственных участников событий.

В период Хивинского похода на русских журналистов распространялись цензурные ограничения, тогда как иностранные корреспонденты были вполне свободны от таких требований. В результате в ряде публикаций иностранной прессы поход был подан в весьма невыгодном для русского правительства свете. В иностранных корреспонденциях с «поля», порой предвзятых и не всегда достоверных, отмечались случаи насилия над мирным населением, вандализма, чрезмерной жестокости по отношению к слабому противнику и др. Тем самым, поход, изначально широко заявленный как военная экспедиция цивилизованной державы против восточной деспотии, оплота мракобесия, варварства и рабства, оказался подан в западной прессе преимущественно в негативном виде и совсем не способ-

⁷ К примеру, издание по материалам, собранным французскими учеными во время экспедиции, роскошного 26-томного описания Египта с 10 сопроводительными атласами. См.: Description de l'Egypte 1820–1829.

⁸ Альбом «Виды и типы Хивинского ханства», составленный подпоручиком Г. Е. Кривцовым, был преподнесен туркестанским генерал-губернатором К. П. фон Кауфманом в библиотеку ИРГО, о чем сообщил на заседании Совета ИРГО вице-председатель общества П. П. Семенов. См.: Журнал заседания 1874: 227. В настоящее время хранится в фондах НА РГО. См.: НА РГО. Разряд 112. Оп. 1. № 8.

⁹ Скайлер не посещал Хиву, а освещал события похода из Ташкента.

Ил. 5. Кокандский поход, 1875 г. Шотландская частная коллекция

ствовал имиджу русской власти¹⁰. Генерал-адъютант К. П. фон Кауфман (1818–1882), которому и принадлежала идея широкого международного освещения похода, пришел к выводу об ошибочности подобной практики и полностью отказался от нее в дальнейшем.

Результатом изменившейся политики в освещении военных событий в Средней Азии стало резкое снижение объема фотофиксации в последующих кампаниях русской армии. Официальная фотофиксация Кокандского похода (1875–1876) и Ахал-Текинской экспедиции (1880–1881) уже не велась. Присутствие среди боевых порядков войск корреспондентов было признано нежелательным. Известна в этой связи фраза М. Д. Скобелева (1843–1883), произнесенная им при личной аудиенции с императором Александром II накануне отъезда в Туркмению. На вопрос императора, чего бы он еще пожелал, Скобелев ответил – «чтобы при мне не было журналистов». По этой причине фотографии, отражающие период русских военных кампаний в Туркестане, на которых непосредственно зафиксированы боевые действия или сюжеты боевой обстановки, остаются практически неизвестными. Одним из редких исключений может считаться снимок неизвестного автора, относящийся, предположительно, к периоду Кокандского похода (1875–1876) (ил. 5).

Фотографические работы в Туркестане в интересах административного и военного управления начались на профессиональном уровне после образования Туркестанского военного округа (1867), штаб которого принял на себя координацию военно-географических, статистических и картографических работ в крае. Чрезвычайно важное значение имело создание в округе Туркестанского Военно-топографического отдела (ВТО), который отвечал за географическое описание и картографирование Туркестана¹¹. Впервые вопрос о создании в структуре Туркестанского ВТО специального учреждения (фотографического павильона), отвечающего за фотографические работы, был поднят в 1884 г. командующим войсками Туркестанского военного округа генералом М. Г. Черняевым (1828–1898)¹².

¹⁰ В этом отношении показательна негативная реакция русского военного министерства на книгу Скайлера «Туркестан» (1877). См.: По поводу заявлений из книги американца Скайлера («Turkistan») о жестокостях, будто бы совершенных в Туркмении русскими войсками во время похода в 1873 г. // РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 477.

¹¹ Более подробно о деятельности Туркестанского ВТО см.: Гальков 1958.

¹² Рапорт командующего войсками Туркестанского военного округа военному министру о необходимости устройства фотографического заведения при Туркестанском ВТО, 21 февраля 1884 г. // РГВИА. Ф. 404. Оп. 6. Д. 141. Л. 1–2.

Фотографический павильон при Туркестанском ВТО осуществлял фотоработы для целей картографирования, а в более поздний период и для целей разведки и географического изучения внутренних областей Туркестанского края и сопредельных территорий стран Востока. В фотографическом павильоне осуществлялось также обучение офицеров Генерального штаба и строевых офицеров основам использования фототехники при проведении штабных игр, полевых поездок, рекогносцировок и разведывательных операций. Уместным будет привести несколько цифр, характеризующих объем работ в фотографическом павильоне Туркестанского ВТО. В 1909 г. в нем было изготовлено 916 негативов, 6645 позитивов и 28 матриц (Извлечение из годового отчета 1911: 21). Деятельность фотопавильона осуществлялась преимущественно в интересах картосоставления и картопроизводства. В то же время, в нем непрерывно нарастал объем обработки фотоматериала, поступавшего от офицеров-участников рекогносцировок и полевых поездок. В фотопавильоне, к примеру, были обработаны негативы и отпечатаны снимки видов Памира, снятые офицерами Генерального штаба – капитанами Александром Константиновичем Разгоновым (1873–1938) в период рекогносцировки Памира и Восточной Бухары (1907) (Извлечение из годового отчета 1911: 21), Николаем Ивановичем Косиненко (1881–1917) в бытность начальником Памирского отряда (1908)¹³ а также полковником Александром Ивановичем Егоровым (1876–1915) и капитаном Григорием Андреевичем Шпилько (1872–1936) при рекогносцировке пограничной полосы с Китаем на Памире (1911)¹⁴.

Фотографический павильон Туркестанского ВТО – являлся крупнейшим депозитарием фотографического материала, относящегося к Туркестану и сопредельным странам. К началу Первой мировой войны в нем хранилось несколько тысяч негативов и оттисков с них, которые относились к Русскому Туркестану и сопредельным с ним странам Востока – Восточной Персии, Афганистану, Индии, Китаю (Синьцзяну). Судьба этого уникального и важного фотоархива остается неизвестной, и установление ее является одной из

¹³ Коллекция Н. И. Косиненко хранится в фондах НА РГО: Алай – Памир – Дарваз // НА РГО. Разряд 112. Оп. 1. № 1071.

¹⁴ 32 фотографии, снятые полковником Егоровым на Памире, составляли отдельное приложение к его отчетной работе. См.: Отчет об обследовании пограничной с Китаем полосы на Памирах // РГВИА. Ф. 1396. Оп. 2. Д. 2153; Капитан Шпилько приложил к своему отчету (Прил. № 6) фотоальбом "Виды Восточного Памира" // РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 3658.

важных задач в изучении истории туркестанской фотографии.

До конца 1890-х годов возможности применения фотографии в военном деле, а также использование ее офицерами и военными чиновниками были достаточно ограничены. Существовавшая в то время фотографическая техника была громоздка, требовала трудоемкого процесса съемки и обработки негативов. Немаловажным оставался и фактор ее стоимости – она была весьма дорогой, а потому недоступной для большинства молодых офицеров. Ситуация резко изменилась в начале 1900-х гг. с появлением портативных и относительно недорогих фотографических камер. Фототехника стала доступна и получила большую популярность среди офицеров. Это наглядно видно из материалов армейской прессы того времени, в которой статьи и заметки с популяризацией фотододела как раз приходятся на указанный период¹⁵.

В этот период наблюдалось изменение как функциональной природы военной фотографии, так и самого контингента фотографов. Происходил переход от любительской фотографии к фотографии профессиональной и от военного фотографа-любителя к фотографам, которые были не только специально подготовлены к ведению фотосъемки, но и обязаны были использовать ее в своей служебной деятельности, прежде всего, для целей военно-географического изучения и описаний азиатских территорий Российской империи и сопредельных стран Востока. Таким контингентом военных фотографов стали офицеры Генерального штаба, активно участвовавшие в военно-географическом изучении потенциальных театров военных действий. Они получали профессиональные навыки владения фототехникой в период обучения в Николаевской академии Генерального штаба.

Одним из первых офицеров Генерального штаба, широко использовавших фотографирование в специальных работах, стал капитан Александр Семенович Галкин (1855–1920). В период двух поездок по Синьцзяну (1885, 1887) ему удалось произвести фотосъемку многих маршрутов, китайских войск, представителей различных этнических групп и др.¹⁶ А. С. Галкин может считаться первым русским военным, осуществившим фотофиксацию Синьцзяна (за исключением Илийского края), поскольку его деятельность хронологически предшествовала фотографи-

Ил. 6. Внешний вид альбома «Виды, сцены и типы Синьцзяна. Из путевого альбома А. Галкина». НА РГО. Разряд 112. Оп. 1. № 941

ческим работам капитана Б. Л. Громбчевского в этой провинции Китая (ил. 6, 7).

Опыт использования фотографии для целей военного планирования был продолжен адъютантом командующего войсками Туркестанского военного округа поручиком Павлом Павловичем Родственным (1870 – после 1921) летом 1901 г. на Памире. В составе рекогносцировочной группы офицеров штаба округа, среди которых был и известный впоследствии военный востоковед Генерального штаба капитан А. Е. Снесарев, Родственный проехал по Большой Памирской дороге, неустанно фиксируя через равные промежутки пути особенности дороги и прилегающей к ней местности. Это наглядно видно из состава фотоколлекции поручика Родственного. Цель фотофиксации Памира в рекогносцировку 1901г. заключалась в визуальной презентации командованию стратегически важных географических объектов – перевалов, горных дефиле, выгодных оборонительных позиций, водных преград, подступов к сопредельным территориям и др. Всего в период поездки на Памир поручиком Родственным снято более 350 фотографий с географическими видами Памира и сопредельной афганской территории, постов Памирского отряда¹⁷. Среди них оказалось немало снимков, содержащих этнографические сюжеты, виды исторических памятников, остатков древностей и др. (ил. 8).

¹⁵ См. к примеру: *Апостолы* 1893; *Апостолы* 1904; *Закржевский* 1897; *Лебедев* 1898, и др.

¹⁶ В настоящее время коллекция хранится в фондах НА РГО: *Виды, сцены и типы Синьцзяна из путевого альбома А. Галкина // Разряд 112. Оп. 1. № 941.*

¹⁷ Долгое время коллекция Родственного в неатрибутированном виде хранилась в АВ ИВР РАН и была практически неизвестна даже специалистам. В 2019 г. коллекция после технической подготовки, атрибуции снимков и научного описания в полном виде была издана и введена в научный оборот. См.: *Басханов, Шевельчинская* 2019.

На фотографиях с видами географических объектов запечатлены стратегически важные перевалы Талдык и Харгош, соединяющие Алайскую долину с Восточным и Западным Памиром; главные дороги и направления, например, развилка дорог, ведущих к Ранкульскому и Памирскому постамам, дорога по правому берегу р. Пяндж. Отдельно поручик Родственный фиксировал водные пространства – реки Мургаб, Памир, Пяндж, подступы к сопредельным территориям Афганистана (афганский форт Калаи-Бар-Пяндж) и Китая (долина р. Кызылсу близ русского укрепления Иркештам). Среди фотографических снимков Родственного имеются виды стратегически важных объектов – Ваханский коридор, раз-

делявший русские и индо-британские владения, урочище Игитарг в долине Пянджа – наиболее приближенный к Британской Индии участок русской территории, и др. Среди снимков поручика Родственного имеются редкие изображения русских стационарных постов на Памире: Памирского, Лянгарского, Ишкашимского и Хорогского (ил. 9).

В 1899 г. штаб Туркестанского военного округа приступил к реализации важного проекта по военно-географическому и статистическому изучению сопредельной с округом территории Кашгарии – западной части китайской провинции Синьцзян. Для этой цели при Российском императорском генеральном консульстве в Кашгаре

Ил. 7. Галкин А. С. Формы обмундирования и декоративное оружие китайских войск. 1887 г.
НА РГО. Разряд 112. Оп. 1. № 941

Ил. 8. Родственный П. П. Долина Пянджа. Казий вершит суд над провинившимися. 1901 г. (Басханов, Шевельчинская 2019: 277)

была учреждена специальная должность – офицера Генерального штаба, состоящего при генеральном консульстве¹⁸. В период с 1899 по 1906 гг. офицерами Генерального штаба велось широкое военно-географическое изучение Кашгарии, которое включало картографические и фотографические работы.

Ряд источников дает косвенное указание на то, что фотографические работы велись капитаном Л. Г. Корниловым, первым офицером, назначенным в Кашгар. Первые фотографии Сарыкола, стратегически важной территории, сопредельной с русским Памиром и британскими владениями на севере Индии, были сделаны Генерального штаба капитаном Александром Павловичем Федоровым (? – ок. 1905)¹⁹. Подробную фотофикса-

цию маршрутов, китайских укреплений, важных в стратегическом и тактическом отношении перевалов, узлов дорог, переправ провел Генерального штаба подполковник Владимир Гурьевич Ласточкин (1871–1920). Полученные офицерами Генерального штаба сведения – маршрутные описания, военно-статистические сведения и фотографии – существенно дополняли стратегический архив штаба Туркестанского военного округа и использовались в военном планировании при разработке операций против Китая и Британской Индии (ил. 10).

Значительно способствовало развитию туркестанской военной фотографии становление системы разведки в Туркестанском военном округе. В 1898 г. в структуре штаба округа появился первый специализированный орган разведки – отчетное отделение, которое в 1906 г. было пре-

¹⁸ Должность последовательно занималась следующими офицерами Генерального штаба: капитаны Л. Г. Корнилов (1899–1901 гг.), З. И. Зайченко (1901–1902 гг.), Н. Г. Чернозубов (1902–1903 гг.), А. П. Федоров (1903–1904 гг.), подполковник В. Г. Ласточкин (1904–1906 гг.).

¹⁹ О содержании в Кашгарии русских офицеров и почтовом сообщении с этой страной. 2 января – 30 июля 1904 г. // РГВИА. Ф. 1396. Оп. 2. Д. 1632.

Ил. 9. Родственный П. П. Лянгарский пост Памирского отряда. 1901 г.
(Басханов, Шевельчинская 2019: 263)

образовано в разведывательное отделение штаба округа. Разведка в русской императорской армии развивалась в двух плоскостях – как элемент военного планирования и как подготовка офицеров к войне (военные игры, рекогносцировки, полевые поездки).

«Основная цель ежегодно организуемых в военных округах поездок офицеров Генерального штаба, – отмечалось в отчете Главного штаба, – сводится к сбору и обновлению военно-географических и военно-статистических сведений по районам, представляющим известное военное значение и могущим явиться в будущем театрами военных действий. Важное значение этой цели в связи с крайней ограниченностью военно-географических материалов по нашим окраинам, пополняемых иным путем рекогносцировками отдельных лиц или экспедициями, вызывает необходимость тщательной обработки добытых на полевых поездках данных в виде материалов, пригодных для изучения условий местности»²⁰.

С окончанием Русско-японской войны использование фотографии получило еще большее

распространение при ведении геодезических и топографических работ в Туркестане и на сопредельных территориях. Войска стали насыщаться современной фотографической техникой, а личный состав обучаться основам ее применения. Фотография использовалась не только для отображения рельефа местности, конфигурации долин, перевалов и др. географических объектов, но и для военно-географического описания территорий. Была продолжена предвоенная практика составления итоговых отчетов по геодезическим и топографическим работам, которые иллюстрировались фотографиями, снятыми военными геодезистами и топографами в исследуемых районах (Извлечение из годового отчета 1903: 90–92; 112–122).

В этот период фотоаппараты появились практически на всех приграничных постах русской армии в Туркестане, которые входили в систему разведки штаба округа – Турбети-Хайдери²¹, Кушка, Термез и Сарай, посты Памирского отря-

²⁰ О полевых поездках офицеров Генерального штаба // РГВИА. Ф. 400. Оп. 4. Д. 246. Л. 1.

²¹ Турбети-Хайдери – пост в составе русского противочумного кордона в Восточной Персии.

Ил. 10. Генерального штаба подполковник В. Г. Ласточкин верхом на яке на перевале Тер-арт. Кашгария. Ок. 1905 г. Ласточкин 1911: Прил. Ил. № 30

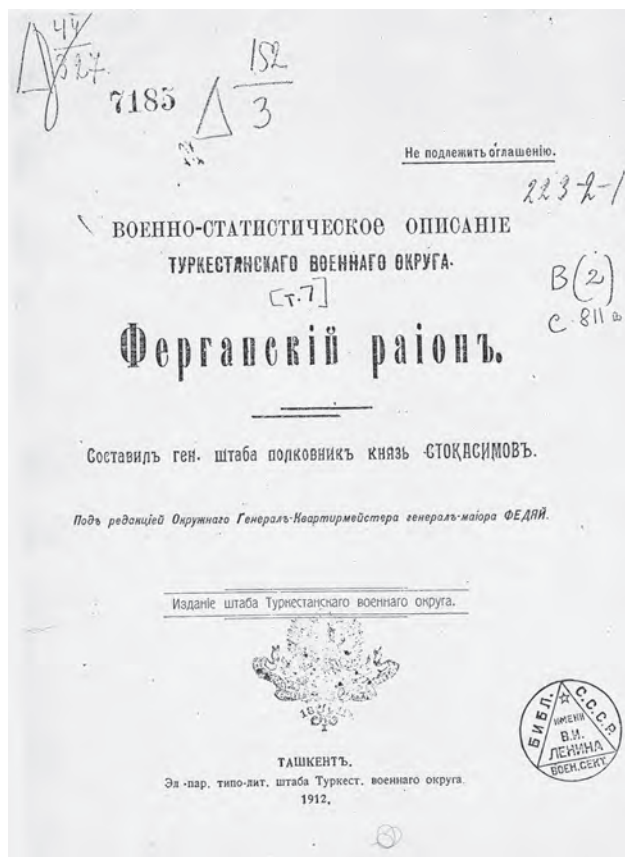
да, Ташкурганский пост²². Из всех перечисленных разведывательных пунктов Туркестанского военного округа наиболее широко велись фотографические работы на постах Памирского отряда. Известно, что фотографированием занимались начальники отряда – Генерального штаба капитаны Николай Степанович Аносов (1866–1920) (*Станкевич* 1904: 472, 476) и Александр Васильевич Муханов (1874–1941), начальники отдельных постов – сотник Юрий Ипполитович Мамаев (1884–1920), штабс-капитан Ольгерд Болеславович Туманович (1879 – после 1926), военный врач Анатолий Петрович Березский (1878–1945)²³ и др.

Новые подходы в использовании фототехники часто входили в противоречие с реальными возможностями, особенно в вопросе подготовки строевых офицеров навыкам фотододела. Если с поставкой фототехники в войска особых

проблем не существовало, то имелись большие затруднения с ее использованием. Такое положение явилось результатом отсутствия в округе единой системы подготовки офицеров основам фотододела. Штаб округа не организовывал специальных учебных курсов, не издавал наставлений и рекомендаций. Отсутствовали материальные стимулы к поощрению офицеров, проявивших интерес к фотографии. В таком важном деле больше полагались на инициативу и почин самих строевых офицеров. В реальности получалось, что офицеры смотрели на занятие фотододелом как на дополнительную служебную нагрузку, как на отвлечение от прямых служебных обязанностей. Показательно в этом отношении свидетельство секретаря российского генерального консульства в Кашгаре Э. Л. Беренса, посетившего в 1911 г. в ходе консульской поездки русский Ташкурганский пост. Заметив у начальника поста подъясаула Н. П. Колбина фотоаппарат, он заинтересовался его использованием. На что последовал ответ, что фотоаппарат «выписан» штабом чтобы «делать снимки» и отправлять их в Ташкент, но сам он, Колбин, фотографировать не умеет. В течение трех дней пребывания на посту Беренс пять раз предлагал Колбину обучить его фотосъемке, но

²² Ташкурганский пост находился на китайской территории в сел. Ташкурган в долине Сырыкол и обеспечивал коммуникационную линию между Памирским отрядом и Российским императорским генеральным консульством в Кашгаре.

²³ Фотографическая коллекция А. П. Березского была выявлена совсем недавно и в настоящее время автором этой статьи совместно с В. В. Фетисовым готовится к изданию.

Ил. 11. Титульный лист работы «Военно-статистическое описание Туркестанского военного округа. Ферганский район» (Стокасимов 1912)

последний так и не нашел для этого времени²⁴.

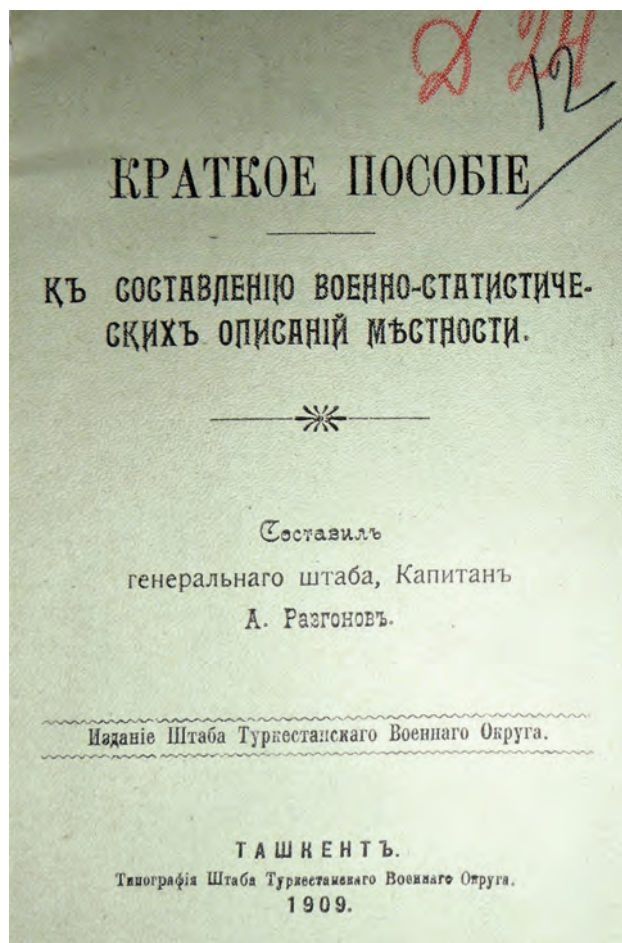
Этапной в развитии туркестанской военной фотографии стала деятельность штаба Туркестанского военного округа по составлению фундаментального многотомного военно-географического и статистического описания Туркестанского военного округа (1908–1914)²⁵. Это комплексное и системное описание потребовало организации многочисленных военно-географических поездок и рекогносцировок по Туркестанскому краю и сопредельным территориям с целью сбора географических, статистических, этнографических и военных сведений. В ходе таких работ все большее распространение получал способ фотофиксации. Фотографии, обладая индексальной (указывающей место в системе)

²⁴ Копия с секретного донесения секретаря Российского императорского генерального консульства в Кашгаре Беренса на имя российского императорского генерального консула в Кашгаре, 27 сентября 1911 г., г. Яркенд // РГВИА. Ф. 1396. Оп. 2. Д. 2333. Л. 309 об.

²⁵ О военных обозрениях Туркестанского военного округа // РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 4291. Л. 18-21.

ценностью, имели важное значение для систематизации и обобщения сведений, визуализации информации и перепроверки сведений. По этой причине военные использовали их наряду с картами и схемами в своих экспедиционных отчетах (Ryan 1997: 36) (ил. 11).

Важное значение для развития фотофиксации при военно-географических исследованиях в войсках Туркестанского военного округа имело составленное Генерального штаба капитаном А. К. Разгоновым «Краткое пособие к составлению военно-статистических описаний местностей» (Разгонов 1908). В работе отмечалась важность фотофиксации и использования фотографических снимков для составления военно-географических описаний (Разгонов 1908: 19). Разгонов широко использовал возможности полевой фотографии годом раньше при военно-географической экспедиции по Восточной Бухаре и Памиру. Им было подготовлено около 60 снимков с вида-

Ил. 12. Разгонов А. Краткое пособие к составлению военно-статистических описаний местности. Ташкент: тип. Штаба Туркестанского военного округа, 1909. РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 486. Л. 12

Ил. 13. Громбчевский Б. Л. Канджут. Дорога близ урочища Бульчидас. 1888 г. НА РГО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 4. Л. 53

ми речных долин, переправ, горных проходов, перевалов, населенных пунктов (включая и ряд афганских), типов населения в районе рекогносцировки и пр. (Разгонов 1910). Признавая, что не все сделанные им снимки представляли военный интерес, Разгонов, замечал, что «попадая в малоизвестные края хочется удовлетворить и научному интересу» (Разгонов 1910: 38) (ил. 12).

Фотографическая презентация стратегически важных районов Туркестана, Персии, Афганистана, Китая и Северной Индии использовалась штабом Туркестанского военного округа для оценки военно-географических условий возможных театров военных действий и для целей военного планирования. В этом отношении весьма показателен пример фотографической коллекции капитана Б. Л. Громбчевского, совершившего две экспедиции по Восточной Бухаре, Памиру, Хунзе и Китайскому Туркестану (Басханов, Колесников, Матвеева 2017). В экспедиционных отчетах Громбчевский часто замечал, что пути, ведущие из Русского Туркестана через Памир в Индию, весьма удобны и доступны не только для пехоты, но

и артиллерии и обозов. Этот тезис использовался им для обоснования возможности нанесения удара по Индии со стороны Русского Туркестана. Между тем военные специалисты в Петербурге и Ташкенте, ознакомившись с маршрутными фотографиями, сделанными Громбчевским на пути в Хунзу, пришли к важному выводу о невозможности массированного вторжения русских войск в Индию со стороны Памира по причине труднодоступности горных перевалов, особенно их южных склонов, обращенных к Индии, и отсутствия запасов продовольствия и фуража на территориях, по которым войскам предстояло осуществлять движение (Снесарев 1903) (ил. 13).

К началу Первой мировой войны фотография получила широкое распространение в туркестанских войсках и стала неотъемлемым элементом информационного обеспечения военного планирования. Она использовалась штабами при анализе разведывательной информации, состав-

лении военно-географических и статистических описаний Туркестана и сопредельных территорий, разработке боевых документов. В то же время, туркестанскими военными фотографами был создан значительный фотографический архив, в котором широко представлен материал по физической географии, истории и этнологии Туркестана и сопредельных с ним стран Востока.

Изучение истории русской военной фотографии в Туркестане – это не только процесс познания технических, жанровых, эстетических особенностей в специфическом региональном контексте, но и постановка и решение вопросов эпистемологического порядка, таких как связь фотографии с задачами административного управления и оборонной политики в Туркестанском крае, противоречия между

гуманитарным знанием и имперской пропагандой, значение фотографии в построении виртуальной конструкции «поля боя» и в имагологической интерпретации образа вероятного противника.

Серьезные подступы к этим темам сегодня невозможны без выявления по возможности полного круга фотографических источников и изучения их авторства, состава, исторического контекста, генетической взаимосвязи с другими группами источников. В этом смысле обнародование каждой новой фотографической коллекции, имеющей «туркестанское» происхождение, создает благоприятные условия для общей разработки такой перспективной темы, какой является история русской военной фотографии в Туркестане.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Апостолы* 1893 – *Апостолы Н. Н.* Руководство к изучению практической фотографии для морских офицеров и туристов / Сост. лейтенант Н. Н. Апостолы. СПб.: Тип. С. Н. Худекова, 1893.
- Апостолы* 1904 – *Апостолы Н. Н.* Заметки по фотографии, оптике и светописи. СПб.: Тип. Глав. упр. уделов, 1904.
- Басханов, Колесников, Матвеева* 2017 – *Басханов М. К., Колесников А. А., Матвеева М. Ф.* Памир, Хунза и Кашгария в экспедиционных фотографиях генерала Б. Л. Громбчевского (1888–1890). М.: Русское географическое общество, 2017.
- Басханов, Шувельчинская* 2019 – *Басханов М. К., Шувельчинская С. Л.* «И с казачьего пикета был уж виден Гималай»: Памир в фотообъективе поручика Павла Родственного. СПб.: Нестор-История, 2019.
- Вопросы* 1873 – *Вопросы*, предлагаемые Императорским Русским географическим обществом при исследовании Хивинского ханства и сопредельных с ним степей в географическом, этнографическом и культурно-историческом отношениях // ИИРГО. Т. IX. Вып. 2. С. 43–73.
- Гальков* 1958 – *Гальков Ч. В.* Туркестанский Военно-топографический отдел и его работы по картографированию Средней Азии (1867–1914). Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Ташкент: Среднеазиатский государственный университет, 1958.
- Девель* 1994 – *Девель Т. М.* Альбом фотографий миссии полковника Н. П. Игнатьева в Хиву и Бухару 1858 года // *Страны и народы Востока*. Вып. XXVII. С. 259–271.
- Журнал заседания* 1874 – *Журнал заседания Совета ИРГО*. 3 мая 1874 г. // ИИРГО. Т. X. Вып. 5. С. 226–244.
- Закржевский* 1897 – *Закржевский В.* Фотография в войсках // *Разведчик*. 1897. № 333. С. 195.
- Извлечение из годового отчета 1903 – Извлечение из годового отчета по Туркестанскому Военно-топографическому отделу за 1903 г. // ЗВТО ГУГШ. Ч. LXII. Отд. 1. СПб.: Военная тип., 1906. С. 74–130.
- Извлечение из годового отчета 1911 – Извлечение из годового отчета по Туркестанскому Военно-топографическому отделу за 1909 г. // ЗВТО ГУГШ. Ч. LXVI. Отд. 1. СПб.: тип. Ю. Н. Эрлих, 1911. С. 19–22.
- Исторический очерк* 1872 – *Исторический очерк деятельности Корпуса военных топографов, 1822–1872*. СПб.: [б. и.]. 1872.
- Каразин* [1874] – *Каразин Н. Н.* Хивинский поход. Альбом хромолитографий, исполненных заведением Винкельман и Штейнбок в Берлине по оригинальным акварельным рисункам Н. Н. Каразина. СПб.: Скл. изд. у художника и маг. Бегрова, [1874].
- Кун* 1874 – *Кун А. Л.* Поездка по Хивинскому ханству в 1873 г. // ИИРГО. Т. X. Вып. 1. 1874. С. 47–58.
- Ласточкин* 1911 – *Ласточкин В. Г.* Восточный Туркестан. Кашгария. Ташкент: Тип. Штаба Туркестанского военного округа, 1911.
- Лебедев* 1898 – *Лебедев Н.* Фотография в войсках // *Разведчик*. 1898. № 389. С. 283.
- Разгонов* 1908 – *Разгонов А. К.* Краткое пособие к составлению военно-статистических описаний местности. Ташкент: Тип. Штаба Туркестанского военного округа, 1908.
- Разгонов* 1910 – *Разгонов А. К.* По Восточной Бухаре и Памиру. Ташкент: Тип. Штаба Туркестанского военного округа, 1910.
- Снесарев* 1903 – *Снесарев А. Е.* Северо-индийский театр (Военно-географическое описание). Ч. 1–2. Ташкент: Тип. Штаба Туркестанского военного округа, 1903.
- Станкевич* 1904 – *Станкевич Б. В.* По Памиру // *Русский вестник*. 1904. № 10. С. 472, 476.

- Стокасимов* 1912 – *Стокасимов Н. П.* Ферганский район. Ташкент: Тип. Штаба Туркестанского военного округа, 1912. – Военно-статистическое описание Туркестанского военного округа. [Т. 7].
- Cohn* 1996 – *Cohn, Bernard C.* Colonialism and Its Forms of Knowledge. The British in India. Princeton: Princeton University Press, 1996.
- Description de l’Égypte 1820–1829* – *Description de l’Égypte, ou recueil des observations et des recherches, qui ont été faites en Égypte pendant l’expédition de l’armée Française.* Paris: C. L. F. Panckoucke, 1820–1829.
- Morrison* 2020 – *Morrison, Alexander.* The Russian Conquest of Central Asia. A Study in Imperial Expansion, 1814-1914. London: Cambridge University Press, 2020.
- Ryan* 1997 – *Ryan, James R.* Picturing Empire. Photography and the Visualization of the British Empire. London: Reaktion Books, 1997.
- Sandberg* 1990 – *Sandberg, Peter* (ed). C. G. Mannerheimin Valokuvia Aasian – Matkalta 1906-1908. Photographs by C. G. Mannerheim from his Journey Across Asia, 1906–1908. Keuruu: Otava Publishers, 1990.
- Strojecki* 2017 – *Strojecki, Igor.* Utracony Świat. Podróże Leona Barszczewskiego po XIX-wiecznej Azji Środkowej na podstawie wspomnień Jadwigi Barszczewskiej–Michałowskiej. Katowice: Wydawnictwo “Helion”, 2017.
- Tchalenko* 2006 – *Tchalenko, John.* Images from the Endgame. Persia through a Russian Lens, 1901–1914. London: Saqi in association with Iran Heritage Foundation, 2006.

М. А. ЗАГИТОВА

МОДА ДВОЙНЫХ СТАНДАРТОВ: ПОЛИТИКА И ДИЗАЙН

За последнее десятилетие современные тренды в индустрии моды в странах Центральной Азии демонстрируют активное «взаимодействие» с национальным костюмом и элементами традиционного ремесла – вышивкой, ковроткачеством и ювелирным делом. Подобная практика не случайна. С одной стороны, это своеобразный эксперимент для модельеров, которые умело комбинируя модные ткани, выкройки и фурнитуру с самобытными деталями пошива и орнамента создают выразительные и неповторимые авторские современные изделия, в которых легко угадываются национальные образы. А с другой – обращение к национальным истокам – историческому и культурному наследию народа, возрождение и развитие ремесел, являются сегодня не столько частью государственной политики по сохранению материальной культуры, памятников архитектуры, старинных обрядов и ремесел, сколько идеологическим манипулятором и ассоциируется с поисками национально-государственной идентичности. Однако политика в области культуры не ограничивается лишь фольклором и декоративно-прикладным искусством. Сегодня власти также используют и другие ресурсы для популяризации национальных идей в обществе. Одним из перспективных направлений для решения этих задач в последнее время стала фэшн-индустрия.

Ключевые слова: *современный этнический стиль, индустрия моды, идеологический инструмент, национальная идентичность*

DOI: <https://doi.org/10.34920/1694-5794-2022.33.003>

Цитирование: Загитова М. А. Мода двойных стандартов: политика и дизайн // Вестник МИЦАИ. Вып. 33. Самарканд, 2022. С. 58-70.

СОВРЕМЕННАЯ МОДА, вернее ее фольклорные коллекции, широко представленные в фэшн-индустрии по всей Центральной Азии, сегодня неразрывно связаны с внутренней государственной политикой бывших советских республик, главной задачей которых остается поиск и формирование национально-государственной идентичности. Обретенный в 1990-х гг. статус независимых государств на постсоветском пространстве требовал новых политических ресурсов взамен ушедшим коммунистическим идеям и лозунгам. В своем стремлении найти собственные национально-государственные пути развития политики, политтехнологи, используют различные ресурсы, в том числе обращаются к историко-культурному наследию, акцентируют внимание на возрождении народных промыслов, обычаев и праздников. Порой политическими инструментами, своеобразными идеологическими манипуляторами, становятся наиболее востребованные и привычные, легко узнаваемые и ассоциирующиеся с родным регионом традиционные бытовые предметы и одежда, а национальные орнаментальные ком-

позиции приобретают статус государственной символики. Например, на флаге Туркменистана в качестве эмблемы пяти велаятов изображены пять ковровых гёлей (орнаментов), характерных узоров, указывающих на этно-территориальную принадлежность и локацию производства ковровых изделий в прошлом. Образцом для такой «этнической маркировки» является и современный этностиль, сочетающий в себе черты европейской и местной (восточной) традиционной одежды. Создание подобного ассортимента началось еще в советские годы, но в наше время внимание к такой одежде повышено, поскольку этническая мода остается одним из приоритетных средств для популяризации идей общенационального единства в обществе.

Вообще, использование моды и одежды как идеологического инструмента в пропагандистских целях в истории Центральной Азии не новость. Пожалуй, одним из наиболее известных случаев была кампания Хурджум в Узбекистане, одним из «политических инструментов» в которой была *паранджа*. Как известно, политика большевиков в регионе были направлены на

решительную модернизацию среднеазиатского патриархального общества через индустриализацию и «окультуривание» местного населения, приобщения его к новым цивилизационным благам и быту, даже к современному искусству. Однако положительного и быстрого успеха не получилось. Необходим был более мощный аргумент в поддержку советских нововведений. И тогда возникла идея подключить к этому процессу мусульманских женщин, чтобы, во-первых, покончить с их затворнической жизнью, предоставив им возможность стать равноправными гражданами общества, а, во-вторых, сделать их формальными пропагандистками советских преобразований и власти¹. Осуществить поставленные задачи планировалось за полгода, начав 8 марта 1927 г. Однако не всё пошло по задуманному плану и, в действительности, на завершение проекта понадобилась как минимум пара десятилетий. Например, узбечки не спешили решительно сказать «нет» парандже. Женское население разделилось на два политических лагеря. Одни приветствовали новые преобразования. Для них снятие паранджи означало освобождение от мужской зависимости, равноправное партнерство в обществе с мужчинами, а как следствие – перспектива трудоустройства с карьерным ростом. Другие же продолжали придерживаться традиционного уклада и взглядов на семейные ценности и не симпатизировали новшествам большевиков. Некоторые женщины вынуждены были вести двойную игру. На массовых мероприятиях они демонстративно срывали с себя паранджу, оказавшись же вдали, в кругу семьи продолжали скрывать лицо и фигуру накидкой. Таким образом паранджа превратилась в одежду двойного назначения. С одной стороны – традиционной накидкой, создающий образ отсталой, примитивной узбечки-мусульманки, с другой – политическим атрибутом в борьбе угнетенных женщин Востока за свои права и независимость (Загитова 2022: 68-69).

Еще одним ярким примером использования моды в политической жизни Средней Азии можно назвать распространение советского стиля одежды, пропагандирующий новый социалистический образ жизни. Первые швейные образцы городских мужских и женских костюмов начинают проникать в регион в 1920-30-е годы. Растущая популярность городского унифицированного стиля, постепенно вытесняющего привычные национальные вещи, была обусловлена социальными и экономическими изменениями и urba-

низацией регионов. Начало индустриализации, модернизированные условия труда и быта, оказали довольно серьезное влияние на изменение среднеазиатской одежды. Длинные и неудобные фасоны платьев и халатов, широченные шаровары, высокие женские головные уборы, многочисленные украшения и пр. создавали определенные трудности на производстве. Необходимы были более комфортные и удобные для новой жизни виды изделий, более прочные и разнообразные ткани, фурнитура. Кроме того, местные жители все чаще встречали на улицах приезжих, одетых по-европейски – в брюки, приталенные пиджаки и платья. Поэтому модные перемены не заставили себя долго ждать. Правда они не сразу и не везде находили должный отклик. Повсеместно начинается вытеснение кустарных тканей, широкое распространение, даже в отдаленных областях, получают фабричные изделия. В городах и крупных селениях молодежь куда быстрее переориентировалась в одежде, чем на периферии, где люди, особенно пожилого возраста придерживались консервативных взглядов.

С 1920-х гг. значительные корректировки произошли в облике мужского костюма, в котором соединились традиционные элементы и одежда советского, чаще военного образца. Кстати, на изделия европейского фасона первыми из числа коренных жителей в городах и сельсоветах начали переходить представители советских органов власти. В эти годы возникает, так называемый, городской стиль и появляется городской костюм, популярный среди руководящей элиты, городской и сельской интеллигенции. В его комплект входили пиджак, брюки, сорочки с отложным или стоячим воротником и галстуком. В сельских районах, в среде передовых колхозников и специалистов-агрономов носили френч, китель или рубашки с накладными карманами, брюки или галифе суконные или шерстяные, заправленные в сапоги (ил. 1). Поверх нательной одежды в теплое время года мужчины накидывали национальные халаты, плащи, легкое пальто, зимой – стеганые халаты, ватники (Винников 1969: 189). Характерными головными уборами этого периода были фуражки, кепи, шляпы, национальные вышитые тюбетейки и шапочки. Вместо кустарной обуви широкое распространение получают ботинки всех видов, резиновые галоши и сапоги. Таким образом, к середине XX века в Средней Азии традиционный мужской костюм претерпел сильные изменения и значительно упростился, некоторые же виды одежды и вовсе вышли из употребления, утрачены были и многие этно-территориальные черты. В регионе формируется новый, эклектичный вид мужского костюма, сочетающий в себе

¹ Подробно о Худжуме см.: (Пальванова 1982: 163-201) – прим. ред.

Ил. 1. Председатель колхоза им. Сталина Кировского района Ашхабадской области Гельдымурад Мурадов. 1955 г. Из архива Р. Г. Мурадова

заимствованные европейские модели и изделия, указывающие на локальную идентичность.

Среднеазиатский женский костюм оказался не таким открытым к советским социально-экономическим преобразованиям. До середины 1950-х гг. в гардеробе большей половины женского населения все еще оставались платья традиционного фасона, сшитые частными швеями из местных и привозных (фабричных) тканей, штаны-шаровары и даже головные уборы. Хотя «в годы социалистического строительства под влиянием усиленной пропаганды высокий и тяжелый головной убор (*борик, хасаба, бовмач*) туркменок стал уменьшаться в размерах» (Винников 1969: 201), повсеместно упростились и способы ношения головных уборов, уменьшилось количество национальных украшений на одежде. Рост политической активности женщин, их занятость в местных административных органах, членство в различных общественных организациях (женотделах, женских клубах и пр.) (Васильева 1969: 270) отражался также на их внешнем облике и одежде. Образ забитой и покорной восточной красавицы Гюльчатай (из незабвенного фильма «Белое солнце пустыни») постепенно трансформировался в женщину эмансипированную и самодостаточную, статус которой подчеркивался и новыми модными городскими «луками», которые попадали в Среднюю Азию разными путями.

Например, гостем среднеазиатского подиума был общесоюзный Дом моделей, который в эти годы гастролировал по Советскому Союзу, внедряя современную моду в ряды колхозниц и работниц промышленных предприятий, домохозяек и прочих жительниц среднеазиатских городов. Местные модницы с жадностью впитывали столичные тренды, шили сами или заказывали портным похожие костюмы и платья. Тем не менее, отдельные элементы традиционной одежды все еще оставались в приоритете, особенно в удаленных от городов районах. Нередко на улицах среднеазиатских городов можно было встретить горожанку с открытым лицом, в пиджаке или пальто, наброшенном поверх традиционного платья. Волосы и голова обязательно были прикрыты традиционным тюрбаном из фабричных платков или шапочкой-тюбетейкой. Еще одним любопытным комплектом маркеров, были советские регалии и украшения, которые иногда носили в паре на одежде. Подобная политика «двойного стандарта» не редкость. Например, в книге-альбоме «Социалистический Туркменистан», изданном в 1974 г., есть фотография Героя Социалистического Труда Оразгезель Эсеновой. Элементы ее платья (в данном случае ткань в полосочку *кетени*) и украшения на головном уборе являются очевидным

**Ил. 2. Герой Социалистического Труда
Оразгөзель Эсенова. 1973 г.
Из альбома «Социалистический Туркменистан»
(Ашхабад, 1974)**

маркером национальной, туркменской (скорее даже текинской) принадлежности, в то время как советские награды и орден Ленина подчеркивали ее «политическую идентичность» (ил. 2).

К середине 1950-х гг. из-за политики, ориентированной на формирование и распространения в среднеазиатских республиках образа единого советского человека, традиционный костюм, как один из вариантов локальной идентичности (род, племя, жуз и пр.), практически изжил себя. Необходим был новый, собирательный образ, подчеркивающий единство народа. Одним из таких символов становится национальный костюм, собранный как мозаика из нескольких локальных традиций (Чвырь 2020: 153-163). В некоторых регионах в качестве образца использовали

костюм, принадлежащий элитарной (так называемой титульной) этнической группе. Национальные лозунги в республиках подкреплялись и действиями Москвы. В сентябре 1966 г. было опубликовано постановление Совета Министров СССР «О мероприятиях по дальнейшему развитию местной промышленности и художественных промыслов», которое обязало местные соответствующие инстанции «расширить производство товаров народного потребления, отвечающим вкусу и запросам населения, с учетом природно-климатических, национальных и других местных условий». (Турганбаева 2011: 190-191).

В среднеазиатских республиках повышается интерес у населения к деталям и предметам, ассоциирующимся со своей традицией. В регионе начинается интенсивный процесс возрождения народных ремесел, обрядов и праздников. Дается добро на восстановление и частичную господдержку кустарных ремесленных цехов и частного производства. На базе государственных художественных институтов и училищ открываются отделения прикладного искусства – керамического, коврового, ювелирного. Как пишет автор статьи «У ташкентских модельеров» А. Очаковская: «... восточный стиль занял важное место в декоративном искусстве и национальные мотивы проникают в современную моду» (Очаковская 1968: 19-20) (ил. 3).

Действительно, перемены коснулись и индустрии моды. Конечно, населению не предлагалось заменить городское платье на национальные костюмы. Хотя некоторые слои населения, в частности сельские жители, все еще продолжали носить традиционные халаты и шаровары, постепенно в моду входит дизайнерская одежда с использованием классических мотивов. Подобные изделия были легко узнаваемы благодаря местным тканям и орнаментам, и являлись маркером национальной идентичности. Разработкой этих моделей занимались профессиональные модельеры из республиканских Домов моделей одежды, которые открылись в конце 1960-х гг. в Ташкенте, Душанбе, Алма-Ате, Ашхабаде и Фрунзе (совр. Бишкек) по примеру Общесоюзного дома моделей одежды в Москве. Так, в Душанбе открылся Дом моделей «Зинат», в Алма-Ате продолжил работу Дом моделей «Сымбат»². Профессии конструктора и

² В Алма-Ате, в 1947 г. на базе швейной лаборатории открылся республиканский Дом моделей «Сымбат». С 1987 г. все три дома моделей (одежды, обуви и трикотажа) были объединены в Центр развития ассортимента легкой промышленности и культуры одежды «Сымбат». В 1992 г. Центр был переименован в Академию моды «Сымбат», которая существует и ныне.

Ил. 3. Ташкентские модели в платьях в этностиле (Из журнала «Декоративное искусство СССР. 1968, № 8. С. 20)

художника-модельера одежды в Средней Азии, как таковой, в эти годы еще не существовало. Поэтому на начальном этапе в государственном ателье совместно трудились местные швеи и специалисты из Общесоюзного дома моделей. Московские коллеги помогали местным портным освоить разработку моделей, построение конструкции современных фасонов одежды с учетом многочисленных технологических нюансов, начиная от специфики местных тканей и заканчи-

вая производственными особенностями. Таким образом, к концу 1960-х гг. в Центральной Азии благодаря открытию Домов моделей появляется собственная индустрия моды и модельеры, которые разрабатывали ассортименты одежды, трикотажа и обуви для массового потребителя. В это же время появляются и первые дизайнерские коллекции. Такая элитарная одежда расходилась, как правило, среди актеров, жен чиновников, представителей торгово-промышленной

элиты. При каждом Доме моделей издавался иллюстративный рекламно-информационный журнал мод, в котором были представлены основные направления моды и дизайна, печатались статьи и комментарии о технологиях пошива швейных и трикотажных изделий (ил. 4). На страницах журнала можно было найти лекала модных моделей для самостоятельного пошива изделий в домашних условиях. Там же публиковали фотографии костюмов с народными элементами. Это направление в моде сегодня получило название *этностиль* (стиль, который объединил в одежде современные и традиционные черты).

Итак, среднеазиатские модельеры начинают работать в новом формате, демонстрируя окружающим уникальные и экспериментальные образы, сочетающие азиатский колорит, советский лаконизм и женственность в фасонах и моделях (ил. 5). В приоритете были платья-трапеции и приталенные сарафаны, брюки, рубашки, пиджаки и др. Одежду шили из фабричных тканей, выпускаемых на местных предприятиях – натурального шелка, крепдешина, шифона и традиционных – *иката*, *бекасаба*, *кетени*, использовали войлок и кожу. В ташкентском Доме моделей в

Ил. 5. Студентки. Душанбе, 1968 г.
Фото из открытых источников Интернета

Ил. 4. Обложка журнала мод «Сымбат»,
Алма-Ата, 1992 г.

1967-1968-х гг. известные дизайнеры А. Латыпова, А. Повицкая, Е. Ключина, вдохновленные древними архитектурными пейзажами, национальной керамикой и изразцами самаркандских дворцов, разработали летние серии «Зеленая вода», «Сказка» с использованием популярного узбекского полосатого шелка *бекасаба*. Те же модельеры не обошли стороной и мужское население, предложив курортную коллекцию на основе традиционной распашной рубахи и шорт с использованием той же ткани (Очаковская 1968: 20). Художники по костюмам «подкрашивали» одежду старинными вышивками, стилизованными орнаментами, фрагментами *сюзани* и ковровых изделий. Дизайнеры из Ашхабада, например, обязательно дополняли вещи традиционными украшениями, чаще нагрудными подвесками типа броши *гульяка*, которая со временем превратилась в один из национальных символов Туркмении.

С середины 1950-х годов в республиках так же продолжают работать надомные швеи и частные ателье, расширяет свой ассортимент и народная мода. Ее список пополнился не только европейскими «инородными» предметами – небольшими сумочками через плечо, юбками миди и мини, колготками и носками. В некоторых республиках появились свои модные этнические «фишки». Например, в Туркмении, в Марыйской обла-

Ил. 6-7. Туркменские галстуки, 1940-е гг. Фото М. А. Загитовой и А. О. Сопиева

сти, среди молодежи были популярны вышитые в традиционной технике мужские галстуки (ил. 6-7). Необычность этому аксессуару придавало изображение советской символики – московского Кремля, аббревиатуры СССР, советского герба и прочих государственных эмблем. Такой галстук готовила невеста в подарок жениху. Говорят, что степень качества вышивки на предмете, зависела от отношения девушки к парню. Кстати, размер калыма также влиял на длину и узорность галстука. Сегодня найти подобный предмет – большая удача для коллекционеров.

С 1990-х гг., после распада СССР и образования на геополитической карте Центральной Азии новых независимых государств, в каждом из них остро встал вопрос о принятии нового национал-государственного курса. Необходимы были и дополнительные идеологические ресурсы для формирования и популяризации общенациональных идей в обществе. Взгляды руководства обратились на историю и традиционную культуру – фольклорную музыку и танцы, декоративно-прикладное искусство, где в избытке можно было найти «этнокультурные образы» (Чвырь 2020: 153-163), своеобразные узнаваемые знаки, ассоциирующиеся с этно-территориальной принадлежностью – ковры, керамика, ювелирные украшения, национальный костюм и его отдельные элементы. Например, одним из знаков таджиков и узбеков стали «чустские» тюбетейки (дупи) – шелковые или бархатные, квадратной формы с изображением вышитых стручков и миндаля (ил. 8). Всем известны узбекские *абровые* ткани и туркменские (ахалские) ковры, которые сегодня являются своеобразными государственными брендами.

Одним из перспективных и, можно сказать, специфических направлений на этапе построения государственности стала фэшн-индустрия, точнее мода в стиле *этно*, базирующаяся на синтезе традиционных канонов и современности. Нынешняя женская этническая одежда отличается своей эклектичностью – в одном изделии мастерами умело скомбинированы актуальные, модные фасоны и традиционные ткани, войлочные аппликации, национальная вышивка и орнамент. Встречаются и традиционные предметы, например, сильно адаптированные под современные реалии, но легко узнаваемые местными жителями (ил. 9). Подобные работы набирают все большую популярность среди ценителей и почитателей среднеазиатской экзотики и модников, желающих отличиться и продемонстрировать свою индивидуальность, т.к. чаще всего вещи шьются в единственном экземпляре.

Профессия модельера и дизайнера одежда

Ил. 8. Вышитая «чустская» тюбетейка.
Фото из открытых источников Интернета

стала очень востребованной. Пользуются большим спросом сегодня и государственные учебные заведения, где работают специализированные кафедры и отделения «Художественного дизайна одежды». Получить образование можно и в других учреждениях. Например, при казахской Академии моды «Сымбат» действует учебный центр, где готовят профессиональных художников-модельеров модной индустрии в области дизайна одежды и текстиля, а также специалистов для текстильной и легкой промышленности. Показательно, что кроме общих навыков, студенты изучают и традиционные технологии ткачества и шитья, изучают и национальный костюм. Свои изделия студенты демонстрируют на межвузовских и межреспубликанских конкурсах. Наиболее квалифицированные художники представляют свои сезонные коллекции на «Неделе Моды», которые ежегодно проводятся в каждой республике. Обычно главными трендами на модных показах являются сюжетные линии, навеянные определенными культурными и историческими событиями или праздниками, природой и архитектурой. Например, в 2020 г. таджикский дизайнер Нафиса Имранова представила в Париже на международном показе коллекцию «Навруз», молодой киргизский модельер Алия Калиева презентовала на одном из показов в Бишкеке авторскую одежду «Маки Памира». Вдохновленные национальной культурой дизайнеры демонстрируют публике яркие и совершенно неожиданные комбинации Востока и Запада. Так, на одном из показов мод в Казахстане Ая Бапани (её еще называют «Королевой войлока», т.к. девушка работает именно в этой традиционной технике) показала смелые и откровенные модели прозрачных и броских платьев в казахском стиле. Как отметила

Ил. 9. Дизайнер Альбина Ахмади. Модель. Узбекистан, Ташкент, 2021 г. Фото из открытых источников Интернета

Ил. 10. Дизайнер Ая Бапани. Платье в этностиле. Казахстан, Алмата, 2010-е гг. Фото из открытых источников Интернета

сама модельер, «возможно, они не так скромны (это своеобразный вызов консервативным религиозным предрассудкам), но зато отвечают национальным канонам» (Омаров 2012) (ил. 10).

Новаторством в среднеазиатской фэшн-индустрии можно назвать создание своеобразных арт-объектов из традиционной одежды. В этом направлении работает художник-модельер из Ташкента Диляра Каипова. Она известна благодаря неординарной интерпретации узбекских традиционных *абровых* мотивов. Взяв за основу традиционный распашной халат из *иката*, дизайнер соединяет привычные узоры с персонажами и символами поп и арт-культуры – Микки Маусом, Дартом Вейдером и др. Ее креативные работы пользуются спросом у коллекционеров во всем мире. Несколько халатов хранится в зарубежных музеях (ил. 11).

Между прочим, модельеры занимаются не только пошивом для индивидуальных клиентов и авторской одежды для своих коллекций, но и

выполняют государственные заказы – разрабатывают национальные костюмы, спортивную и школьную одежду, униформу для официальных и праздничных мероприятий – своеобразные государственные дресс-коды.

Современные этнические коллекции являются не только экспериментальной темой для самих дизайнеров. В последнее время фэшн-индустрия стала одним из способов презентации страны на международных выставках и проектах – своеобразной «визитной карточкой». Так, на Экспо-2020 в Дубае, на площадке, рассказывающей посетителям павильонов постсоветских государств Центральной Азии о богатстве их культурного наследия, демонстрировали не только этнографические артефакты, но и знакомили с новейшими тенденциями в мире искусства и современной моды с участием известных модельеров.

Таким образом, государство остается одним из главных генераторов развития и продвиже-

Ил. 11. Дизайнер Диляра Каипова на фоне арт-объектов. Узбекистан, Ташкент, 2020-е гг.
Фото из открытых источников Интернета

ния местной фэшн-индустрии. В регионах с разной степенью интенсивности финансируются фэшн-проекты и выделяются бюджетные средства на поддержание бизнеса в этой области. Хотя, как подчеркивают некоторые модельеры, этих вливаний недостаточно для подъема местной модной индустрии хотя бы до уровня зару-

бежных азиатских стран. Денег порой не хватает на пошив коллекций и аренду помещения под шоу-рум и ателье, поэтому модельерам-предпринимателям приходится надеяться на собственные силы или подключать к работе спонсорские средства. По понятным причинам, в каждой стране поддержка государства происходит по-раз-

Ил. 12. Дизайнер Хоршад Саттаров. Таджикистан, Душанбе, 2000-е гг.
Фото из открытых источников Интернета

ному. В Душанбе, например, местные городские власти выделили дизайнерам под мастерские, закройный и швейные цеха павильоны комплекса «Наврузгоҳ» (там обычно отмечают праздник Навруз). Модельеров поддерживает и Министерство культуры Таджикистана. Тем не менее, как говорят сами таджикские дизайнеры, модная индустрия в регионе не находит такого отклика у государственных чиновников, как, например, в Узбекистане (Мирзоева 2020) (ил. 12).

Вообще уровень современной фэшн-индустрии в Центральной Азии разный, как, впрочем, и степень профессионализма самих дизайнеров. Модельеров можно разделить на несколько категорий. Ядро современной индустрии моды составляют кутюрье, начавшие свою карьеру в 1990-х гг. Сегодня эти мастера, имея достаточный опыт и клиентуру, продолжают работать над эксклюзивными коллекциями, открывают магазины

и шоу-румы не только в соседних государствах. Они участвуют в зарубежных и внутренних *fashion week*, устраивая театрализованные показы, но все также они черпают творческое вдохновение в национальной культуре. В Узбекистане, например, таким «гуру моды» считают Лали Фазылову, которая в 2011 г. в Ташкенте открыла известный Дом моды LALI (ил. 13). Её коммерческая стратегия нацелена на более кутюрный и художественный подход, на поиск новых форм синтеза моды и восточных традиций, а её одежда ориентирована на состоятельных современных узбекских и европейских женщин. Под эгидой Дома моды LALI проводятся Недели моды. Стоит отметить и узбекского дизайнера Дину Сайфи, которая работает в сложной технике войлоковаления. В Киргизии представителем старшего поколения дизайнеров является Дильбар Ашимбаева, основатель Дома моды DILBAR. Далее идут

Ил. 13. Дизайнер Лали Фазылова. Модные платья в этностиле. Узбекистан, Ташкент, 2010-е гг. Фото из открытых источников Интернета

и декора остаются дизайнеры из Туркменистана. Современная мода сильно зажата в рамках традиций, где преобладают грациозные и величественные, но старомодные фасоны, сшитые из национальных тканей и украшенные этническими вышивками. Практически отсутствуют здесь и игривые этнические образы, которые мы встречаем у других центральноазиатских модельеров (ил. 14).

Одежда – это важная часть развития культуры, маркер идентичности. Она создает неповторимый колорит, без которого невозможно представить жизнь людей. В Центральной Азии современная модная индустрия активно развивается, демонстрируя ярко выраженное взаимодействие с традиционными тканями и фасонами, вышивкой и орнаментами, что безусловно, обогащает и разнообразит её. Кто затеял такую творческую игру? Сами дизайнеры, которым было ин-

более молодые, но уже успешные дипломированные модельеры благодаря своему вкусу и умению гармонично и стильно объединять «восток и запада» в одежде. Таких имен достаточно много – Дильдора Касымова и Зульфия Султон (Узбекистан), Хуршед Саттаров и Мавлюда Хамраева (Таджикистан), Лария Джакамбаева и Аида Кауменова (Казахстан), Шекер Акиниязова (Туркменистан) и многие другие. К третьей категории дизайнеров можно отнести специалистов, которые, уловив спрос на восточную тематику, создают недорогие и однотипные предметы одежды и аксессуары. Таких модельеров большинство, но тем не менее благодаря разнообразию орнаментальных узоров, цвета и фактуры тканей они научились ловко манипулировать своими идеями и создавать неповторяющиеся и привлекательные изделия.

Пожалуй, наиболее интересными на сегодняшний день являются модельеры из Узбекистана и Казахстана. Отслеживая модные европейские тренды, дизайнеры удачно соединяют их с классическими орнаментами и тканями. В результате получаются яркие, живые и смелые образы, где легко угадывается этнический колорит. Аналогично работают и кутюрье из Кыргызстана и Таджикистана, однако последние более уравновешены в выборе фасонов одежды, но чрезмерны в нанесении традиционной вышивки, что иногда придает авторским изделиям оттенок китча. Наиболее консервативными в подборе моделей

Ил. 14. Туркменские модели. Ашхабад, 2018 г. Фото: В. А. Саркисян

интересно таким образом восстановить утраченные технологии? Или предложение о сотрудничестве с «первоисточниками» поступило от руководства с целью дальнейшей разработки и популяризации нового стиля, как идеологического ин-

струмента, демонстрирующего обществу и миру национальное единство? Не ясно, в каком русле будет и дальше развиваться этническая мода. В любом случае, этот материал, пока еще абсолютно неизученный, требует внимания и анализа.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Васильева* 1969 – *Васильева Г. П.* Преобразования быта и этнические процессы в северном Туркменистане. М.: Наука, 1969.
- Винников* 1969 – *Винников Я. Р.* Хозяйство, культура и быт сельского населения Туркменской ССР. М.: Наука, 1969.
- Загитова* 2022 – *Загитова М. А.* Пусть закроют лицо // Человек и мир. Диалог. Издательский дом «Проект Медиа Групп». Вып. 1(16), январь-март, 2022. С. 68-69.
- Мирзоева* 2020 – *Мирзоева А.* Человек-бренд. Кутюрье Хуршед Сатторов (электронный ресурс). Режим доступа: https://limu.tj/main/people/kutyure_khurshed_sattorov.
- Омаров* 2012 – *Омаров Р.* Возвращающая матриархат // газета «Экспресс К», № 147 (17505) от 11.08.2012. (электронный ресурс). Режим доступа: https://www.inform.kz/ru/dizayner-aya-bapani-hochet-dokazat-chto-kazahskie-nacional-nye-plat-ya-krasivee-arabskih-odezhd_a2486299.
- Очаковская* 1968 – *Очаковская А.* У ташкентских модельеров // Декоративное искусство СССР. № 8 (129), 1968. С. 19-20.
- Пальванова* 1982 – *Пальванова Б. П.* Эмансипация мусульманки. М.: Наука, 1982.
- Социалистический Туркменистан 1974 – Социалистический Туркменистан. Альбом. Ашхабад, 1974.
- Турганбаева* 2011 – *Турганбаева Ш. С.* Становление и развитие дизайна в Казахстане // Филология и Искусствоведение. 2011. С. 190-191 (электронный ресурс). Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/stanovlenie-i-razvitie-dizayna-v-kazahstane>.
- Чвырь* 2020 – *Чвырь Л. А.* Этнокультурные образы в Средней Азии: национальный костюм // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. Вып. 6. М.: Наука, 2020. С. 153-163.

А. Р. КАСПАРОВ

НАЗНАЧЕНИЕ ГЛИНЯНЫХ ПОДЕЛОК САПАЛЛИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ¹

Открытие сапаллинской культуры дало мощный импульс в изучении таких важных вопросов, как проблема урбанизации региона, сложение первых государственных образований и Бактрийского культурогенеза в целом. В настоящей работе рассмотрен еще один аспект культурно-исторической ретроспективы материалов данной культуры, а именно монофункциональные глиняные поделки, обнаруженные в погребально-культовом памятнике Бустон VI. При их изучении и верификации с ведическими источниками, наблюдается большое количество параллелей, которые не могут быть простой случайностью. Особенность рассматриваемых изделий состоит в том, что они представлены стандартизированным набором, включающий в себя антропоморфные статуэтки, напрямую отождествляющиеся с теми или иными божествами Ведийского пантеона, различные изделия, имевшие ритуально-символическую направленность, а также ритуальную посуду (сосуд и ложку-черпак) для сакральных подношений. В работе определяется не только их параллели с данными Вед, но и происхождение, связанное с приходом степных евразийских племен на территорию Северной Бактрии. Актуальность настоящего исследования определяется возможностью реставрировать идеологические представления и структурировать картину мифологического миропонимания сапаллинского общества в эпоху поздней бронзы. Подчеркивается влияние скотоводческих срубно-андроновских племен, оставившие существенный след в культуре древних земледельцев, послужившие основой для сложения в Северной Индии новой ведической культуры.

Ключевые слова: Сапаллинская культура, эпоха бронзы, некрополь Бустон VI, глиняные поделки, верификация, Веды

DOI: <https://doi.org/10.34920/1694-5794-2022.33.004>

Цитирование: Каспаров А. Р. Назначение глиняных поделок сапаллинской культуры // Вестник МИЦАИ. Вып. 33. Самарканд, 2022. С. 71-78.

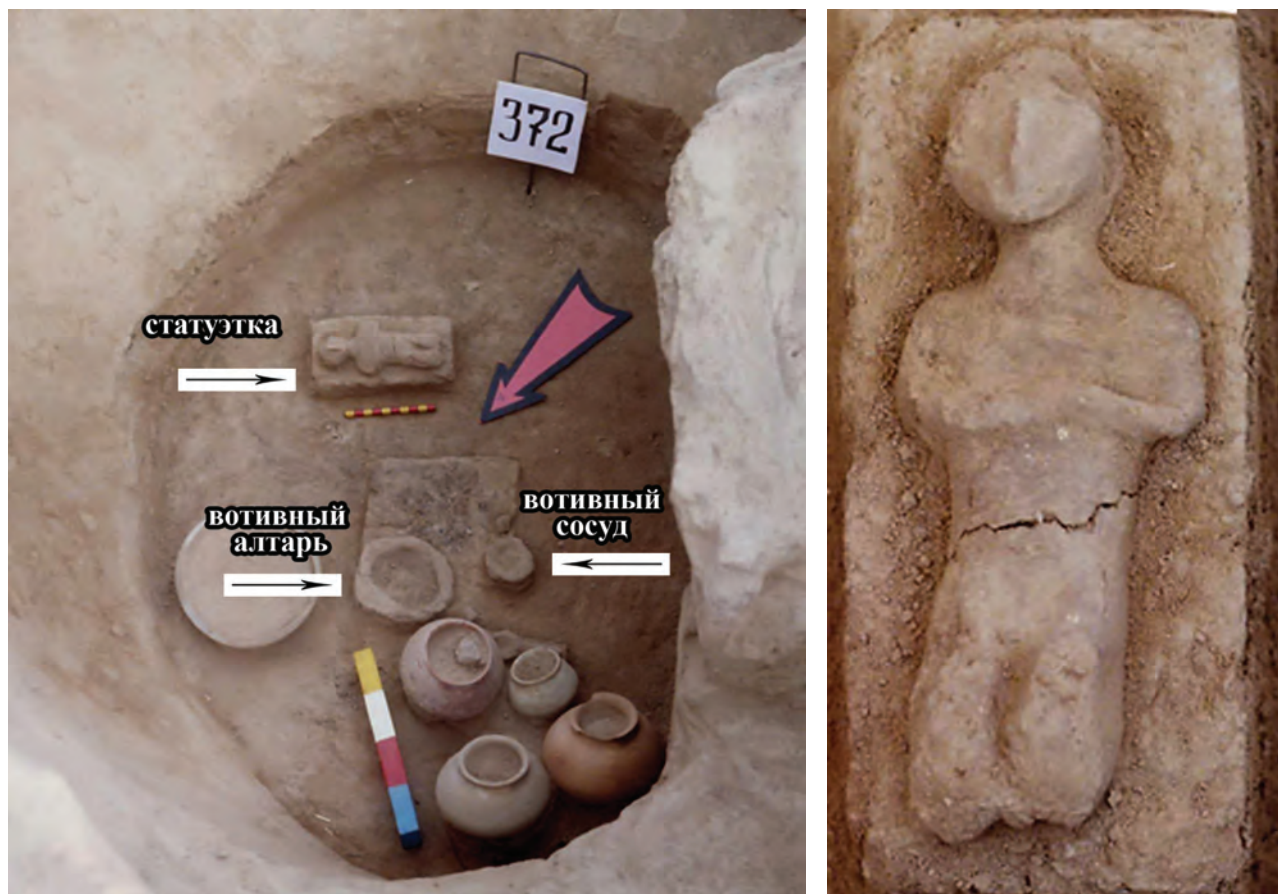
С НАЧАЛА 1970-х гг. ежегодные археологические раскопки новой сапаллинской культуры развеяли миф о «Бактрийском мираже» (Попов 2015), внесли корректировки в вопросы сложения урбанистической цивилизации и становления государственности на юге Средней Азии. В географическом плане указанная культура занимает территорию юга современного Узбекистана (Сурхандарьинская область). Ее памятники датируются эпохой бронзы и охватывают в целом период всего II тыс. до н. э. Сапаллинская культура (далее СК) – яркий пример древневосточной протоурбанистической цивилизации. Эта культура древнеземледельческая, основа ее экономики – сельское хозяйство с незначительной долей животноводства. Она известна по таким памятникам, как поселение-протогород Сапаллитепа, протогород, храм и одноименные могильники Джаркутан, Молали,

Бустон (Аскарлов 1973; 1977; Аскарлов, Абдуллаев 1983; Аванесова 1989: 63-77).

Среди всех памятников СК своеобразием и неординарностью выделяется некрополь Бустон VI (далее Б-VI), где были зафиксированы рассматриваемые в данной статье глиняные поделки. Как известно, в археологических исследованиях находки глиняных изделий² – явление не столь частое. Найти глину в глине требует от археолога большого мастерства и профессионализма. Особенно, если возраст этой находки насчитывает более трех тысячелетий. Обнаружение целого стандартизированного набора подобных

¹ Работа основана на археологических материалах и фактологических источниках музея археологии СамГУ.

² Речь, конечно, идет не о керамике (обожженной глине), а о глиняных изделиях, не прошедших термическую обработку.

Ил. 1. Могила с глиняными поделками – вариант символических погребений

вещей в закрытых комплексах бронзового века – случай уникальный и требующий особого, пристального внимания. Речь в настоящей статье пойдет о целом ряде стандартизированных монофункциональных необожженных глиняных поделок, которые были найдены в могилах Б-VI.

Изучение памятника производилось на протяжении 14 полевых сезонов с 1990 по 2008 гг. силами археологов и студентов Самаркандского государственного университета в рамках проходившей полевой археологической практики под неизменным руководством основного исследователя – проф. Н. А. Аванесовой.

Бустон VI³ – это полиритуальный памятник, где не только хоронили умерших соплеменников, но и совершали различные действия ритуального характера. Это утверждение иллюстрируют 211 захоронений, в которых выявлены различные способы обращения с телом усопшего, в том числе не свойственное для сапаллинской культуры трупосожжение, а также свидетельства ритуалов,

относящихся к погребальной практике степных культурных традиций Евразии.

Уникальность комплекса заключается в том, что он предназначен также и для различных священнодействий, связанных с религиозными представлениями. Более половины (58,3 %) всех изученных объектов на некрополе имеют именно ритуализированный характер. Это различные поминальники, алтарные ямы, кенотафы и фиктивные могилы, захоронения животных, а также поделки, в том числе антропоморфные статуэтки. Такие изделия были монофункциональны (так как были изготовлены из необожженной глины) и предназначались для однократного ритуального акта, происходившего в момент их захоронения. В могиле они всегда были четко локализованы и компактно занимали определенное место.

В результате многолетних исследований Н. А. Аванесовой выявлено около четырех десятков могил⁴, в которых зафиксирован стан-

³ Хронологические рамки функционирования рассматриваемого комплекса определяется заключительной стадией сапаллинской культуры (XIII – нач. X вв. до н. э.).

⁴ Учитываются закрытые комплексы, в которых монофункциональные глиняные изделия выступали как в качестве основного инвентаря, так и совместно с погребениями целых туш животных или человеческих останков.

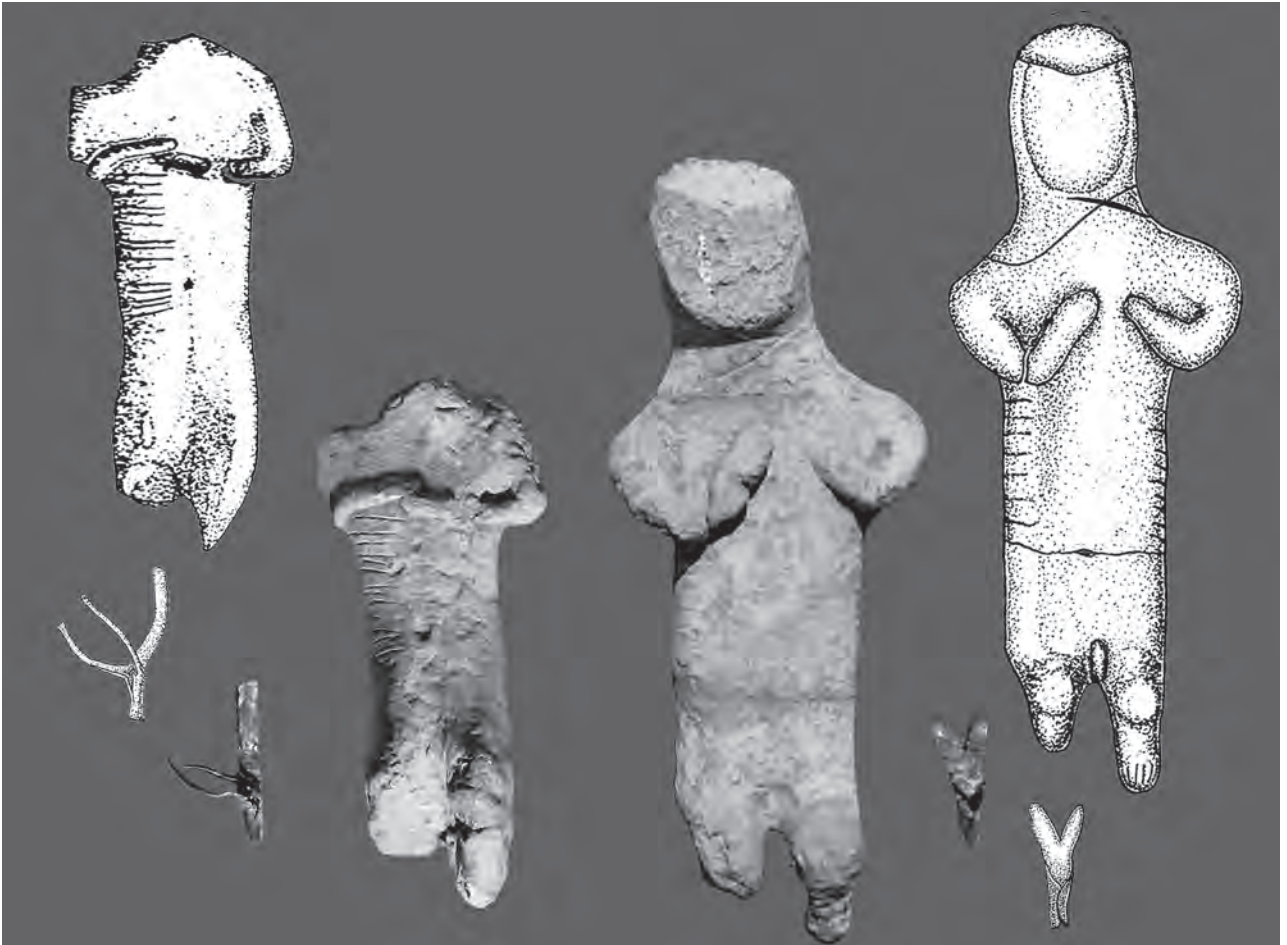
Ил. 2. Варианты антропоморфной статуэтки

дартизированный набор однотипных глиняных изделий (ил. 1). Это одна (значительно реже две) антропоморфная статуэтка, вотивный алтарь округлой формы, три фишки-жетона конусовидной формы, ложка-черпак и миниатюрный сосуд горшковидной формы, в котором иногда фиксировали небольшую окатанную гальку. Совершенно очевидно, что перед нами предстал абсолютно новый, неизвестный ранее обряд ритуальной практики земледельцев Северной Бактрии, появившийся во второй половине II тыс. до н. э.

Могильник сложился и функционировал в период активного проникновения в местную среду степных племен Евразии, что послужило сильнейшим импульсом к трансформированию облика культуры. Об этом говорят новый обряд погребальной практики в виде трупосожжения, ритуалы, связанные с огнем и его символикой, материальная культура, неоднородность антропологического состава и пр. (Аванесова, Тошпулатова 1999; Аванесова и др. 2010: 118-136; Аванесова 2013а; 2013б; 2014; Аванесова, Каспаров 2015: 27-54). Можно предположить, что и обряды с использованием рассматриваемых изделий могли появиться под влиянием степного этноса. Одна-

ко генезис обсуждаемого погребально-культового инвентаря нам неизвестен. При этом необходимо отметить, что еще у ранних земледельцев джейтунской неолитической культуры известны аналогии близких, но обожженных поделок: антропоморфные и зооморфные статуэтки и «фишки-жетоны» (Массон 1971: 43-44, Табл. XL, XLI). Если допустить, что генезис СК связан с древнеземледельческими оазисами Туркменистана, нельзя исключить формирование данного обряда у оседлых племен.

Изучив ведическую литературу, Н. А. Аванесова трактует глиняные поделки рассматриваемого могильника как вещественное письмо. В своей статье «Предметное письмо доурбанистической Бактрии» (Аванесова 2004) автор приходит к выводу, что данный обряд использовался как ритуальное письмо, опираясь, в том числе, на аналогию предметного письма, приведенного Геродотом в сюжете ответа скифов персидскому правителю Дарию: «...скифские цари... отправили к Дарию глашатая с дарами, послав ему птицу, мышь, лягушку и пять стрел... персы собрали совет... Он /Гобрий/ объяснял смысл даров так: «Если вы, персы, как птицы не улетите в небо или

Ил. 3. Антропоморфные божества «водной стихии»

как мыши не зароется в землю, или как лягушки не поскачете в болото, то не вернетесь назад, пораженные этими стрелами». (Геродот IV: 131-132).

Действительно, рассматриваемые в настоящей работе глиняные поделки имеют весьма четкие параллели с ведическими персонажами и церемониально-символической атрибутикой. Так, например, наиболее ярко нам представляется интерпретация антропоморфных статуэток, размеры которых варьируются в пределах от 14 до 25 см. Фигуры человека различаются морфологически и стилистически и основаны на типизации образа. Положение рук различно, но большей частью представлено в особой ритуальной позиции: они согнуты перед грудью или подтянуты в локтях и сведены в молитвенной позе (ил. 2: 2-3). В некоторых случаях конечности лишь слегка обозначены (ил. 2: 1), что дополнительно свидетельствует о ритуальном символизме самого наличия статуэтки, но не его деталей. Половая принадлежность подчеркнута всего в двух случаях.

Изначально автором раскопок было сделано предположение, что данные антропоморфные статуэтки являются своеобразным «заменителем» тела покойного, которого по тем или иным причинам соплеменники не смогли захоронить в своем могильнике (например, человек умер на чужбине или пропал без вести). Однако с накоплением фактического материала, а главное благодаря возможности верификации их с данными Вед, кардинально изменилось понимание их предназначения. Так, например, на некоторых антропоморфных статуэтках были зафиксированы горизонтально прочерченные параллельные линии, создающие впечатление волнистой поверхности (ил. 3). Общеизвестно, что волнообразными линиями во многих культурах изображали символы воды и водной стихии.

Поскольку в совокупности с такими статуэтками, как правило, обнаруживали также вотивные металлические жезлы (символ власти), можно предположить, что перед нами представлены мифологические персонажи индоариев типа Ва-

Ил. 4. Разнополые «близнецы»

руны (бог дождя), Индры (повелитель грома и хранитель вод), Сарасвати (плодоносная сила реки), Маруты или Рудра (боги бури, грозового дождя, молнии, убивающие людей и скот), имеющих отношение к воде (РВ V 29-2,41-11,12, 85-3 и др.). Видимо, «дубиной грома Тришандхи» (АВ XI, 11) следует интерпретировать обнаруженные в некоторых погребениях с антропоморфной статуэткой votивные металлические двух- или трехпалые жезлы. Количество окончаний на жезле, видимо, имело принципиальное значение. Вероятно, жезл, который имел три ответвления, персонифицировался с «трехчленной дубиной Индры» (АВ 1989: 38) и служил «смертельным оружием» в борьбе с асурами (низшие божества, находящиеся в оппозиции к богам – Сурам) (АВ XI, 10).

Как упоминалось выше, известны случаи, когда в погребении находились парные фигурки. Так, например, в одном из погребений в стандартном наборе глиняных изделий были обнаружены две статуэтки, выполненные в едином стиле, но опре-

деленно разного пола (ил. 4). В связи с этим интересен факт, что в Ригведе есть упоминание о разнополых близнецах – Яма и его сестры Ями (РВ X, 10). Ям (дословно означает «близнец») – царь умерших, первый смертный, который, умерев, положил начало смерти. В ведических представлениях именно от инцеста (а во времена Ригведы это уже осуждалось с позиций морали и называлось «не подобающей родине» (РВ X, 10-9)) этих близнецов и произошел род человеческий. Видимо, отождествление этих божеств с плодородием и деторождением обусловило создание этих фигурок.

Относительное разнообразие обнаруженных антропоморфных статуэток дает возможность развивать интерпретацию и выдвигать различные параллели ведическим богам и антропоморфным статуэткам. Мы лишь проиллюстрировали некоторые варианты.

Не только антропоморфные изображения находят свои аналогии с Ведами. Четкую верификацию с данными древнеиндийской литературы

Ил. 5. Вотивные глиняные алтари и фишки-жетоны

показывают также иные вотивные изделия из отмеченного стандартизированного набора глиняных поделок. Одними из наиболее часто фиксируемых изделий являются округлые вотивные алтари, которые в некоторых случаях сохранили остатки ритуального возжигания в виде древесных угольков. Они⁵, вероятно, символизируют солнечный диск, бесконечную смену дня и ночи. В ведической литературе в разных вариантах Митра отождествляется со светлым временем суток, а Варуна – с темным: «Сурья принимает этот цвет Митры (и) Варуны, // Чтобы быть видимым в лоне неба. // Бесконечно светла одна его сторона, // Другую, черную, собирают (его) кобылицы» (РВ I, 115-5).

Придерживаясь такой трактовки древних текстов, мы можем говорить об обращении сапаллинцев к величайшим божествам ведического пантеона, отождествляемых с солнечным диском и верифицируемых нами с вотивными алтарями. Кроме того, олицетворение Митра-день — Варуна-ночь укладывается в дуалистическую концепцию первой мировой религии (зороастризм), ко-

торая позже стала господствующей на огромной территории от Индии до Ирана и Азербайджана. Здесь необходимо отметить, что кажущуюся на первый взгляд дуальной оппозицию день-ночь (свет-тьма, добро-зло), можно трактовать и как единство бытия, постоянную сменяемость дневного и ночного времени суток, где Митра и Варуна правят совместно (*Дюмезиль* 1986: 51). Более того, в Ригведе различия между богами отмечаются крайне редко в виде размытых формулировок и намеков. В более поздней Атхарваведе разделение значительно более ясное, и божества часто определяются в сопоставлении друг с другом. Последнее дает возможность высказать предположение, что в период первоначального сложения рассматриваемых верований, которые распространились в Северной Индии с приходом кочевников Евразии, Митра и Варуна персонифицировались как единое божество.

Зачастую миниатюрные вотивные алтари шли в комплексе с конусовидными фишками-жетонами (ил. 5). Их семантика связана, в первую очередь, с символикой числа 3. В ведической литературе эта цифра проходит красной линией как в социальной составляющей (три основные варны), так и по всем религиозным текстам и канонам (одна из основных – трехфункциональность индоиранских богов и космогоническое представление о трех вертикальных мирах). Вселенная состоит из трех частей: мир богов (небо), мир людей (атмосфера) и мир умерших (подземный). Возможно, что глиняные фишки реализуют идею триединства космоса (*Дюмезиль* 1986: 12) (РВ X, 125). Трехчастность мира связана с Агни (бог огня,

⁵ В погребениях некрополя Бустон VI были обнаружены модели колес, на некоторых из них были изображены «спицы» (*Аванесова* 2013а). С определенной долей условности можно предположить, что указанные находки также могут символизировать солнечный диск, а «спицы» на колесах – солнечные лучи. Другим вариантом верификации алтарей могут послужить кольцо, диск и т. п., которые также связаны с понятием солнца и являются широко известными и общепризнанными (*Аванесова* 2004: 22).

Ил. 6. Монофункциональные глиняные сосуды и вотивные ложки-черпаки

посредник между людьми и богами). Он троичен по отношению к трем уровням Вселенной; он же представлен тремя жертвенными огнями (РВ X, 90. 15), которые также имеют место в структуре некрополя на сакральных площадках (Аванесова 2013: 511-524). Таким образом наличие трех фишек в наборе глиняных поделок семантически отражает символизм главенства культовой религиозной составляющей в социально-общественной жизни сапаллинского общества.

Говоря же об их назначении, вернемся к аналогии с конусовидными «фишками» в Джейтунском поселении. Выскажем предположение, что подобные изделия, пройдя сквозь эпохи вместе с расселением первых земледельцев, распространились на Восток через Маргиану и, дойдя до Северной Бактрии, трансформировались от узкоутилитарного назначения до своеобразного ретранслятора религиозно-мифических представлений. В. М. Массон в поиске аналогичных явлений обращает внимание на наличие «фишек» в Тепе-Сиалк (Центральный Иран), раннетрипольском поселении Лука-Врублевецкая и др. Он приходит к заключению, что они могли служить в качестве игральные фишки и могли происходить из единого набора (Массон 1971: 42).

Символизм некоторых глиняных поделок передает также желание сапаллинцев подношения ритуальной трапезы. Обрядовое угощение предков и богов подразумевало изготовление монофункциональных сосудов и ложек-черпаков (ил. 6). Посуда представлена различными формами, но большая их часть была в форме котла. В некоторых сосудах находилась галька (ил. 5), ин-

терпретируемая нами как давящий камень (РВ IX, 67-19), а это позволяет считать, что сосуды предназначались для священного напитка сомы (хаомы). О значимости этого священного напитка как главного подношения к богам говорит хотя бы тот факт, что вся IX Мандала обращена «К Соме» и начинается строками: «Самым сладким, самым опьяняющим // Потоком очищайся, о сома, // Выжатый Индре для питья!» (РВ IX, 1)

Практически все сосуды были сопровождаемы ложками, которые очевидно предназначались для черпания и питья находящегося в емкости ритуального подношения. В Ригведе (РВ X, 118-2) и Атхарваведе (АВ XVIII, 4-5, 6) ложка фигурирует как жертвенная утварь. При этом очевидна их вариативность, что согласуется с представлением о делении мира на три части (небо, атмосфера и земля) и объясняется в Атхарваведе: «Ложка для масла поддерживает небо, разливательная ложка – воздух, а жертвенный ковш удерживает твердь земную» (АВ XVIII, 4-5).

Вопрос о времени составления ведической литературы весьма дискуссионный. Но если придерживаться мнения, что она и Ригведа, как её наиболее древняя составляющая, являются ровесниками обсуждаемых поделок, то напрашивается очевидный вывод, что религия древних Вед и религиозные воззрения населения Северной Бактрии могут верифицироваться с фактически материалами некрополя Б-VI.

Таким образом, суммируя представленные в работе данные о монофункциональных глиняных поделках, мы можем говорить если не о преемственности наших материалов с установлением и

распространением религиозных воззрений древних индоариев, то по крайней мере о возможном влиянии одного и того же культурного элемента. Весь комплекс глиняных поделок Б-VI знаменуют собой обращение сапаллинского социума к мифологизированным божествам ведийского пантеона и космологии или, как говорит Н. А. Аванесова, вещественный текст. Они составляют

единую целостную картину миропонимания и с помощью них четко очерчивается единая мифологическая структура, дающая представление о верованиях трехтысячелетней давности. Глиняные поделки призваны «разъяснить» языком символов мифологические и мировоззренческие представления населения доурбанистической Северной Бактрии.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- AB* — *Атхарваведа*. Избранное. Пер., комм. и вступит. статья Т. Я. Елизаренковой. М.: Наука, 1989.
- PV* — *Ригведа* [в 3-х т.] Изд. подготовила Т. Я. Елизаренкова. М.: Наука, 1989.
- Аванесова 1989 — Аванесова Н. А. Эпоха бронзы Средней Азии. Учебное пособие. Часть I, СамГУ. Самарканд: СамГУ, 1989.
- Аванесова 2004 — Аванесова Н. А. Предметное письмо доисторической Бактрии // *Transoxiana: История и культура*. Ташкент: Изд-во Р. Элинина, 2004. С. 16-24.
- Аванесова 2013а — Аванесова Н. А. Бустон VI – некрополь огнепоклонников доурбанистической Бактрии. Самарканд: МИЦАИ, 2013.
- Аванесова 2013б — Аванесова Н. А. Погребальный обряд некрополя Бустон VI как отражение межкультурных взаимодействий // *Культурный трансфер на перекрестках Центральной Азии: до, во время и после Великого Шелкового Пути*. Париж-Самарканд: МИЦАИ, 2013. С. 27-34.
- Аванесова 2014 — Аванесова Н. А. Ритуальная ингумация некрополя Бустон VI // *Зарафшон водийси археологияси масалалари*. Самарканд: СамГУ, 2014. С. 92-104.
- Аванесова, Тошпулатова 1999 — Аванесова Н. А., Тошпулатова Н. А. Символика огня в погребальной практике Сапаллинской культуры (по материалам некрополя Бустон VI) // *ИМКУ*. Вып. 30. Самарканд, 1999. С. 27-36.
- Аванесова и др. 2010 — Аванесова Н. А., Дубова Н. А., Куфтерин В. В. Палеоантропология некрополя Сапаллинской культуры Бустон VI // *Археология, этнография и антропология Евразии – Новосибирск 1* (Н1). 2010. С. 118-136.
- Аванесова, Каспаров 2015 — Аванесова Н. А., Каспаров А. Р. Практика вторичного захоронения некрополя Бустон VII // *Вестник МИЦАИ*. Вып. 21. Самарканд, 2015. С. 27-55.
- Аскарлов 1973 — Аскарлов А. А. Сапаллитепа. Ташкент: Фан, 1973.
- Аскарлов 1977 — Аскарлов А. Древнеземледельческая культура эпохи бронзы юга Узбекистана. Ташкент: Фан, 1977.
- Аскарлов, Абдуллаев 1983 — Аскарлов А. А., Абдуллаев Б. Н. Джаркутан. Ташкент: Фан, 1983.
- Геродот 1972 — Геродот. История в девяти книгах. Пер. и прим. Г. А. Стратановского. Под ред. С. Л. Утченко. Л.: Наука, 1972.
- Дюмезиль 1986 — Дюмезиль Ж. Верховные боги индоевропейцев. М.: Наука, 1986.
- Массон 1971 — Массон В. М. Поселение Джейтун. Л.: Наука, 1971.
- Попов 2015 — Попов А. А. Место Греко-Бактрии в истории и культуре древности // *Вестник СПбГУКИ* № 4 (25). СПб., 2015. С. 49-54.

Д. Ю. МИЛОСЕРДОВ

ОРНАМЕНТИКА И ТЕХНИКИ ДЕКОРИРОВАНИЯ ХОЛОДНОГО ОРУЖИЯ АФГАНИСТАНА XVIII – НАЧАЛА XX ВЕКОВ

В статье рассматриваются различные техники декорирования клинкового оружия Афганистана XVIII-начала XX веков и его орнаментика. Освещаются три направления декорирования и особенности каждого из них: индийское, персидское и собственно афганское. Уделяется внимание элементам орнамента, сохранившимся с доисламского времени. По мнению автора, для холодного оружия Афганистана характерно определённое смешение орнаментальных мотивов и техник декорирования оружия.

Ключевые слова: Афганистан, Персия, Индия, кофтгари, кундан, картуш, арабески, сцены терзания, солярные символы, хайбер (хайберский нож), пулвар, тальвар, чура, лохар

DOI: <https://doi.org/10.34920/1694-5794-2022.33.005>

Цитирование: Милосердов Д. Ю. Орнаментика и техники декорирования холодного оружия афганистана XVIII – начала XX веков // Вестник МИЦАИ. Вып. 33. Самарканд, 2022. С. 79-92.

АФГАНИСТАН – полиэтничное государство, которое населяют более двадцати народностей. Крупнейшими из них являются пуштуны, таджики, хазарейцы, узбеки, чараймаки, туркмены, белуджи и нуристанцы (кафиры) (Bellew 1880: 13-14; Снесарев 2002: 93-94). Такое разнообразие народностей, племенных групп и кланов не могло не повлиять на развитие орнаментов разной стилистики, в том числе и на предметах вооружения. Отсутствию общего стиля в декоре оружия способствовало и то, что кузнецы жили почти в каждом селении (Elphinstone 1839 (Vol. II): 108). Кроме того, на орнаментiku оружия Афганистана несомненно оказало влияние соседство с Индией и Персией. Со времён Бабура сотни мастеров, пленённых в Индии, жили и трудились в Кабуле и других городах Афганистана, работая в качестве оружейников и ювелиров (Ackerman 1964: 1144). А в XIX в. кузнецы и оружейники из Афганистана даже обучались в Индии (Schinasi 2016: 82). Соседство с Персией также оказывало влияние на оружие жителей Афганистана и его декор. Эльфинстоун пишет, что у богатых афганских мужчин есть: «Сабля персидской формы... Рукоять похожа на нашу (английскую) (курсив мой – Д. М.), за исключением того, что у нее нет защиты пальцев, клинок уже и более изогнут, чем у нас. Индийская сталь считается наиболее цен-

ной в качестве сырья, но лучшие сабли сделаны в Персии и в Сирии» (Elphinstone 1839 (Vol. II): 353). Известно, что персидскими саблями были вооружены воины дуррани (Elphinstone 1839 (Vol. II): 273). Воспоминания английского исследователя и разведчика А. Бернса подтверждают, что персидские клинки из Хорасана ценились афганцами и были достаточно широко распространены в регионе (Burnes 1843: 54).

Таким образом, можно говорить, как минимум о трёх направлениях или стилях в орнаментике оружия Афганистана: индийском, персидском и собственно афганском. Каждое из них имеет свои хорошо узнаваемые черты. При этом, надо помнить, что, говоря о персидском и индийском направлениях в орнаментике, мы будем рассматривать образцы холодного оружия, принадлежавшие достаточно обеспеченным людям. В то же время нельзя забывать, что подавляющее большинство оружия, принадлежавшего малообеспеченным людям, часто вообще не было декорировано. Например, рукояти пулваров и тальваров могли быть практически полностью гладкими.

Индийское влияние. По мнению британского коллекционера Эгертона, автора опубликованного в конце XIX в. труда «Индийское и восточное оружие», геометрический и цветочный орнамент

Ил. 1. Рукоять хайберского ножа с металлическими деталями, декорированными цветочным орнаментом, с насечкой золотом в технике кофтгари. XIX в. Афганистан. Частная коллекция (Великобритания). Фото: Д. Тоор

в украшении оружия в его чистейшем стиле можно обнаружить в северо-западных областях Индии, Кашмире и Пенджабе, пограничных Афганистану. Он так же пишет, что часто встречаются изображения цветов (Egerton 1880: 46-47). Подобный индийский стиль в орнаментике оружия Афганистана чаще всего встречается на различных элементах хайберов (хайберских ножей) и на рукоятках тальваров.

Хотя тальвар или тулвар (от «tulwar»), справедливо считается холодным оружием Индии (Stone 1961: 601; Жиль 1860: 231), в Афганистане

Ил. 2. Рукоять хайберского ножа, нефритовые накладки которой декорированы драгоценными камнями в технике кундан. XIX в. Индия. Частная коллекция (Украина). Фото: О. Фельдман

он также бытовал, что отмечено в воспоминаниях многих британских офицеров (Rattray, Carrick 1848: 9; Sterndale 1879: 80; Hensman 1882: 398, 417; Grant 1884: 137). Рукояти афганских тальваров в редких случаях могли быть декорированы цветочным орнаментом, выполненным насечкой драгоценными металлами в технике кофтгари (ил. 1). Вначале на поверхности изделия наносились штрихи, напоминающие сетку, на том месте, где будет узор, который чертился иглой. Затем брали мягкую золотую или серебряную проволоку и ударами молотка вбивали в шероховатую

Ил. 3. Стилизованные резные изображения цветов на металлических деталях рукояти хайберского ножа. Поздний XIX в. Афганистан. Частная коллекция (Россия). Фото: П. Богомазов

Ил. 4. Высокохудожественные резные изображения цветов в могольском стиле на металлических деталях рукояти ножа пеш-кабз. XVIII в. Афганистан (Индия?). Частная коллекция (Россия). Фото: П. Богомазов

поверхность канавки узора, следуя за его контурами. Проволока сгибалась в разных направлениях, пока весь орнамент не заполнялся золотом. После этого изделие нагревали до необходимой температуры, а на заключительном этапе шлифовали агатовым порошком и очищали лимонным соком. Драгоценный металл плотно соединялся с поверхностью изделия (Egerton 1880: 46-47). Но слой образовывался очень тонкий и со временем в процессе бытования часто стирался, открывая «сетку» из штрихов.

Хайбер (хайберский нож) – оружие, которое

можно считать олицетворением Афганистана. Но функциональность его была, судя по всему, так высока, что после вторжения афганцев эти ножи прижились и в Северной Индии, где в музеях в значительном количестве можно встретить богато украшенные образцы этого оружия. Поэтому вполне логично, что в Афганистане были широко распространены хайберы, орнаментированные в индийской стилистике, которая выполнялась в индийских же ювелирных техниках. Например, известны хайберы, железные элементы рукоятей которых украшены золотом и серебром в выше-

Ил. 5. Картуши, выполненные на плоскости клинков в технике всечки золотом (слева) и в технике резьбы (справа). Частная коллекция (Россия). Фото: П. Богомазов

упомянутой технике «кофтгари» (Скряливецкий, Ефимов, Образцов 2013: 106-107). Значительно реже встречаются хайберы, рукояти которых выполнены в технике «кундан», заключающейся в особом методе крепления драгоценных и полудрагоценных камней на основу ювелирного изделия (Gray 1895: 81) (ил. 2). «Кундан» в переводе означает «сверхоочищенное золото». Максимально очищенное золото плющится на тончайшие полоски. При такой степени чистоты оно фактически образует молекулярную связь под давлением инструментов, с помощью которых фольга обжимается вокруг драгоценных камней. Затем камень в фольге запрессовывается в подготовленную выемку в любой твёрдой поверхности (Кин 2009: 18): камне, кости или металле. Металлические элементы рукоятей могли быть украшены в технике чеканки или резьбы. Клинки хайберов, декорированных в индийской стилистике золотом в технике кофтгари, так же не были редким явлением в Афганистане, во всяком случае, в Кабуле (Gray 1895: 81). Рукояти (Скряливецкий, Ефимов, Образцов 2013: 106-107), клинки (Волков 2018: 79) и ножны подобных известных нам хайберов украшены классическими для Индии растительными или цветочными орнаментами. Для большинства предметов, орнаментированных подобным образом и изготовленных в XIX в., характерна сухая стилизация (ил. 3), которую можно считать следствием определённой деградации реалистичного подхода к изображению цветов и растений, типичного для могольского искусства XVII-XVIII вв. (ил. 4). Хотя даже его не стоит воспринимать буквально, в европейском

Ил. 6. Изображения типичных для иранского искусства животных и «сцен терзания» на металлических деталях рукояти ножа пеш-кабз. XVIII-XIX вв. Иран. Частная коллекция (Россия). Фото: П. Богомазов

Ил. 7. Дужка гарды на рукояти хайберского ножа. XIX в. Афганистан. Частная коллекция (Россия). Фото: П. Богомазов

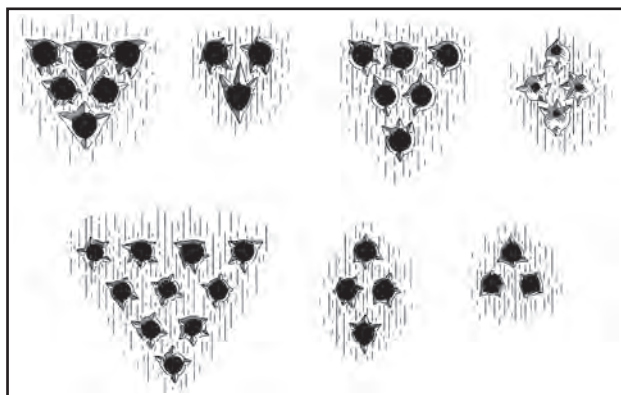

Ил. 8. Рукоять сабли пулвар с навершием, декорированным в технике сквозного перфорирования. XIX в. Афганистан. Частная коллекция (Россия). Фото: П. Богомазов

понимании. Цветы узнаваемы, но не более. Изображения подчиняются некому условному клише, общей формуле композиции (Дешпанде 2008: 256). В случае тальваров с богато декорированными рукоятями и некоторыми украшенными хайберами, которые орнаментированы в индийской стилистике и бытовали у афганцев, невозможно говорить о том были они изготовлены мастерами в самом Афганистане или привезены из Индии по аналогии с доспехами (Gray 1895: 82; Mahomed Khan 1900: 202).

Персидское влияние. В XVIII–XIX вв. не существовало каких-то жёстких границ между Афганистаном и Персией. В связи с этим, как персидское оружие было широко распространено в регионе, так и отдельные элементы орнаментики использовались афганскими мастерами для декорирования оружия. Например, в регионе бытовали шамширы – сабли, имеющие персидское происхождение. Больше всего ценились клинки, предположительно изготовленные в Персии такими оружейниками, как Асад Улла и Заман из Исфахана. Часто оружие с такими клинками лишено всяких украшений, кроме картуша (фи-

гурной рамки, в которую был заключён текст с информацией об изготовителе (ил. 5). Кроме того, голомени (плоскости) клинка могли быть декорированы строками из Корана или именем владельца. Но это не обязательно повышало ценность клинка. Например, шамшир, захваченный в Исфахане афганцами и посланный правителем Кабула генерал-губернатору Индии, не имел никаких украшений, кроме нескольких золотых деталей у рукояти и рельефного золотого тиснения

Ил. 9. Геометрические орнаменты из перфорированных отверстий, встречающиеся на деталях оружия Афганистана. Рис. А. Дементьева

на ножнах (Egerton 1880: 53).

Говоря о персидском направлении в орнаментике оружия рассматриваемого региона, прежде всего надо упомянуть резные по железу арабески – сложные восточные орнаменты, которые часто используются в исламском (в том числе и в персидском) искусстве (Riegl 1893: 259), в которых переплетаются геометрические и растительные мотивы, причём чаще с преобладанием последнего. Рассматривая арабески в персидском стиле, сразу обращаешь внимание на тонкие, свернутые по спирали или дугообразные линии, в которые «вплетены» различные элементы. Различают несколько основных типов, повторяющихся в определённых комбинациях (Riegl 1893: 261).

При этом легко определить работу, выполненную персидскими мастерами, которая отличается детализацией, изящностью линий и аккуратностью в резьбе, в отличие от афганской. Кроме того, на персидском оружии часто встречаются изображения животных (Owen 1868: 75) и людей, что является нетипичным для остального мусульманского мира и объясняется тем фактом, что персы принадлежат к шиитскому направлению ислама (Образцов 2010: 66). Но подобные изображения на оружии в Афганистане встречались крайне редко, в связи с тем, что подавляющее большинство населения региона – сунниты. А для приверженцев этого направления ислама существует запрет на изображение людей и животных. Незначительная часть населения страны, исповедующая шиизм – это персы (главным образом в Герате и Фарахе), горные таджики, хазарейцы, а также часть пуштунов, проживающих на востоке Афганистана. Вероятно, именно у них бытовало оружие, на котором можно найти типичные для Персии изображения животных и «сцены терзания» (ил. 6). Но такие изображения

в декоре клинкового оружия были скорее редкостью, хотя известны единичные экземпляры, имеющие происхождение из Афганистана. Большое количество предметов с грубо отгравированными на клинках изображениями животных, которые в последние годы массово «хлынули» из региона в Европу и США – являются современными изделиями для туристов, которые, судя по времени их появления на антикварных рынках, изготавливались специально для солдат Международных сил содействия безопасности, возглавляемых НАТО. Любопытным фактом является

Ил. 10. Отверстия на уплощённой поверхности концов крестовины и перекрестья сабли пулвар. XIX в. Афганистан. Частная коллекция (Россия). Фото: П. Богомазов.

Ил. 11. Рукояти сабель пулвар, декорированные городским мастером (слева) и мастером из деревни (справа). XIX в. Афганистан. Частная коллекция (Россия). Фото: П. Богомазов

то, что традиционные для XIX в. кривые персидские ханджары не встречались в Афганистане. Возможно, это было связано с тем, что костяные рукояти таких кинжалов часто декорированы резными фигурами людей, что неприемлемо для суннитов.

Персидским влиянием, по нашему мнению, объясняется и изящная форма дужки гарды, которая встречалась на многих образцах средне- и длинноклинового оружия афганцев в конце XIX в. (ил. 7). Эта дужка вызывает однозначные ассоциации с изображениями лебедей, типичных для персидского искусства и встречающихся, как на бытовых предметах (Allan 2005: 59), так и на типично персидском оружии (Khorasani 2006: 425, 665; Pinchot 2014: 16).

Афганское влияние. Говоря об афганском направлении в орнаментике оружия необходимо разграничивать объекты, произведённые в горо-

дах - культурных центрах, таких как Кабул, Герат и т.д., в которых работали десятки оружейников и ювелиров (Elphinstone 1839 (Vol. I): 336) от того, что производилось и украшалось деревенскими кузнецами. Оружие, которое изготавливалось в крупных производственных центрах, отличается изяществом в отделке и иногда смешением стилей. Орнаментика же работ кузнецов из народа обычно более архаична.

Пожалуй, типичным для Афганистана можно считать декорирование стальных элементов оружия в технике сквозного перфорирования. Наиболее часто подобный декор можно увидеть на навершиях пулваров (ил. 8). Кроме того, такое же перфорирование встречается на других элементах рукоятей этих сабель и хайберов, а также на крестовинах шамширов, обоймицах, наконечниках, а в некоторых случаях и устьях ножен. Сквозные, а в некоторых случаях и не сквозные

отверстия различной формы обычно образуют геометрический орнамент из треугольников и ромбов (ил. 9). Это могут быть как отдельные геометрические фигуры, так и скомбинированные в «пояски». В некоторых случаях отверстия могут «заполнять» уплощённую поверхность концов крестовины и перекрестья (ил. 10). Прорезные отверстия, складывающиеся в орнамент, выполнены на различных предметах с неодинаковой степенью аккуратности, что на наш взгляд среди прочих признаков позволяет отличить оружие, декорированное городскими мастерами от украшенного деревенскими (ил. 11).

Вероятнее всего такая техника берёт начало в Персии, где можно найти образцы оружия с прорезными клинками (Mohamed 2008: 178) и элементами рукоятей и доспехов (Khorasani 2006: 714, 716), украшенных накладными стальными пластинами с перфорацией. Однако необходимо отметить, что прорезной орнамент на персидских предметах не геометрический. Обычно это растительные мотивы или каллиграфические надписи (Chodyński 2000: 378; Khorasani 2006: 714, 716; Hales 2013: 66; Pinchot 2014: 152). Но, вероятно, в Афганистане эта техника трансформировалась в менее сложную для исполнения и стала широко распространённой. Поэтому такое направление в орнаментике, с использованием перфорирования элементов оружия отверстиями различной формы,

Ил. 12. Хайберский нож, металлические детали рукояти которого декорированы красной мастикой. Начало XX в. Афганистан. Частная коллекция (Россия). Фото: П. Богомазов

Ил. 13. Орнаментальный мотив в виде S-образных знаков, выстроенных в две параллельные цепочки, выполненный в технике гравировки на клинке армейского хайберского ножа. Конец XIX в. Афганистан. Частная коллекция (Россия). Фото: П. Богомазов

мы считаем афганским. Безусловно, существует некоторое количество шамширов, которые принято считать персидскими (Mohamed 2008: 85), крестовины которых и обоймицы ножен украшены в такой стилистике. Изучив самый масштабный на сегодняшний день труд, посвящённый

Ил. 14. Орнаментальный мотив в виде S-образных знаков, слившихся и образующих так называемую «бегущую волну», выполненный в технике гравировки на клинке хайберского ножа.

**Конец XIX в. Афганистан.
Частная коллекция (Россия).
Фото: П. Богомазов**

Ил. 15. Циркулярный орнамент (геометрический орнамент из небольших кружков с точкой в центре) на рукояти ножа чура. XIX в. Афганистан. Частная коллекция (Россия). Фото: П. Богомазов

персидскому оружию, нам не удалось обнаружить в нём крестовины или обоймицы ножен, декорированные перфорацией характерного для Афганистана типа (*Khorasani* 2006: 424-557). Это не говорит о том, что в Персии не было оружия, орнаментированного в такой стилистике. Но либо элементы этих сабель, украшенные в подобной технике, изготовлены в Афганистане, либо здесь может идти речь о выполнении заказа для афганцев. Также в случае с подобной, безусловно упрощённой, техникой и орнаментикой возможно предположить, что мы наблюдаем факт принятия персами афганской стилистики.

Абсолютно автохтонным для Афганистана является декорирование элементов традиционного клинкового оружия красной мастикой (ил. 12). Собственно говоря, эта техника является упрощённым вариантом рассмотренной ранее. Отверстия на деталях оружия в этом случае не делаются сквозными. Они представляют незначительные углубления различной формы, повторяющей форму перфорированных отверстий на более ранних предметах, в которые ввёрта красная или чёрная мастика. Углубления, заполненные мастикой, сгруппированы в достаточно примитивные геометрические орнаменты из уже известных нам ромбов, треугольников и поясков. Насколько известно, в технике «цветной мастики» декорировали почти исключительно хайберы. Причём детали оружия, украшенного таким образом, обычно выполнены из латуни. Исходя из этого, можно предположить, что такая техника получила широкое распространение на рубеже XIX-XX веков.

Отдельного внимания заслуживает упоминание об орнаментике клинков. Часть из них декорирована картушами с различными надписями, на некоторых встречается изображение магического квадрата, называемого «бедух», которые встречаются как на индийском, так и на персидском оружии, а также знаками, имитирующими клеймо «гурда» (*Винклер* 1894: 292). Это не удиви-

Ил. 16. Циркулярный орнамент с вёртой красной краской на костяных накладках рукояти лохара (складного боевого серпа). XIX в. Афганистан. Частная коллекция (Россия). Фото: П. Богомазов

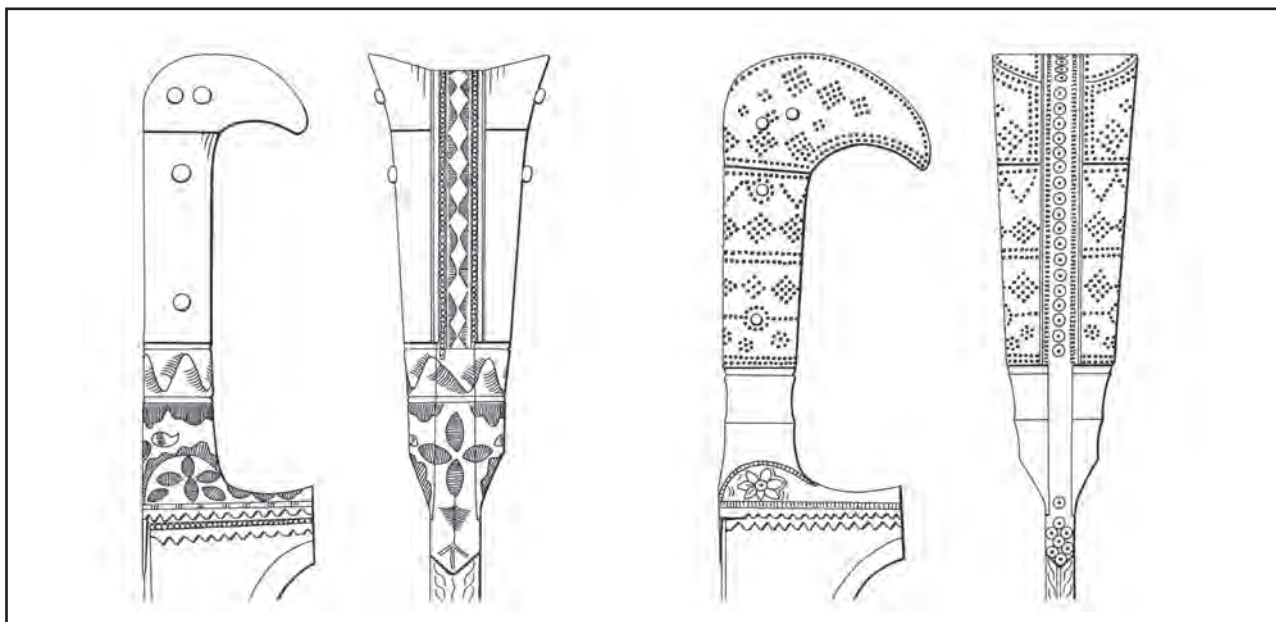
тельно, так как часть клинков, использовавшихся афганцами, была персидскими или индийскими, а на части имитировались соответствующие картуши. Но не будем акцентировать на них внимание, а попробуем рассмотреть некоторые примитивные орнаментальные мотивы, которые наносились на клинки афганцев и, судя по всему, были типичными именно для них.

Достаточно часто на голоментах клинков хайберов, шашек и пулваров можно встретить небольшие символы, напоминающие трёхпалый птичий след (птичью лапу). Они могут быть выполнены в технике всечки (жёлтым металом) или гравировкой. Подобные «птичьи следы» элемент орнамента хорошо известен в Центральной Азии (Фахретдинова 1972: 115; Маргулан 1986: 147; Асанканов 2002: 201). Зная о том, что птичьи когти для жителей региона ещё с домусульманских времён служили защитными амулетами (Борозна 1975: 282-284), можно предположить, что их схематические изображения на клинках служили той же цели. То есть выполняли «дополнительную» сакральную защиту владельца оружия, на клинок которого были нанесены подобные символы.

Второй орнаментальный мотив, встречающийся на клинках, это S-образные знаки, выстроенный в две параллельные цепочки (ил. 13). В некоторых случаях эти S-образные знаки могут сливаться (ил. 14), образуя так называемую «бегающую волну». Этот орнамент известен на всех континентах, но именно в Передней и Централь-

ной Азии он наиболее широко распространён и, по мнению отдельных исследователей, является символом змеи (Голан 1993: 72). Культ змеи с древнейших времен тотемизма известен в Центральной Азии (Сазонова 1970: 134; Баялиева 1972: 28). Ещё в XIX в. в Средней Азии делали амулеты из змеиной кожи (Фахретдинова 1988: 60). Точки, сопровождающие рисунок между двумя линиями S-образных знаков и снаружи, по мнению тех же исследователей, обозначают пятна на змеиной шкуре (Голан 1993: 72, 82). При этом нельзя не упомянуть, что образ пятнистой змеи имел глубокое значение в символике Средней Азии (Камалова 1995: 16). Змеи и их изображения считались у среднеазиатских народов оберегами от смерти, носителями жизненной силы (Хамиджанова 1960: 219; Антонова 1984: 161). Вероятно, что волнообразные линии (прерывистые или сплошные), нанесённые на клинок и с высокой долей вероятности изображающие змей – это оберег владельца клинка. При этом нельзя исключать того, что исходный смысл и изображения «птичей лапы», и изображения «змей», возникший ещё в доисламское время, к концу XIX века был утерян и эти знаки размещались на клинках, как обычный орнаментальный мотив, утративший своё исходное значение.

Отдельно нужно рассмотреть геометрический орнамент из небольших кружков с точкой в центре (ил. 15), расположенный как на клинках, так и на элементах рукоятей холодного оружия Афганистана. Чаще всего такой вид орнамента

Ил. 17. Варианты смешения геометрического, циркульного и цветочного орнаментов на рукоятях ножей чура из Афганистана. Рис. А. Дементьевой

встречается на поздних предметах, изготовленных на рубеже XIX-XX вв. и в более позднее время: чурах, лохарах, хайберах и топорах. Исследователи циркульного орнамента справедливо считают, что он имел широчайшее временное и территориальное распространение (Грач 1980: 65). Он известен ещё с неолита (Окладников 1950: 390) и встречается практически на всех материках. В иероглифике древнего Египта кружок с центральной точкой выражал понятие «солнце» и был в числе иероглифов, обозначавших конкретные предметы (Авдиев 1960: 7; Добльхофер 1963: 98). В древнекитайской иероглифике известен всё тот же древний символ, тоже обозначавший солнце. Кружок с центральной точкой можно видеть и среди пиктограмм на ритуальных бронзовых сосудах II тысячелетия до н.э. (Истрин 1961: 105, 110). Этот же солярный знак представлен и среди поздней китайской орнаментики. Циркулярный орнамент известен у индейцев Южной и Северной Америки, у многих народов Европы (Иванов 1963: 468-469) и племён Африки (Hoffman 1897: 815; Buschan 1922: 501; Sydov 1923: 137 (Taff).

Не является исключением и Центральная Азия, среди кочевников которой были распространены солнечный культ (Грач 1980: 62). До сих пор его отголоски в виде циркульного орнамента на бытовых предметах и музыкальных инструментах сохранились у таджиков, узбеков, персов и индусов. В резные линии кружков бывает вёрта красная или чёрная краска (Иванов 1963: 469), так же как это делалось в регионе тысячелетия

назад (Вайнберг 1967: 140). Абсолютно тот же самый приём мы наблюдаем на костяных элементах некоторых образцов холодного оружия Афганистана (ил. 16). В чём же был смысл их размещения на оружии? Возможно, это связано с тем, что солярному узору, известному в Центральной Азии со времён ранних кочевников, в конце XIX – середине XX в. приписывали силу оберега (Басилов 1992: 61). В то же время широчайшее распространение циркульных узоров на предметах из кости, рога и металла, не позволяет выяснить источник заимствования этого орнамента, так как сами узоры и техника их исполнения везде одинаковы (Иванов 1963: 473). Солярный символ в виде кружка с точкой в центре существует в орнаментах многих народов мира, обозначая солнце, свет, горение, тепло, огонь, возникновение огня. В одних случаях знак сохраняет эту многообразную смысловую символику, в других – утрачивает свое значение и превращается в орнаментальный мотив, лишённый смысла (Грач 1980: 66). С каким случаем сталкиваемся мы? Получить ответ на этот вопрос весьма затруднительно. Тем не менее, можно предположить, что циркульный орнамент, как и два предыдущих (птичья лапа и змея), должен был «защищать» владельца оружия. Хотя, скорее всего, учитывая господство ислама в регионе в это время, у мастеров, наносивших на оружие этот орнамент, срабатывала «историческая память». Глубинный же смысл циркульного орнамента, как образа солнца, был утерян.

Нельзя не упомянуть особенности орнамен-

тации *чур*. Эти ножи, широко распространившиеся в начале XX в., декорированы в самых разных стилях. Вероятнее всего особенности декора связаны с местом производства тех или иных ножей. На *чухах* можно увидеть все возможные варианты смешения геометрического, циркульного и цветочного орнаментов (ил. 17). Хотя иногда встречаются ножи, украшенные только в одной стилистике, например, декорированные исключительно циркульным или геометрическим орнаментом. Сами орнаменты выполняются на металлических элементах рукояти в технике гравировки и чеканки, а роговые накладки рукоятей могут быть украшены гравировкой или небольшими гвоздиками из белого металла. Четырёх-, шести- и восьмилепестковые цветки на *чухах*, изображены максимально схематично, в связи с чем соотносить их с реально существующими растениями не представляется возможным. Но, возможно, их появление в орнаментике связано с влиянием соседней Индии.

В заключение важно отметить, что для холодного оружия Афганистана характерно определённое смешение орнаментальных мотивов и техник декорирования оружия. Известны предметы типичные для Афганистана, например хайберы, которые судя по использованию материала рукояти, технике декориро-

Ил. 18 а. Хайберский нож, изготовленный в начале XIX в. в Индии, с ножнами, основа и устье которых изготовлены в персидском стиле, а наконечник в стиле, типичном для Афганистана. Частная коллекция (Россия).

Фото: П. Богомазов

Ил. 18 б. Хайберский нож (начало XIX в.) с ножнами, украшенными тиснением в персидской стилистике и технике, с металлическим наконечником, увенчанным «башмаком», типичным именно для Афганистана. Частная коллекция (Россия). Фото: П. Богомазов

вания и орнаменту, изготовлены в Индии или индийскими мастерами. При этом ножны к ним выполнены в персидско-афганской стилистике (ил. 18 а). На других, при абсолютно «афганском»

исполнении самого хайбера, ножны украшены тиснением в персидской стилистике и технике, но их металлический наконечник венчает «башмак», типичный именно для Афганистана (ил. 18 б).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Авдиев 1960 – Авдиев В. И. Возникновение древнеегипетской письменности. М.: Изд-во вост. лит., 1960.
- Антонова 1984 – Антонова Е. В. Очерки культуры древних земледельцев Передней и Средней Азии. М.: Наука, 1984.
- Асанканов 2002 – Асанканов А. А., Осмонов О. Дж. История Кыргызстана: с древнейших времен до наших дней. Бишкек: Мезгил, 2002.
- Басилов 1992 – Басилов В. Н. Шаманство у народов Средней Азии и Казахстана. М.: Наука, 1992.
- Баялиева 1972 – Баялиева Т. Д. Доисламские верования и их пережитки у киргизов. Фрунзе: Илим, 1972.
- Борозна 1975 – Борозна Н. Г. Некоторые материалы об амулетах — украшениях населения Средней Азии // Снесарев Г. П., Басилов В. Н. (ред.) Домусульманские верования и обряды в Средней Азии. М.: Наука, 1975.
- Вайнберг 1967 – Вайнберг Б. И. Кой-Крылган-кала — памятник культуры древнего Хорезма IV в. до н. э. — IV в. н. э. // Труды ХАЭЭ. Т. V. М.: Наука, 1967.
- Винклер 1894 – Винклер П. П. Оружие. Руководство к истории, описанию и изображению ручного оружия с древнейших времен до начала XIX века. СПб.: Тип. И. А. Ефрона, 1894.
- Волков, Козленко 2018 – Волков В., Козленко А. Хайбер // Холодное оружие мира. М.: Бомбора, 2018.
- Голан 1993 – Голан А. Миф и символ. М.: Русслит, 1993.
- Грач 1980 – Грач А. Д. Древние кочевники в центре Азии. М.: Наука, 1980.
- Дешпанде 2008 – Дешпанде О. Е. Прикладное искусство Могольской Индии // От Китая до Европы. Искусство исламского мира. СПб.: Чистый лист, 2008.
- Добльхофер 1963 – Добльхофер Э. Знаки и чудеса. М.: Изд-во вост. лит., 1963.
- Жиль 1860 – Жиль Ф. А. Царскосельский музей с собранием оружия, принадлежащего государю императору. СПб., 1860.
- Иванов 1963 – Иванов С. В. Орнамент народов Сибири как исторический источник (по материалам XIX — начала XX в.), М.- Л.: Изд-во АН СССР, 1963.
- Истрин 1961 – Истрин В. А. Развитие письма. М.: Изд-во АН СССР, 1961.
- Камалова 1995 – Камалова Д. М. Узбекская художественная культура. Ташкент: Изд-во им. Ибн Сины, 1995.
- Кин 2009 – Кин М. Сокровищница мира: ювелирное искусство Индии в эпоху Великих Моголов // Коллекция аль-Сабах, Дар аль-Асар аль-Исламия, Нац. музей Кувейта, Thames & Hudson, 2009.
- Маргулан 1986 – Маргулан А. Х. Казахское народное прикладное искусство, Т. 1. Алма-Ата: Онер, 1986.
- Образцов 2010 – Образцов В. Н. Оружие стран Востока XV – начала XX века // Каталог выставки «Художественное оружие из собрания Государственного Эрмитажа». СПб.: Славия, 2010.
- Окладников 1950 – Окладников А. П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья (историко-археологические исследования). Ч. I-II (МИА, №18). М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1950.
- Сазонова 1970 – Сазонова М. В. Украшения узбеков Хорезма // Традиционная культура народов Передней и Средней Азии (Сборник МАЭ; т. 26). Л.: Наука, 1970.
- Скравливецкий, Ефимов, Образцов 2013 – Скравливецкий Е. Б., Ефимов Ю. Г., Образцов В. Н. Восточное оружие в частных коллекциях. СПб.: Русская коллекция, 2013.
- Снесарев 2002 – Снесарев А. Е. Афганистан. М.: Русская панорама, 2002.
- Фахретдинова 1972 – Фахретдинова Д. А. Декоративно-прикладное искусство Узбекистана, Ташкент: Изд-во лит. и искусства им. Г. Гуляма, 1972.
- Фахретдинова 1988 – Фахретдинова Д. А. Ювелирное искусство Узбекистана. Ташкент: Изд-во лит. и искусства, 1988.
- Хамиджанова 1960 – Хамиджанова М. Некоторые представления таджиков, связанные со змеей // Памяти Михаила Степановича Андреева. Сборник статей по истории и филологии народов Средней Азии. Сталинабад: Изд-во АН Тадж. ССР, 1960.
- Ackerman 1964 – Ackerman P. A Survey of Persian Art from Prehistoric Times to the Present. Chicago: Oxford university press, 1964.
- Allan 2005 – Allan J.W. Persian Steel: The Tanavoli Collection. Tehran Oxford university press, 2005.
- Bellew 1880 – Bellew H. The races of Afghanistan: being a brief account of the principal nations inhabiting that country, Calcutta: Thacker, Spink and Co, 1880.
- Burnes 1843 – Burnes A. Cabool: a personal narrative of a journey to, and residence in that city in the years 1836, 7, and 8. Philadelphia: Carey and Hart, 1843.
- Buschan 1922 – Buschan G. H. T. Illustrierte Volkenkunde, Bd. I, Stuttgart : Verlegt von Streeker & Schroder, 1922.
- Chodyński 2000 – Chodyński A. R. (ed.) Persian Arms and Armour / Oręż Perski. Malbork: Muzeum Zamkowe w Malborku, 2000.
- Egerton 1880 – Egerton E.W. An Illustrated Handbook of Indian Arms. London: W. H. Allen, 1880.
- Elphinstone 1839 (Vol. I) – Elphinstone M. An account of the Kingdom of Caubul, and its dependencies, in Persia, Tartary, and India ; a view of the Afghaun nation, and a history of the Dooraunee monarchy. Vol.

- I. London: Richard Bentley, 1839.
- Elphinstone* 1839 (Vol. II) – *Elphinstone M.H.* An account of the kingdom of Caubul, and its dependencies in Persia, Tartary, and India: comprising a view of the Afghaun nation, and a history of the Dooraunee monarchy. Vol. II. London: Richard Bentley, 1839.
- Grant* 1884 – *Grant J.* Recent British battles on land and sea. London: Cassell and Company, 1884.
- Gray* 1895 – *Gray J.A.* At the Court of the Amīr. London: Richard Bentley and son, 1895.
- Hales* 2013 – *Hales R.* Islamic and Oriental Arms and Armour: A Lifetime's Passion, England: Robert Hales C.I. Ltd, 2013.
- Hensman* 1882 – *Hensman H.* The Afghan War of 1879-80. London: W.H. Allen and Co, 1882.
- Hoffman* 1897 – *Hoffman J.W.* The graphic art of the Eskimos. Washington: Government printing office, 1897.
- Khorasani* 2006 – *Khorasani M.M.* Arms and Armor from Iran: The Bronze Age to the End of the Qajar Period. Germany: Legat, 2006.
- Mohamed* 2008 – *Bashir Mohamed.* The Arts of the Muslim Knight: The Furusiyya Art Foundation Collection. Italy: Skira, 2008.
- Mahomed Khan* 1900 – *Mir Munshi Sultan Mahomed Khan.* The life of Abdur Rahman, Amir of Afghanistan, Vol. 1. London, 1900.
- Owen* 1868 – *Owen J.* The grammar of ornament. London: Published by Day and Son, 1868.
- Pinchot* 2014 – *Pinchot O.S.* Arms of the Paladins. The Richard R. Wagner Jr. Collection of Fine Eastern Weapons. Woonsocket: Mowbray Publishing, Inc., 2014.
- Rattray, Carrick* 1848 – *Rattray J., Carrick R.* Scenery, Inhabitants & Costumes, of Afghaunistaun from drawings made on the spot by James Rattray, Atmaran Hindoo of Peshawar, plate 9. London: Hering and Remington, 1848.
- Riegl* 1893 – *Riegl A.* Stilfragen: Grundlegungen zu einer Geschichte der Ornamentik. Berlin: Verlag von Georg Siemens, 1893.
- Schinasi* 2016 – *Schinasi M.* Kabul: A History 1773-1948. Leiden/Boston: Brill, 2016.
- Sterndale* 1879 – *Sterndale R. A.* The Afghan knife. Vol. II. London: Sampson, Low, Marston, Searle & Rivington, 1879.
- Stone* 1961 – *Stone G. C.* A Glossary of the Construction, Decoration and Use of Arms and Armor in All Countries and in All Times/ New York: Jack Brussel Publishers, 1961.
- Sydov* 1923 – *Sydov E. V.* Die Kunst der Naturvolker und Vorzeit. Berlin: Propyläen-Verlag, 1923.

ТИПОЛОГИЯ ЕВРАЗИЙСКОГО ГОРОДА

В статье рассматривается новая модель градостроительного развития постсоветских городов, возникшая в результате исторического развития поселений на просторах Российской империи, а затем Советского Союза. Речь идет о появлении в этой уникальной среде нового типа города, для определения которого постепенно выкристаллизовалось понятие «евразийский город», характеризующийся диким капитализмом, развивающимся на базе социалистических структур. Обсуждается вопрос о том, существует ли собственный евразийский формат города, имеет ли место преемственность или отсутствие таковой в евразийском пространстве в отличие от других регионов. Евразийские города рассмотрены в разрезе следующих вопросов: какие архитектурные стили и методы строительства преобладают; какие функции выдвигаются на первый план; каким образом формируется внутренняя структура; каким образом на формирование города повлияла политика. Исходя из этого, автор выдвигает предположения о том, какие элементы характеризуют современный и, прежде всего, будущий евразийский город, каковы параметры для будущих проектов городского планирования и строительства.

Ключевые слова: Россия, СССР, Средняя Азия градостроительство, архитектура, геополитика, Москва, Санкт-Петербург, Казань, Нур-Султан, социалистические города, дикий капитализм

DOI: <https://doi.org/10.34920/1694-5794-2022.33.006>

Цитирование: Мойзер Ф. Типология евразийского города // Вестник МИЦАИ. Вып. 33. Самарканд, 2022. С. 93-119.

КРУПНЫЕ ГОРОДА на территории всего бывшего СССР, и особенно в России, активно растут и трансформируются. Можно сказать, что они находятся в поисках «своего я» – в поисках отличительных признаков, присущих современному постсоветскому городу. В современном мире довольно рискованно размышлять о новой типологии города, не отдалившись от сегодняшнего дня на приличное расстояние. Такая попытка может породить неверные прогнозы и стать поводом для иронии следующих поколений. Однако важно проанализировать сложившуюся типологию евразийского города, основываясь на истории архитектуры, чтобы выявить те особенности, которые играют ключевую роль на сегодняшний день.

При этом проблемы возникают уже при определении предмета исследования. Задача состоит в том, чтобы придумать термин для нового городского прототипа, который будет не только дистанцирован от ушедшего в прошлое СССР, т.е. от самого понятия «постсоветский», но и выйдет за пределы современной России. Отсюда и возникла идея обратиться к понятию «евразийский».

Тот факт, что Евразия представляет собой нечто большее, чем просто географическое сое-

динение двух частей света на одном континенте, был отмечен еще в сборнике 1921 года «Исход к Востоку», авторами которого выступили Георгий Фроловский, Петр Савицкий, Петр Сувчинский и, прежде всего, Николай Трубецкой (Geier 1996: 140). Ядром сформулированной ими евразийской теории стало провозглашение особого пути России, независимого от Западной Европы и Азии. По сути, речь шла о разделении на три части континента, прежде состоявшего из двух частей, и о России как отдельной части света (Kaiser 2003: 80-81). Такое выделение России было обусловлено, в частности, особенностями ее географического положения. После распада СССР Александр Дугин вновь обратился к концепции Евразии, но в отличие от своих предшественников, он понимал Евразию не как часть света наряду с Европой и Азией, а как особое образование с Россией в центре, охватывающее и Европу, и Азию, и претендующее на континентальное господство от Гибралтара до Берингова пролива.

В настоящем исследовании данный термин используется в совершенно противоположном политическому ключе, далеко от сомнительной идеологии евразийства и ни в коем случае не созвучном теориям Дугина. Я использую термин

Ил. 1. Лоскутное одеяло плотности: горизонт Москвы резко изменился из-за карнавала различных архитектурных стилей. Источник: iStock (Mordolff)

«евразийский» как историческую характеристику определенной территории, на которой в течение XX в. развивались новые города. Он указывает на вхождение этой территории в состав российской, а потом – советской империи, на участие населения в двух разрушительных мировых войнах, на пережитые периоды индустриализации и социалистического развития, на разнообразные политические и экономические процессы постсоветского времени.

С самого начала неоспоримым является то, что в глобализованном мире не может быть некоего уникального евразийского пути развития. Повсюду существуют и панельная застройка, и смелые проекты по созданию новых городов, города-спутники и т.д. И на Востоке, и на Западе есть монофункциональные города, действуют государственные нормативы, касающиеся градостроительного планирования. Таким образом, уникальной может быть только архитектурная история, совокупность градостроительных и архитектурных решений в сочетании с конкретными политическими, культурными и экономическими условиями и ограничениями.

Говоря о типологии евразийского города, мы должны уделить особое внимание России. Примечательно, что архитектура и градостроительство играли важную роль в ответственные моменты российской истории, при этом факторы влияния существенно отличались от тех, которые являлись стимулом для трансформации крупных западноевропейских городов. Так, например, если развитие городов в Германии или Франции происходило под влиянием общественных и частных интересов, а также экономических факторов, то развитие городов в России на протяжении веков было продиктовано политическими и военными соображениями.

Российские города строились по стратегическим соображениям значительно чаще, нежели становились обдуманым результатом гражданских или экономических процессов. Данная тенденция прослеживается на протяжении веков, в том числе и в советское время. Распад СССР привел к перелому в этой традиции, к возникновению новой модели градостроительного развития, структуру и особенности которой недостаточно обозначить только словом «постсоветская». Ско-

рее, речь идет о появлении в этой уникальной среде нового типа города, для определения которого постепенно выкристаллизовалось понятие «евразийский город», характеризующийся диким капитализмом, развивающимся на базе социалистических структур. Встает вопрос о том, существует ли собственный евразийский формат города, имеет ли место преемственность или отсутствие таковой в евразийском пространстве в отличие от других регионов. Таким образом, евразийские города должны быть рассмотрены в разрезе следующих вопросов:

1. Какие архитектурные стили и методы строительства преобладают;
2. Какие функции выдвигаются на первый план;
3. Каким образом формируется внутренняя структура;
4. Каким образом на формирование города повлияла политика.

Исходя из этого, появляется возможность выдвинуть предположения о том, какие элементы характеризуют современный и, прежде всего, будущий евразийский город, и получить параметры для будущих проектов городского планирования и строительства.

От Москвы на Восток – многоконфессиональное и многонациональное государство

Центральное место в формировании евразийского самоопределения, несомненно, занимает Москва, которая – с кратковременным перерывом на Санкт-Петербург – была центром власти, образцом для подражания, оказывавшим влияние на остальные регионы Евразии (ил. 1). Архитектура Москвы, как и всей центральной части страны, первоначально находилась под влиянием Византии. Это, прежде всего, византийские каменные церкви, построенные между XI и XVI веками, с их куполами, вознесшимися над греческим крестом в плане, например Успенский собор в Московском Кремле, построенный в 1475-1479 гг. как главный храм Московского государства. Собор был спроектирован по образцу Успенского собора во Владимире приехавшим в 1474 г. в Москву из Болоньи архитектором Аристотелем Фьораванти. основополагающим мифом Российской империи как многоконфессионального и многонационального государства является легендарная кампания Ивана IV Грозного против Казанского ханства в 1552 г.

Москва всегда считала себя преемницей Рима. Римская империя также расширилась за счет военных кампаний, при этом в походных условиях каждый вечер разбивался новый лагерь,

который затем превращался в крепость (*Southern* 2014: 320). Впоследствии на месте древнеримских укрепленных лагерей выросли многие европейские города. Когда Иван IV отправился в поход на территорию противника, ему также понадобился укрепленный лагерь. Он приказал возвести в двухстах километрах от Москвы, в Угличе, разборно-сборный деревянный бастион, который затем перевезли на плотах через Волгу на расстояние примерно 1500 километров к Казани, где менее чем через месяц бастион вновь был собран руками 75000 человек. Таким образом, у Ивана IV на территории ханства – на холме в устье реки Свияж – оказалась собственная крепость. Не в последнюю очередь благодаря этому архитектурному сооружению из сборных элементов – так сказать, «сборному городу», Иван Грозный смог взять Казань. Так мусульманское татарское ханство стало частью многоконфессионального русского государства.

Казань, расположенная на перекрестке торговых путей, в ходе военных действий была практически полностью разрушена, но быстро восстановлена по очевидным политическим причинам: город стал форпостом России на Востоке. На месте резиденции казанского хана был возведен Казанский Кремль. Таким образом, можно констатировать слияние азиатских и европейских культур, и в этом отношении интересна судьба деревянной крепости, строительство которой сделало возможным взятие Казани. После присоединения Казанского ханства военная крепость стала христианским монастырским комплексом, который «экспортировал» православную веру на восток, делая кампанию священной войной за христианскую веру. В 2017 г. Успенский собор и Успенский монастырь в Свияжске были включены в Список всемирного наследия ЮНЕСКО. В обосновании для внесения в Список говорится: «Особое значение монастыря также отражено в необычных фресках в соборе, религиозные сюжеты которых понятны как православным, так и мусульманам, и одновременно с этим отображают политические и религиозные притязания Ивана IV. Среди росписей, покрывающих почти все стены собора, цикл Успения Девы Марии занимает особое положение. Настенные картины иллюстрируют обменные отношения между христианско-православной и мусульманской культурой, выбор образов и темы свидетельствует о влиянии западной христианской иконографии».¹

Это слияние западных христианских и восточных мусульманских элементов, объединение

¹ URL: <http://whc.unesco.org/en/list/1525> – дата обращения: 23.03.2022.

Ил. 2. Государственное строительство через городское развитие: с завоеванием Казани в 1552 году Иван IV расширил сферу влияния России, включив в нее все Поволжье. Он укрепил силу ортодоксии посредством священных зданий. Источник: iStock

кочевнического и оседлого образа жизни и сегодня находят свое отражение в культуре. Иначе как еще можно объяснить строительство мечети Кул-Шариф, которая с 2005 г. является визуальным центром Казанского Кремля? До сих пор его силуэт определялся остроконечными башнями Благовещенского собора, построенного в 1562 году, и церквями Спасо-Преображенского монастыря и Собора Св. Петра и Павла. Теперь же над ними возвышаются почти шестидесятиметровые минареты. Так Кремль перестал быть христианской доминантой и приобрел многоконфессиональный характер — шаг, который был исторически понятен и ожидаем (ил. 2). В конце концов, Казань оставалась мусульманским центром и в коммунистические времена, местом пребывания муфтия мусульман-суннитов европейской части Советского Союза. Строительство мечети окончательно закрепило такое значение города. Новая мечеть — это символическое слияние Запада и Востока с архитектурной точки зрения: шлем из куполов в центре, абсолютно нетипичный для такого религиозного сооружения готический кре-

стовый свод. Ланцетовидные окна с цветочными орнаментами, характерные для раннего готического стиля, дополняют столь же странный, сколь и возвышенный архитектурный облик мечети и сочетаются с восточной символикой. Помимо обязательного полумесяца на минаретах и куполе, восточный орнамент безошибочно угадывается и у основания мечети. На фризах стрельчатых порталов вырезаны аяты — стихи из Корана. На примере Казани можно говорить о евразийском городе, как о многоконфессиональном городе с равноправными европейскими и азиатскими религиозными символами.

В Москве на Красной площади в память о своем триумфе над татарами с 1555 по 1560 г. Иван Грозный возводит собор Василия Блаженного: «Каждому святому, в день имени которого была выиграна битва в походе против татар, построить часовню». Результатом этого архитектурного требования стал собор, который в отличие от традиционного храма представляет собой девять соединенных между собой часовен, с разными планами и увенчанных различными куполами.

Ил. 3. Формирование государства через градостроительство: основанием Санкт-Петербурга в 1703 году Петр I заложил основу Российской империи. По сей день в мегаполисе находится важнейший торговый порт крупнейшего в мире территориального государства. Источник: iStock (kkrz)

Однако у собора был, видимо, прообраз. Полагают, что это сооружение восходит по своему типу к русским деревянным церквям, которые, к сожалению, не сохранились. Тип сооружения с большим восьмигранным шатром в центре возвращает нас к архитектуре церкви Вознесения Христа в Коломенском, построенной в 1532 г., с ее кирпичным шатровым перекрытием, которое считается источником русского «особого пути» в архитектуре.

В XIV-XVI вв. постепенно формируются принципы, которые будут определять структуру городов в будущем – рациональных поселений, созданных по заказу верховной власти в лице царя, с историческими прототипами и четко определенными функциями.

Окно на Запад — геополитика с помощью градостроительства

Если шагать по русской истории семимильными шагами, то следующая великая колонизация, исходящая из Москвы, как политического центра

государства, была обращена в сторону Запада и относится ко времени, когда царь Петр I повелел построить Санкт-Петербург. В этом случае мы также можем констатировать создание города с четко определенной функцией, реализацию концентрированной политической воли, символическое использование зарубежных строительных технологий и архитектурных стилей (ил. 3).

«Эта вторая столица России – не дополнение Москвы, а ее полная противоположность. Если Москва возникла произвольно, из случая и скопления людей, то этот город императора был создан целенаправленно, по плану, волевым усилием; тот вырос по собственной инициативе, сам по себе, этот был предписан внезапной деспотической волей, тот смотрит на Азию, в дальние просторы Татарии и Китая, этот – на Европу», – пишет Стефан Цвейг в своем очерке *«Поездка в Россию»* (Цвейг 1997: 396). Для города, который Александр Пушкин в стихотворении «Медный всадник» окрестил как «Петра творенье», построенного в строгом соответствии с планами, как и для всех городов, родившихся на чертеж-

ной доске, характерна строгая симметрия, которая позже будет определять прямоугольную градостроительную сетку новых городов.

Но что же определило желание Петра построить город? Если бы он просто хотел построить себе новую резиденцию, то он бы выбрал более комфортную для проживания территорию, чем болотистые земли в устье Невы, которыми постоянно угрожают наводнения. Строительство города было продиктовано политическими и военными мотивами, необходимостью закрепить позиции России на Западе. Иначе говоря, геополитикой.

Петр говорил о часто цитируемом «окне в Европу», что означало прежде всего свободный доступ к Балтийскому морю, так как Россия, которая до сих пор фактически не имела выхода к морю, была сильно ограничена в европейской торговле, а кроме того, вела войну против Швеции. Таким образом, в кратчайшие сроки и возник словно отлитый из монолита город, четко отвечающий поставленным целям. Для его строительства было рекрутировано свыше 30000 крепостных — позже аналогичный подход использовал Сталин. Не случайно, что местом основания города является Петропавловская крепость на Заячьем острове — архитектурное подтверждение военных основ строительства. Соответственно датой основания города принято считать дату заложения крепости — 27 мая 1703 года (по григорианскому календарю). В ядро города также входит Петропавловский собор, построенный в голландском стиле раннего барокко, так что военное сооружение по символическим причинам дополняется религиозным. Война против исповедующих лютеранство шведов, ради которой и была построена крепость, превращается в религиозную войну.

Политическая демонстрация власти находит среди прочего архитектурное выражение: ни одно здание в городе не может быть выше, чем Царский дворец. При строительстве зданий в Санкт-Петербурге, в отличие от Свияжска, не использовались заранее заготовленные элементы, но применялся европейский опыт. Таким образом, «прорубание окна на Запад» и модернизация России были реализованы на уровне архитектуры.

«Здесь нет ничего из того архитектурного хаоса Москвы, когда кажется, что всевозможные архитектурные стили и облики собрались на бал-маскарад» — отмечает Стефан Цвейг в 1928 г., — «нет, здесь сразу чувствуется, что город возник по автократическому велению одного человека и был реализован в точности, как задуман им, властителем и прародителем — Петром Великим» (Zweig 1981: 127).

Строительство копии базилики Св. Петра в Риме (Казанского собора) — это мост между православной Россией и католицизмом, система каналов — отсылка к Амстердаму и стране прославленных мореплавателей — Нидерландам. Даже само название города преследует цель не столько оказаться под защитой Апостола Петра, сколько иметь немецкое звучание.

Одним из выражений отношения к понятию «город» в России является многократное переименование Санкт-Петербурга: сначала в Петроград, когда близость к Германии уже не казалась столь благоприятной, а затем в Ленинград, когда, с одной стороны, нежелательно было воскрешать воспоминания о феодальных структурах царизма и, с другой, революция требовала придания этому месту большего акцента.² Эта традиция смены наименования будет продолжена, когда городу вернут прежнее название Санкт-Петербург, а значимость коммунистической эпохи российской истории будет преуменьшена под влиянием переориентации на Запад в 1990-е гг.

Продолжая разговор о модернизации России при строительстве Санкт-Петербурга, стоит обратить внимание на государственный указ об использовании камня как основного строительного материала вместо традиционного дерева. Чтобы сохранить необходимое для строительства города количество камня, и, не в последнюю очередь, иметь достаточно ремесленников, царь Петр, пользуясь своей абсолютной властью, просто запретил строительство каменных зданий в остальной части России с 1714 по 1741 год, что решительно повлияло на архитектурную историю всей страны. Принудительное переселение жителей в новую столицу коснулось и знатных особ: им было приказано за свой счет построить дома, соответствующие их сословию, и переехать туда со всей семьей. В ход шли все средства, чтобы наполнить город архитектурными сооружениями, выполненными по последней моде.

Так вначале возник Петербург стиля рококо, в котором только Смольный собор унаследовал русский характер. Позднее в город приходят и другие классические стили по мере их вхождения в моду в Европе. Только в церковной архитектуре сохранились традиционные евразийские архитектурные черты, такие, как например, купола Казанского и Исаакиевского собора. Несмотря на

² Переименование — это не отдельно взятый случай, а повторяющееся событие, особая традиция. В память Ленина его родной город, например, был переименован из Симбирска в Ульяновск, и это название актуально по сей день. Наиболее показательна в этом смысле череда переименований столицы Казахстана.

Ил. 4. Освобождение через разрушение: в 1812 году сожжение Москвы лишило французскую армию базы для дальнейшего занятия города. Картина Альбрехта Адама, 1841 г. Источник: Музей Московского Кремля

то, что азиатское влияние в городе практически отсутствует, и Санкт-Петербург производит впечатление западного города, он по-прежнему является евразийским по характеру планирования, воплощения и взаимодействия факторов.

Москва как ловушка – защитная функция города

Следующей значимой вехой в истории России как независимой нации с самосознанием, отличным от других европейских держав, прежде всего Франции, стала победа над наполеоновскими войсками. Эта важное историческое событие имело также и архитектурно-градостроительные аспекты.

В начале XIX века французский император Наполеон стремился в Москву – средоточие российской власти, город, о котором Лев Толстой писал в «Войне и мире»: «Москва, азиатская столица этой великой империи, священный город народов Александра, Москва со своими бесчисленными

церквями, в форме китайских пагод! Эта Москва не давала покоя воображению Наполеона» (Толстой 1980: 138).

Если проанализировать роль города на протяжении его истории, то до конца XVIII столетия преобладающей функцией Москвы, безусловно, будет защита от внешнего вторжения. Такая функция в градостроительном отношении находит выражение в возведении стен. Вспомним овеянные легендами стены Фив или Трои – в строительстве последних принимал участие сам Посейдон. В одной из элегий Проперция есть такие строки: «В Персии град Вавилон построила Семирамида / И окружила его толстой кирпичной стеной, / Так что, поверху мчась, могли бы там две колесницы / Встретиться, не зацепив осью друг другу колес» (Проперций 1963: 386). Возведение стен вокруг поселения уже в античном мире было основным определением города. Неслучайно именно о стенах говорится в легенде о создании Рима, а именно о стене, которую, к

несчастьем, перепрыгнул Рем, сын Илии (*Овидий* 1979: 57). Согласно сказанию, Рем шутя перепрыгнул через построенную его братом Ромулом стену, в доказательство ее низкой эффективности, за что и был убит разгневанным Ромулом. 21 апреля отмечается день основания Рима (памятный день, когда город был окружен стенами).

Впервые упомянутая в 1147 г. и застроенная в XVIII в. многочисленными зданиями в стиле барокко Москва является, по сути, оборонительным поселением. К сожалению, оборона была не всегда успешна: и в 1238, и в 1382, и в 1571 годах монголо-татары сжигали деревянную, в основном, Москву. В промежутках она развивалась как типичный средневековый город. В центре города — в Кремле на Москва-реке — размещалась резиденция русских царей, рядом селилась светская и духовная элита, вокруг этого центра кольцами разрастался город.

Однако к концу XVIII в. достижения в области военной техники достигли такого уровня, что стены перестали выполнять свою защитную функцию, и начали повсеместно сноситься, как мешающие росту города. В Германии, например, подобная ситуация наблюдались в Берлине, Дюссельдорфе, Франкфурте-на-Майне или Мюнхене.

Москва в 1812 г., несмотря на стену, оказалась беззащитной перед Великой армией Наполеона. Во время французской оккупации в городе было сожжено практически две трети строений, так как, по большей части, они по-прежнему строились из дерева (ил. 4). Теме причин пожара, решившего судьбу Великой армии Наполеона, посвящено немало исследований и дискуссий. Поставленный перед выбором, кто же устроил пожар, французы или русские, повествователь в романе Льва Толстого «Война и мир» снова обращается к традиционной русской архитектуре: «Как ни лестно было французам обвинять зверство Раstopчина и русским обвинять злодея Бонапарта или потом влагать героический факел в руки своего народа, нельзя не видеть, что такой непосредственной причины пожара не могло быть, потому что Москва должна была сгореть, как должна сгореть каждая деревня, фабрика, всякий дом, из которого выйдут хозяева и в который пустят хозяйничать и варить себе кашу чужих людей. Москва сожжена жителями, это правда; но не теми жителями, которые оставались в ней, а теми, которые выехали из нее. Москва, занятая неприятелем, не осталась цела, как Берлин, Вена и другие города только вследствие того, что жители ее не подносили хлеба-соли и ключей французам, а выехали из нее» (*Толстой* 1980: 370).

После разгрома Наполеона русская интеллигенция перестала писать и говорить на француз-

ском и вернулась к родному языку. Имя Пушкина связывают с началом новой русской национальной литературы. Аналогично в свое время оккупация Германии французами была основным поводом для того, чтобы братья Гримм собрали немецкие сказки и создали немецкий литературный словарь с целью противопоставить немецкую культуру французской. И о чем же пишет Пушкин? Среди прочего о победе России над Наполеоном в романе «*Евгений Онегин*»: «Напрасно ждал Наполеон, / Последним счастьем упоенный, / Москвы коленапреклоненной / С ключами старого Кремля: / Нет, не пошла Москва моя / К нему с повинной головою. / Не праздник, не приемный дар, / Она готовила пожар / Нетерпеливому герою. / Отселе, в думу погружен, / Глядел на грозный пламень он.» (Глава VII, строфа XXXVII).

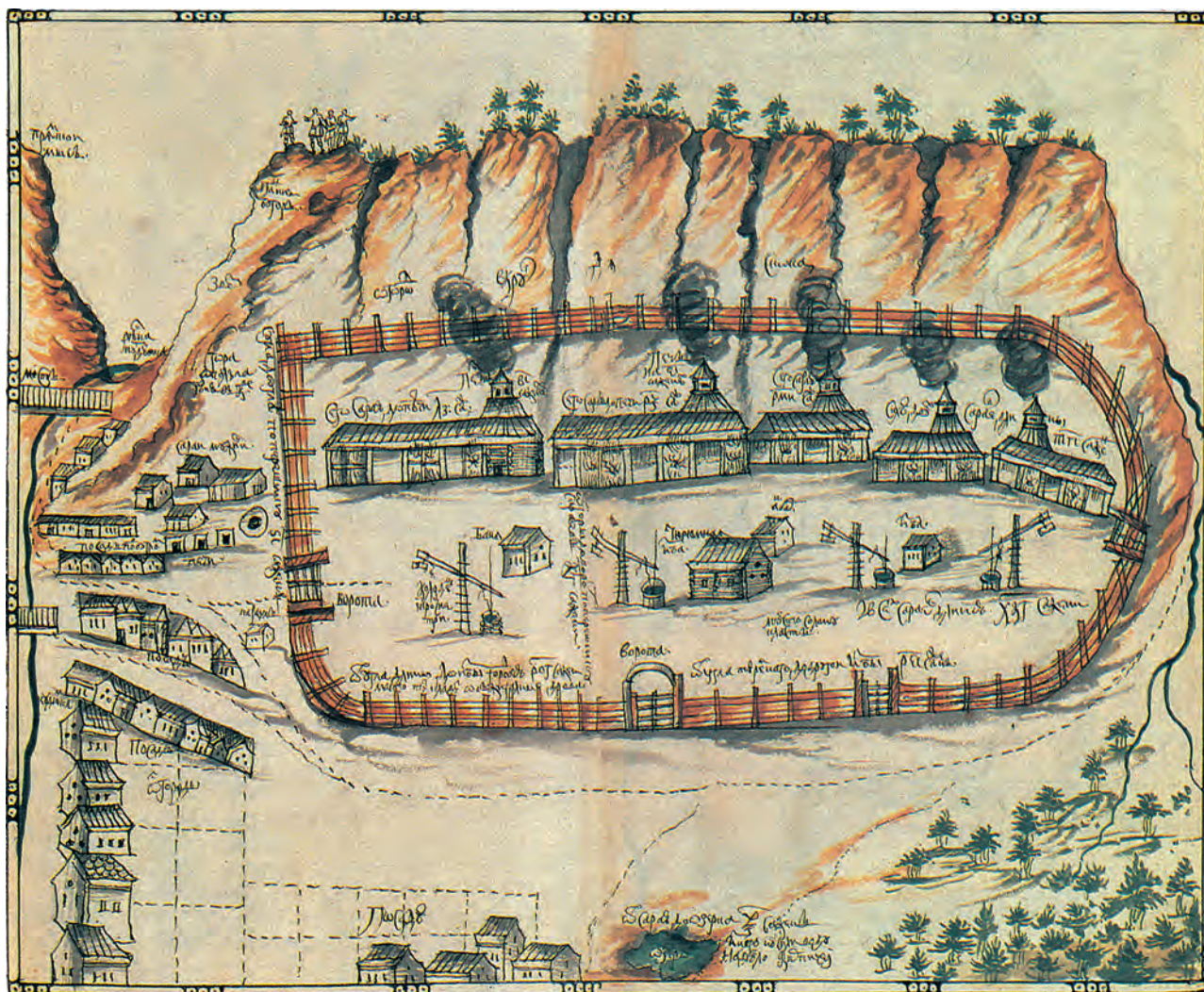
Начавшееся в 1813 г. восстановление Москвы стало идеологическим проектом, в ходе которого старые стены города были принесены в жертву современной инфраструктуре.

Во время своего царствования с 1825 по 1855 гг. Николай I призывает опираться на национальные традиции в искусстве, в том числе в зодчестве: так новые церкви напоминают ранние архитектурные образцы, вдохновленные местными традициями архитекторы строят общественные здания и дома богатых горожан, а декор их загородных усадеб навеян народным деревянным зодчеством. Одним из таких примеров служит фасад Исторического музея в Москве (1874–1893 гг., архитектор В. И. Шервуд), в котором нашли отражение памятники архитектуры от Новгорода до Казани.

Таким образом, архитектура восстановленной Москвы символизирует силу вновь пробуждающейся нации. Оборонительная стена уступила место Садовому кольцу — «чересполосице» садов и дорог. И хотя сады давно вытеснил автотранспорт, и сегодня Садовое кольцо является важной структурной частью городского ландшафта.

Евразийские золотодобывающие города – строительство городов вдоль Транссибирской магистрали

Приобретая уверенность в себе, Россия продолжала расширяться, распространяя свое влияние из центра на юг и север, вплоть до тех территорий, которые не представляли прежде интереса для господствующих держав. Колонизация осуществлялась и по стратегическим причинам, и по практическим соображениям. Подобно тому, как римляне по заранее разработанной схеме устанавливали укрепления во время своих военных походов, так и русские разбивали военные посе-

Ил. 5. Городские хроники in terra incognita: архитектор и историк Семен Ремезов был первым, кто задокументировал и зафиксировал поселения в Сибири. Серебряный завод, 1710 г. Источник: Official Book Siberia

ления по мере продвижения на Восток там, где это было стратегически выгодно и эффективно (ил. 5). Так, в Казахстане, например, городская жизнь пришла вместе с военными на смену кочевому образу жизни лишь в XIX в. Современная столица этой страны была первоначально военным лагерем.

Продвижение на Восток сопровождается развитием инфраструктуры: строительством Транссибирской магистрали. На первый взгляд это сопоставимо с завоеванием Дикого Запада в Северной Америке. Тем не менее, различие есть: переселение в США проходило практически без государственного руководства, а новые поселения в России, по аналогии с римскими, были инициированы властью. Старый торговый путь между Западом и Востоком существовал и до этого, но использование гужевого транспорта перестало

быть рациональным для разработки природных ископаемых или транспортировки сибирского зерна. Когда Александр II в 1870-х гг. приступил к решению вопроса прокладки Сибирской железной дороги, это полностью отвечало государственным интересам. Но практический толчок к началу сооружения самой протяженной в мире железнодорожной магистрали, строительство которой завершилось лишь в октябре 1916 г., дал его сын Александр III.

Поселения возникали вдоль дороги на берегах крупных рек и там, где это было логистически удобно для добычи или транспортировки сырья. Функциональность городов отражалась в их названиях. Остановочные пункты, на которых селились люди, просто обозначались километрами. Строительство шло одновременно на нескольких участках. Направления, в которых велись работы,

Ил. 6. Очарование железных дорог: в 1929 г. художник Семен Семенов разработал плакат в стиле того времени для героического фильма «Турксиб». Источник: Christie's, London

можно отследить по местам возникновения городов, так как реки — это не только транспортные пути к расположенным на севере природным ресурсам, но и географические барьеры. Строительство Транссибирской магистрали отразилось не только на росте экономики, но и на стремительном увеличении численности населения Сибири.

Ярким примером служит Новосибирск — самый большой город Сибири и третий по численности в России после Москвы и Санкт-Петербурга. Датой основания города считается 20 мая 1893 года, когда был заложен первый камень в основание моста через реку Обь, необходимого для прокладки Транссибирской магистрали. Близ села Кривощёково был основан поселок рабочих, принимавших участие в строительстве железнодорожного моста, введенного в эксплуатацию в 1887 г. Типичными для русских городов являются многочисленные изменения в наименовании поселения, которое за непродолжительное время

сменило функциональное название Новая деревня сначала на Гусевку, потом Кривощёковск, Александровск. Когда в декабре 1903 г. поселок обрел статус города, он был в очередной раз переименован в Ново-Николаевск, в честь правящего императора. После революции, в 1926 г., по волеизъявлению горожан, столица Сибири снова была переименована в Новосибирск.

Центральное расположение станции, которая по-прежнему остается одной из крупнейших в евразийском регионе, свидетельствует об истории города и его функциональном назначении. На месте первой железнодорожной станции в начале 1939 г. возникло здание вокзала в конструктивистском стиле. Значимость Сибири для России была отражена при строительстве Часовни во имя Святителя и Чудотворца Николая, которая должна была обозначить новый географический центр разросшейся Российской империи.

Город развивался поэтапно, постепенно меняя свое первоначальное назначение. Во времена Сталина из торгового центра Новосибирск превратился в центр промышленный: была построена новая железнодорожная линия на юг в Среднюю Азию — Турксиб, другая ветка шла к угольным районам Кузбасса (ил. 6). Во время массового голода зимой 1932-1933 гг. на окраинах города вследствие неконтролируемого притока жителей возникли трущобные районы. Во время Второй мировой войны ряд промышленных предприятий был эвакуирован из-под удара немецкой армии и перевезен сюда — так был создан новый центр оборонной промышленности. Во время и после войны здесь размещались лагеря военнопленных. В 1957 г. территории на окраине Новосибирска вошли в состав вновь учрежденного Академгородка с 14-ю научно-исследовательскими институтами.

Несмотря на постоянное меняющееся направление развития города, и здесь мы можем констатировать централизованное планирование, делавшее работу в Советском Союзе столь соблазнительной для многих архитекторов. Градостроительные планы советских и европейских городов во многом принципиально схожи, но если в центре западноевропейских городов размещалась рыночная площадь в окружении религиозных сооружений, то центральное место в советских городах отводилось площади для проведения парадов и административным зданиям с памятником Ленину. Поблизости от площади и вдоль парадного проспекта вырастают особые представительные здания. Вокруг этого центра, по единому образцу советского города, возводятся микрорайоны, которые призваны обеспечить равные условия проживания для всех граждан.

**Ил. 7. Первая пятилетка 1928-1933 гг.: пока по всему Советскому Союзу строились новые промышленные предприятия, люди жили в деревянных бараках и землянках уже несколько поколений, как здесь, в Новосибирске (фото 1932 г.).
Источник: Архив Фридриха Вольтерса**

Немецкий архитектор Рудольф Волтерс, один из многочисленных специалистов, приехавших в страну в 1929 г. в эпоху «Великой модернизации» Советского Союза, писал в своей книге «Специалист в Сибири» об уровне развития города в 1932-1933 гг.:

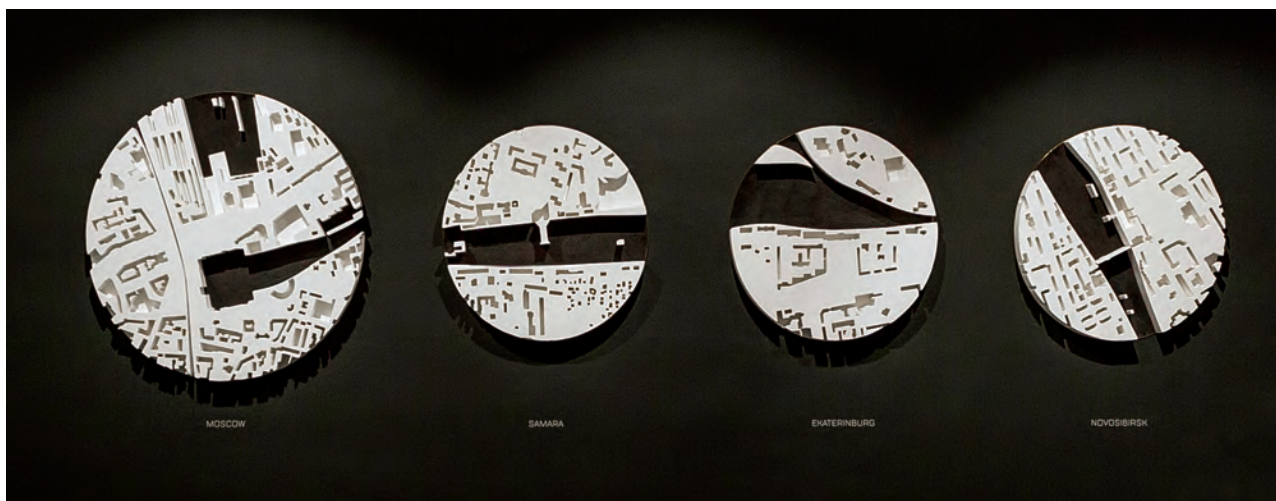
«Там, где Красный проспект Новосибирска растворялся в степи, уже была выстроена часть Сибирского института железнодорожных инженеров. Совершенно случайно, как и это сооружение, неподалеку были поставлены три пятиэтажных жилых здания для студентов, и теперь следовало выполнить проект застройки всего участка, со всеми зданиями, которых еще не было, и которые предполагалось возвести в течение второго пятилетнего плана. [...] Нужно было спроектировать оставшиеся здания института, общежитие для женатых студентов, общежитие для неженатых, которые тоже встречались, жилье для персонала, для профессоров и ассистентов. Для всех жителей города необходимо было обеспечить строительство множества объектов: клуба, кинотеатра, столовой, больницы, магазинов, бани, прачечной, стадиона, детского сада, яслей, начальной школы, хозяйственных построек, административных зданий, котельных, пожарной части, — то есть всего того, что требуется для полностью автономного и самоуправляющегося поселка. Второе задание было похожим, но оно было тем интереснее, что программу для проекта я тоже разрабатывал сам. Около большо-

го паровозоремонтного завода и сортировочной станции недалеко от Новосибирска нужно было расселить в небольшом городке 6800 рабочих с семьями. Этот поселок тоже предполагалось полностью построить в течение второго пятилетнего плана. По статистике и нормам соответствующего народного комиссариата мы сначала определили, что общее число жителей с женами и детьми, а также с людьми, необходимыми для обслуживания городка, составляет неполные 25000. Далее мы вычислили количество детей ясельного возраста, школьников, женатых и неженатых и т. д. Затем по различным нормам, которые разрабатывались разными высокими инстанциями независимо друг от друга, мы рассчитали количество домов с коммунальным жильем, с индивидуальными квартирами, количество столовых, их размеры и т. д., и [...] Так же как и поселок института, городок железнодорожников был автономной единицей, и несмотря на то что располагался в черте города Новосибирска, он должен был снабжаться и управляться самостоятельно» (Волтерс 2010: 118-121).

Масштабное строительство было ответом на огромный дефицит жилья, существовавший еще в дореволюционный период, который привел к появлению коммунальных квартир, называемых в народе «коммуналками» (ил. 7). Но даже все предпринятые усилия не могли одновременно решить проблему, поэтому приходилось импровизировать. Волтерс писал, что, даже пока проектировались «предписанные трехэтажные европейские каменные дома, я с печалью наблюдал, как без всякой оглядки на них, на стройплощадке по-прежнему весело возводили жалкие деревянные бараки». (Волтерс 2010: 122). Лишь в послевоенное время, в 1950-е и 1960-е годы на смену деревянным баракам приходят типовые панельные дома, в основном пятиэтажные «хрущевки» (Мойзер 2019: 145).

Функциональность автономных жилых единиц, площадь которых в соответствии с советскими стандартами планирования не должна была превышать 80 гектаров, и для которых были определены максимальные радиусы доступности от жилых до общественных, административно-хозяйственных зданий, снова проявляется в том, что они нумеровались, а не именовались.

Градостроительное планирование началось с расположения инфраструктурных объектов, которые затем, вероятно в соответствии с планом, но, тем не менее, весьма произвольно, наполнялись функционально. Волтерс пишет о том, в каком состоянии находился Новосибирск к моменту его прибытия в город, в частности о транспортной оси: «Улица замощена булыжни-

Ил. 8. Дихотомия свободного пространства: инсталляция в павильоне России на Архитектурной биеннале 2018 обратилась к резервам пространства, занимаемого железными дорогами в центре Москвы, Самары, Екатеринбурга и Новосибирска. Источник: Citizenstudio/Студия 911

ком, тротуары с обеих сторон сделаны из толстых досок. В центре бульвар — песчаная дорожка, зажатая между кривыми березами. Неподалеку от гостиницы обрамляют проспект новые большие кирпичные дома — правительственное здание, банк и недостроенный гигантский театр, на сцене которого могла бы целиком уместиться шарлоттенбургская Опера. Застройка улицы то высокая, то низкая, все еще не готово. Но есть в Красном проспекте, который прямо как стрела пересекает весь город, что-то грандиозное благодаря его неслыханной длине. С одной стороны улицу вдаль ограничивает Обь, чей противоположный берег плавно и мягко поднимаясь, закрывает горизонт. С другой стороны конца вообще не видно. Прямая, как шнур, улица далеко уходит в плоскую сибирскую степь» (Волтерс 2010: 66).

Города, созданные в подобном контексте, снова представляют собой чисто функциональные поселения и необязательно создаются «на века». В случае утраты первоначального назначения и отсутствия нового, они могут исчезнуть, как это, например, случилось с поселениями золотоискателей в Америке, — «Каждый цикл ресурсной отрасли близится к концу, в зависимости от ресурсного потенциала и его промышленного использования, что происходит рано или поздно» (Milenina 2002: 59). Другая ситуация характерна для компактной Западной Европы. Когда здесь возникают проблемы и появляются так называемые структурно (экономически) слабые регионы, из которых происходит отток населения, это не приводит к полному вымиранию городов (как раньше не строились «с нуля» совершенно новые города).

Тенденция строительства новых городов и пренебрежение развитием промышленных моногородов в районе крупных месторождений продолжается и после Октябрьской революции. Таким образом, и здесь можно констатировать наличие типичного признака евразийского города: «Характерной особенностью 30-40-х годов является возникновение городов и поселков, связанных с развитием лесной и угольной промышленности, ставших топливной базой страны. Для 70-90-х годов характерно появление городов, связанных с добычей нефти и газа, сформировавших новую топливную базу СССР» (Milenina 2002: 59).

От царизма к партийности – преемственность вопреки революции

В 1917 году в России произошли крупные политические изменения — на смену царской империи пришел коммунистический режим. Это не могло не сказаться на градостроительном планировании, тем более что в работах Карла Маркса и Фридриха Энгельса этим вопросам уделено большое внимание. «С одной стороны, массы сельских рабочих внезапно становятся жителями больших городов, которые превращаются в промышленные центры; с другой стороны, планировка старых городов больше не соответствует требованиям новой крупной промышленности и растущей автомобилизации населения. Дороги расширяются и устраиваются новые, прокладываются железнодорожные ветки. В тот момент, когда потоки рабочих устремляются в города, массово сносятся дома, возникает острый дефицит жилья для рабочих и служащих мелких пред-

Ил. 9. Прославление машинной эстетики в бесконечном пространстве: «Архитектурная фантазия № 85» Якова Чернихова показывает его увлечение индустриализацией в годы первой пятилетки (1933 г.).
Источник: Фонд Чобана, Музей архитектурных чертежей, Берлин

приятый и торговли. В городах, которые же изначально строились как промышленные центры – Манчестере, Лидсе, Брэдфорде, Бармен-Эльберфельде – дефицит жилья практически отсутствовал. А в Лондоне, Париже, Берлине и Вене он приобрел острую форму и стал хроническим», — анализировал ситуацию Ф. Энгельс в своем эссе «К жилищному вопросу».³

После революции многие приезжают путешествовать по России, чтобы своими глазами увидеть совершенно новую форму управления обществом, которая в первое время сопровождается инновационным архитектурным стилем — конструктивизмом. Он отражает убежденность русских архитекторов в том, что необходимо найти принципиально новые решения для задач радикально новой модели правления (ил. 8-9).

На глазах у всего мира в России ускоренными темпами идет индустриализация страны в сочетании с урбанизацией: «В Советский период число городов с населением свыше 100000 человек быстро увеличивалось. Если в ходе переписи 1926 года был зарегистрирован 31 такой город, то к 1939 их было уже 82, в переписи 1959 года — 146, а к 1969 ожидалось 209. Таким образом, всего за 40 лет число больших городов в Советском Союзе увеличилось более чем в шесть раз» (Harris 1970: 1).

12 декабря 1926 г. в газете «Франкфуртер Цайтунг» выходит статья Йозефа Рота «Город идет в деревню»: «Известно, что ни в одной другой стране мира разрыв между городом и деревней не был столь же велик, как в царской России. Крестьянин был ближе к звездам, чем к городу. Вот почему одним из главных вопросов, которые встали перед революционной Россией, является вопрос: «как привести город к крестьянину? Город не может довольствоваться тем, чтобы предоставить процесс пролетаризации крестьянина на волю исторического и экономического развития».⁴

Необходимость преодоления разрыва между городом и деревней рассматривалась Карлом Марксом и Фридрихом Энгельсом как важный шаг к созданию общества, основанного на разделении труда:

«Наибольшее разделение материального и духовного труда — это отделение города от деревни. Противоположность между городом и деревней начинается вместе с переходом от варварства к цивилизации, от племенного строя — к государству, от местной ограниченности — к нации и проходит через всю историю цивилизации, вплоть до

нашего времени. Вместе с городом появляется и необходимость администрации, полиции, налогов и т. д. — словом, общинного политического устройства, а значит и политики вообще. Здесь впервые обозначилось разделение населения на два больших класса, непосредственно основанное на разделении труда и на орудиях производства. [...] Противоположность между городом и деревней может существовать только в рамках частной собственности. Она выражает в наиболее резкой форме подчинение индивида разделению труда и определенной, навязанной ему деятельности, — подчинение, которое одного превращает в ограниченное городское животное, а другого — в ограниченное деревенское животное, и ежедневно заново порождает противоположность между их интересами. [...] Уничтожение противоположности между городом и деревней есть одно из первых условий общественного единства, — условие, которое, в свою очередь, зависит от множества материальных предпосылок и которое, как это видно уже с первого взгляда, не может быть осуществлено одной только волей. [...] Отделение города от деревни можно рассматривать также и как отделение капитала от земельной собственности, как начало независимого от земельной собственности существования и развития капитала, т. е. собственности, основанной только на труде и обмене».⁵

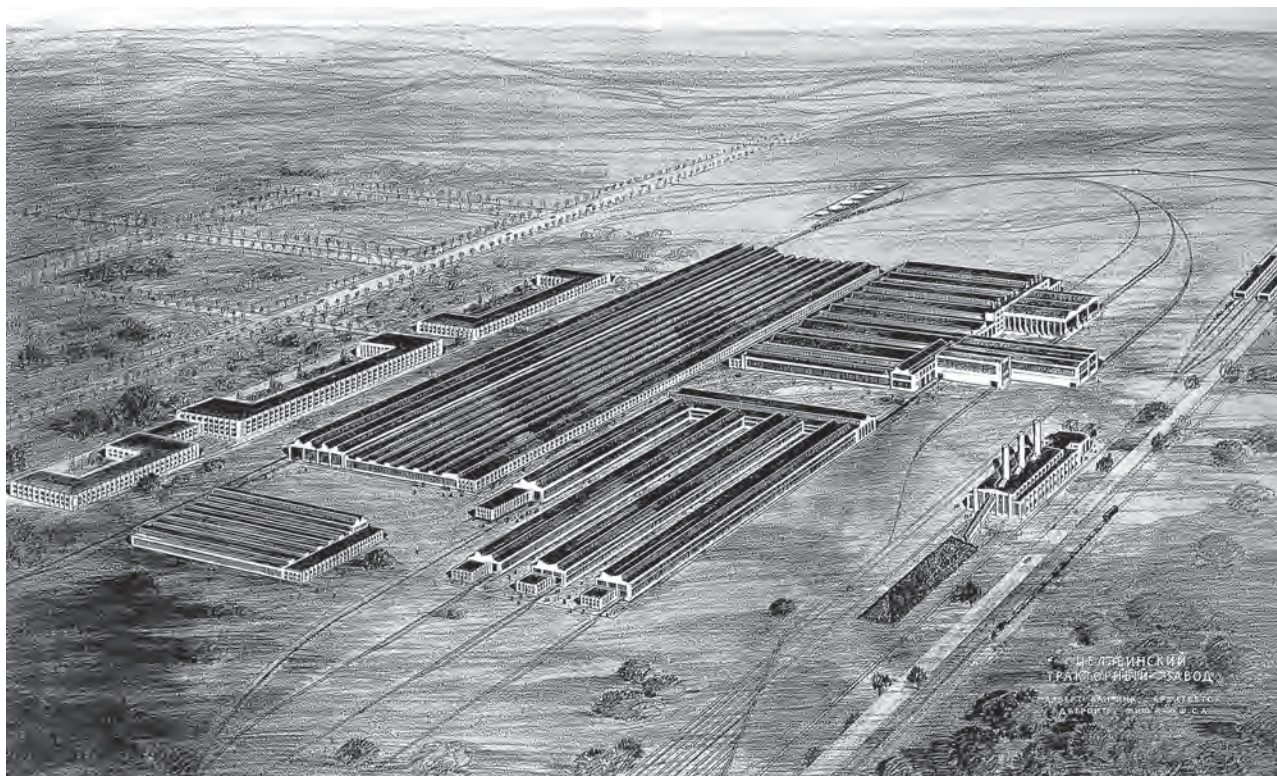
Таким образом, если разделение труда привело к разделению населения, то в бесклассовом обществе этот разрыв должен практически сойти на нет. Перестройку городов в этом смысле Ленин считал первостепенной задачей. Архитектор Иван Жолтовский вспоминает в своем сочинении «О истинной и ложной красоте в архитектуре»: «Владимир Ильич говорил о том, что Москва должна быть перестроена таким образом, чтобы появился художественно продуманный, удобный для людей город. Для этого необходимо воспользоваться всем великим и мудрым, что человечество создало на протяжении многих веков. Ленин указывал, что пролетарская революция несет в себе мир новых идей и, в то же время, сохраняет все прекрасное, что создано человечеством. Одновременно он высказывался резко против попыток отталкиваться от наследия, представляющего вкусы обывателя; особенно он был против таких проявлений в новых зданиях» (Scholtowski 2015: 51).

Инновация государственной формы, которая нуждалась в воспитании сельского населения для устойчивого осознания свершенной революции, по мнению писателя Стефана Цвейга, выражает-

³ Marx-Engels-Werke, Bd. 18, S. 647.

⁴ Die Stadt geht ins Dorf – in: Frankfurter Zeitung, 12/12/1926, JW, p.643, vol. II.

⁵ Marx-Engels-Werke, Bd. 3, S. 50.

Ил. 10. Завод дизельных тракторов в Челябинске по проекту американского архитектора Альберта Кана (1930 г.). Источник: Stadt Bauwelt 128 (1995), с. 2816

ся и в архитектуре. В эссе «Поездка по России» он пишет: «Если Европа, и особенно ее столичные города, находится сейчас – в соответствии с духом времени – в процессе неудержимого взаимоуподобления и унифицирования, Россия остается непохожей на другие страны. Не только глаза, не только эстетические ощущения оказываются в плену постоянного удивления этой неизменившейся архитектоникой, этой незнакомой европейцу сущностью народа, но и духовные понятия формируются здесь из другого прошлого в другое будущее» (Цвейг 1997: 367). Это звучит как радикально новые архитектурные подходы, отражающие политические инновации. По словам писателя, «в новую столицу внезапно влилось очень много людей, ее дома, ее площади, ее улицы кишат ими, кипят от привнесенного этими людьми бурного оживления» (Цвейг 1997: 371). Индустриализация трансформируется в архитектурные формы, даже первый пятилетний план в 1928 г. отражает эстетику станков (ил. 10). Одновременно с этим план предписывал строительство промышленных объектов в отдаленных районах добычи полезных ископаемых и энергоресурсов, т.е. структурно слабых регионах с низкой плотностью населения (Хмельницкий 2018: VIII).

В числе прочих в Советский Союз приехал Эрнст Май, советник градостроительного планирования Франкфурта с 1925 по 1930 г., ответственный за планирование и реализацию «Нового Франкфурта», который в 1930-1933 гг. руководил созданием некоторых новых городов, таких как Магнитогорск. Свое решение 1 августа 1930 г. он обосновал так: «Моя прежняя деятельность, как и у большинства западных градостроителей, состояла в основном в расширении города, а здесь я должен был разрабатывать проекты новых городов, которые должны быть созданы из ничего, как независимые организмы» (Düwel 2015: 20).

В конечном счете, однако, как политические, так и архитектурные надежды не сбылись: «Деревянное строение пограничной станции ничем не отличается от пограничных станций во всем мире, разве что лишь вместо влиятельных особ тех стран на тебя со стен смотрят портреты Ленина, Энгельса, Маркса и некоторых других советских вождей» — отмечает Стефан Цвейг во время приезда в СССР (Цвейг 1997: 368).

Как царь и династическая преемственность власти заменяются другими ограничительными формами правления, так и архитектура остается неизменной во многих областях: «...при разреше-

Ил. 11. Соцгород Горки, спроектированный бывшим директором Баухауза Ханнесом Мейером (1932 г.). Источник: gta/ETH Zürich

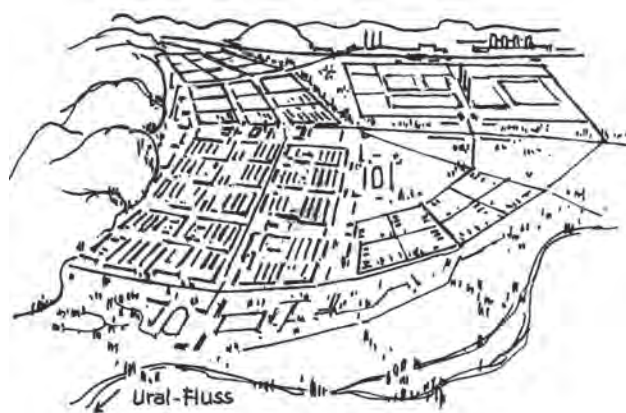
нии проблемы строительства, мы не можем идти теми старыми, проторенными путями, по которым шло строительство дореволюционной России и по которым идет до сих пор строительство в капиталистических странах» (Мещеряков 1930: 5), – отмечалось в предисловии к книге Николая Милютин «Соцгород». Главным образом Милютин рассматривал вопрос, как можно сочетать работу и жизнь в новых городах. С учетом масштабов страны, он предлагал сгруппировать рабочие поселки и строительство заводов таким образом, чтобы обеспечить кратчайшие пути к ним. Внимание уделяется обширным зонам отдыха и озеленению, а также деталям – вплоть до направления ветра (ил. 11). Однако его инновационный подход, который мог привести к уникальному опыту, замалчивается: «Книга оказалась исключенной из советского профессионального сознания в связи с полной ее несовместимостью с той профессиональной культурой, которая возникла в СССР после 1932 г.» (Хмельницкий 2018: V).

Сталин не стал продвигать собственную инновационную архитектуру, но со всей решимостью обратился к «социалистическому классицизму» с его величественными государственными зданиями, хотя данный стиль экономически не оправдан. Самые знаменитые архитекторы ориентировались на международный опыт. Например, Иван Жолтовский, находившийся под влиянием своего трехлетнего пребывания в Италии (1923-1926 гг.),

не только переводит «Четыре книги об архитектуре» Андреа Палладио, но и вполне очевидно берет это произведение за образец. В свете некогда смелых идей, выдвигаемых на заре советского периода, теперь архитектура находилась перед необходимостью оправдываться. Так, Жолтовский пишет: «В последнее время в советских архитектурных кругах все чаще раздаются голоса о том, что привязанность к классической архитектуре препятствует развитию новых, современных методов современного строительства. Кроме того, отдельные архитекторы даже задаются вопросом, не пора ли прекратить отдавать предпочтение классике? Я считаю, что как раз нужно сделать наоборот. Ошибка многих современных архитекторов, сильно ограничивающая их в работе, это как раз недостаточно глубокое знание основ классической архитектуры. Не стоит забывать, что истинное новаторство невозможно без глубоких всеобъемлющих знаний прошлого. Но без новаторства нет и реальных творений, поскольку каждая эпоха создает свои собственные конкретные архитектурные произведения» (Scholtowski 2015: 51).

Возвращение к классической архитектуре рассматривается как попытка тоталитарного режима использовать при декорировании зданий элементы, намекающие сквозь время и пространство на имперский стиль римлян. «Классицизм с молотом и серпом» возвращается к дореволюционной архитектуре, меняется только назначение зданий – теперь имперская архитектура предназначена для людей. Новые дворцы – это станции метро, кинотеатры или жилые здания.

Центральная власть партии над рассредоточенным на огромной территории страны населением отражается в отказе от дезурбанизации и

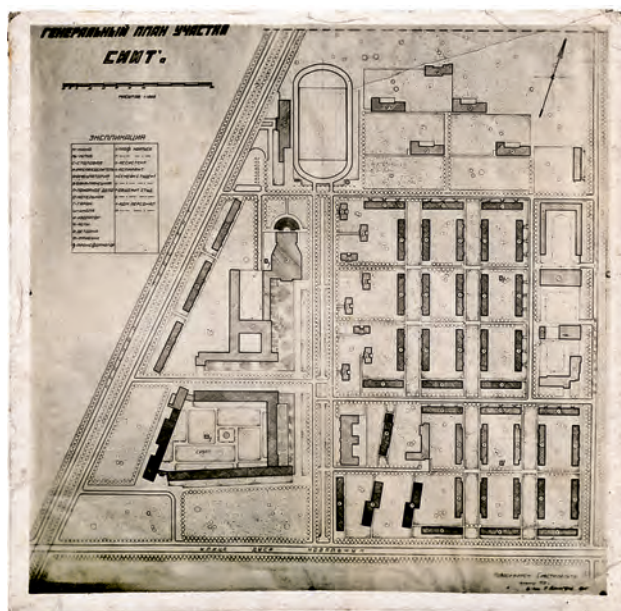

Ил. 12. Новый город Орск, спроектированный швейцарским архитектором Хансом Шмидтом (1933–1937). Источник: gta/ETH Zürich

переходу к централизованному градостроительному планированию, которое напрямую связано с царскими традициями и даже превосходит их в демонстрации власти. Например, если ширина Тверской улицы в императорской России была 16-18 метров, то ширина улицы Горького уже 50-60 метров, вдоль нее вместо снесенных исторических сооружений появляется новая социалистическая застройка.

Впрочем, и в Западной Европе были подобные примеры. Скажем, в городе Карлсруэ церковь была заменена резиденцией регента. Так и в Москве. Только здесь религиозные здания уступают не архитектуре абсолютистской монархии курфюрста, а коммунистической партии и ее вождям. На месте разрушенного в 1931 г. Храма Христа Спасителя должен был возвышаться Дворец Советов высотой 415 метров, который стал бы самым высоким зданием в мире, но, в итоге, на месте храма появился бассейн. На территории Чудова монастыря возникает административное здание Кремля. Церкви становятся общественными зданиями, в том числе вестибюлями станций метро.

Иосиф Сталин также планирует изменение структуры и превращение «Новой Москвы» в социалистический образцовый город. Проект был разработан главным архитектором Москвы Сергеем Чернышёвым (*Лыкощин, Чередина 2017: гл. 12*). Сталин хотел пересмотреть функциональное зонирование города. Немецкий писатель Лион Фейхтвангер рассказывает о своем пребывании в *Москве 1937 года*: «Известно, что город с начала революции охвачен перестройкой; повсюду беспрерывно копают, шурфуют, стучат, строят, улицы исчезают и возникают; что сегодня казалось большим, завтра кажется маленьким, потому что

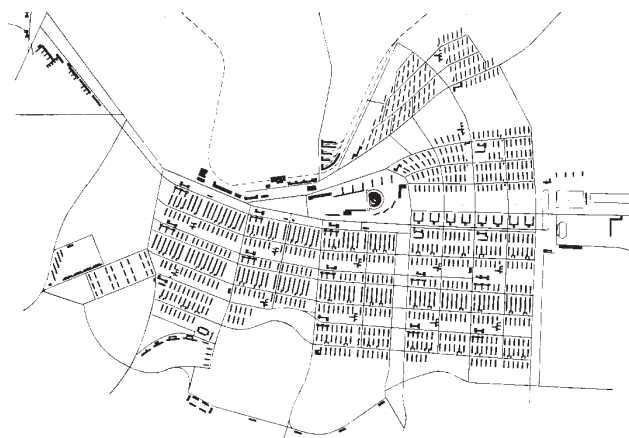

Ил. 14. Городская застройка в форме промышленного предприятия: план жилого массива в Новосибирске Рудольфа Вольтерса (1932 г.).
Источник: Архив Фридриха Вольтерса

внезапно рядом вырастает башня, – все течёт, все меняется. Только в июле 1935 года Совет Народных Комиссаров решил внести порядок в это движение, то есть он решил также планомерно изменить внешний облик города как и всю структуру Советского Союза, и сделать это в десять лет (*Фейхтвангер 1990: 179-180*). Но тут вмешалась Вторая мировая война, и контуры прежней застройки, как и городская структура, во многом сохранились.

В то время как в Москве, за исключением нескольких небольших перепланировок, создание новой структуры города так и не преодолело стадию проекта, в других регионах страны возникло несколько абсолютно новых городов (ил. 12). В первую очередь – в местах размещения децентрализованных промышленных комплексов в целях обеспечения их максимальной функциональности: «В соответствии с планом первой пятилетки были возведены, основаны двести промышленных городов и тысячи городов агропромышленного комплекса» (*Siebert 2016: 212*). Имиджевым проектом было возведение Магнитогорска, города на 120.000 жителей, проектирование которого в 1929 г. было поручено Эрнсту Маю (ил. 13).

Расположенный по обе стороны от Урала – естественной границы между Европой и Азией – этот город является евразийским чисто географически. Как и в Стамбуле, здесь имеются и западный – «европейский» и восточный – «ази-

Ил. 13. Новый город Магнитогорск, генеральный план немецкого архитектора Эрнста Мая (1930–1932).
Источник: Музей немецкой архитектуры DAM

Ил. 15-16. Соцгород советского модернизма, 1966 г. После землетрясения в Ташкент приехали архитекторы и строители со всего СССР, чтобы восстановить и модернизировать город. Источник: Архив Бориса Голендера

атский» районы. В советское время Май разработал концепцию города, которая должна была быть эффективной и обеспечивать небольшие расстояния между жилыми и рабочими районами города. Но по факту начало строительства и заселение территорий произошло прежде, чем были закончены продуманные планировки, поэтому приходилось отталкиваться от имеющихся реалий. Отсутствие эффективной связи между жильем и работой в наши дни оказалось счастливым случайным преимуществом, поскольку, если бы стремительно развивающаяся промышленность оказалась еще ближе к жилым районам, то ее отрицательное воздействие на жителей было бы гораздо более губительно.

Проблемы, возникшие при строительстве, дошли до современников Мая, которым данный проект был известен как не очень успешный. Немецкий коллега Мая Рудольф Волтерс, работавший в Новосибирске, расценил проблемы как следствие «взаимоисключающих влияний», поскольку российское градостроительство подвергалось с одной стороны влиянию США, а с другой – Германии (ил. 14). Помимо этого, существовали разногласия между Государственным институтом по разработке градостроительных планов старых больших городов – «Гипрогором» и институтом, проектировавшим новые города — «Стандартгором»:

«Известно, что наши русско-американские градостроители любят красивые геометрические генеральные планы с прямоугольной сеткой улиц, осями, звездообразными площадями. Чи-

каго! Создается впечатление, что эти американцы прибыли в Россию через Берингов пролив, ничего не зная о начавшейся 30 лет назад грандиозной градостроительной революции Европы. Американцы принесли в Россию окостенелую школу градостроительства, и она все больше берет верх, в особенности потому, что для всех архитектурных деталей высшими инстанциями из Москвы был предписан «классический стиль» как единственно возможный: звездообразные планы и греческие фасады! Из-за этого, с иголки нового курса особенно страдает другая большая градостроительная организация Союза, «Стандартгорпроект» с его «знаменитой» группой «Май». В противоположность «Гипрогору», в задачи этого «треста» входит не санация и развитие старых городов, а строительство новых, в большинстве своем там, где до сих пор была только дикая природа. Работа этой организации, «Проектного бюро по возведению социалистических городов для тяжелой промышленности», целиком находится под влиянием группы «Май». «Гипрогор», русско-американцы, и «Стандартгорпроект», русско-немцы, ненавидят друг друга и взаимно считают друг друга законченными скотами. Здесь столкнулись два мировоззрения. Здесь нет надежды на взаимопонимание. Но уже сегодня можно с сожалением сказать, что группа «Май» побеждена. Возможно, немецкое градостроительство больше выиграло бы во влиянии, если бы, во-первых, как минимум один город, Магнитогорск на Урале или Ленинск в Западной Сибири, был действительно построен по первоначальным немецким

чертежам, и, во-вторых, если бы проекты группы «Май» не выглядели бы все подстриженными под одну гребенку. Сегодня франкфуртский архитектор Май – закатившаяся звезда в России. Его группа растаяла до нескольких самых преданных людей, и печально-предупреждающе торчат во всех концах России над морем деревянных изб зачатки до смерти заезженной «строчной застройки» (Волтерс 2010: 126-128).

Эрнст Май, считающийся одним из величайших немецких градостроителей XX века, покинул Россию в 1933 г. и жил в Африке с 1934 по 1954 г., занимаясь фермерством и архитектурой, а затем вернулся в Германию для восстановления разрушенных в ходе войны городов в качестве руководителя Проектного отдела некоммерческого жилищного общества «Нойе Хаймат». Как и Волтерс, другие современники видят первоначальную проблему многих проектов, в том, что «идеальный план и реальность не совпадали» (Siebert 2016: 218), в проектную работу вмешивалась действительность в виде уже существующих бараков для рабочих, занятых на металлургическом заводе. В итоге победили реальность и дешевизна. В то время как проекты промышленных объектов были тщательно продуманы, остальная часть города зачастую попадала под власть импровизации. Вследствие нехватки инвестиций в города, возникшие по причине вынужденного переселения в район производств, вокруг промышленных комплексов нередко вырастали временные бараки: «В сферу государственного интереса в первую очередь попадало [...] строительство крупных производств, а уже затем жилья и остальной инфраструктуры нового города» (Düwel 2015: 22).

Только после смерти Сталина в 1953 г., при Хрущеве, государство снова возвращается к теме жилья по причине его острой нехватки. Имиджевым проектом становится городской квартал, который начинают возводить в московском районе Черемушки, чтобы по-новому определить стандарты в строительстве массового жилья, используя индустриальный способ производства строительных элементов. Характерной особенностью такого типа зданий была расположенная по центру двухмаршевая лестница с промежуточной площадкой, вокруг которой были сгруппированы по 2-4 квартиры. Согласно предписаниям, самая большая комната – гостиная – должна была иметь минимальную площадь 14 квадратных метров, а одна спальня на двух человек – 8 квадратных метров. Строительство, прежде всего, было ориентировано на фактор практичности. Домостроительные комбинаты обеспечивают быстрое и эффективное возведение зданий различного назначения. Вследствие этого и планирование

городов становится все более нормируемым: «Для проектирования и строительства новых (промышленных) городов в СССР существовала всеобъемлющая система обязательных государственных норм и правил. Они устанавливали допустимое землепользование для различных социокультурных объектов и объектов, обеспечивающих жизнедеятельность города, а также предписывали наличие объектов инфраструктуры» (Rietdorf 2002: 45).

Интересно, что плановая экономика градостроительства – это, прежде всего, не выражение реализации социалистических утопий, а результат сложных экономических условий. Так, сборное домостроение было существенно дешевле сохранения исторических зданий, не говоря уже о санации и модернизации. Последнее ограничивалось памятниками архитектуры и важными туристическими объектами.

Интересна в этом отношении история Ташкента, застройка которого некогда была представлена восточными глинобитными строениями и кирпичными зданиями дореволюционной поры, практически полностью разрушенными во время землетрясения 1966 г., эпицентр которого находился в трех километрах от центра города (Meuser 2015: 522–525). Толчки продолжались еще на протяжении трех недель, и конструкции зданий столицы Узбекистана не выдержали сурового испытания. Уцелели только современные, укрепленные постройки. Когда Советский Союз начал восстановление разрушенного города, проектировщики обратились к уже наработанному опыту с использованием архитектурных стилей различных советских республик, в знак дружбы народов (ил. 15-16). Новая застройка появилась даже в восточном старом городе, который не подвергся разрушениям во время землетрясения.

Планы по перестройке Ташкента существовали еще до землетрясения. Генеральный план, принятый в начале 1966 г., поспособствовал появлению в кратчайшие сроки заново отстроенного «города-коллажа» с восточной, колониальной и сталинской архитектурой, образцового советского города с совершенно новым лицом, основной чертой которого было наличие разнообразных фасадов. Уже спустя шесть недель после землетрясения в микрорайонах 3-1 и 3-2 были заложены первые камни. На смену извилистым переулкам пришли широкие магистрали по образу и подобию Москвы.

Аналогичным образом развивался Славутич, миссией которого было заменить город Припять, пострадавший от радиации при аварии на Чернобыльской атомной станции в 1986 году. Славутич изначально предназначался для проживания ра-

ботников, занятых в строительстве и эксплуатации АЭС. К моменту трагедии город еще не дорос до предполагаемого числа жителей в 80.000 человек, так что и по сей день северо-восточные районы города остаются незастроенными. Славутич принял своих первых жителей в октябре 1988 г. Сплоченность народов Советского Союза выражалась тогда не только в золотой восьмиугольной звезде, украшавшей герб города, которая с одной стороны напоминает об атомной энергии, а с другой – о восьми советских республиках: Армении, Азербайджане, Эстонии, Грузии, Латвии, Литве, России и Украине. С градостроительной точки зрения, идея объединения усилий восьми республик по строительству города выразилось в разделении города на восемь секторов (ил. 17). Каждый сектор должен был отражать архитектурные особенности «своей» республики: розовый туф в армянском сегменте, восточные арабески на фасадах в азербайджанском, панельное домостроение в русском (Губкина 2016).

Дикий капитализм и авторитарные госструктуры

В 1992 г. наступает очередная важная веха в истории страны – распад Советского Союза. Его правопреемницей становится Россия, которой только еще предстоит найти свою роль в мире. На смену коммунистической доктрине приходит так называемый дикый капитализм. Частные инвесторы, прибегают к международному опыту,

преобразуют городское пространство, в центре Москвы наблюдается резко повысившийся спрос на офисные площади, так как растет количество иностранных предприятий, желающих учредить свое представительство в России. Вслед за этим растут, в отсутствие государственного регулирования, цены на арендное жилье и недвижимость, что делает более выгодными санацию старой застройки и новое строительство. Жилье вблизи центра либо модернизируется, либо преобразуется в коммерческие площади. Коммунистическая градостроительная символика уступает место капиталистической, увеличение стоимости квадратного метра приводит к строительству офисных башен, формирующих новый силуэт города (ил. 18). Карл Маркс писал в «Капитале»: «Сопровождающие рост богатства «улучшения» городов посредством сноса плохо застроенных кварталов, путем возведения дворцов для банков и универсальных магазинов и т. д., посредством расширения улиц для деловых сношений и для роскошных экипажей, путем постройки конок и т. д. быстро вытесняют бедноту во все худшие и худшие и все более переполненные трущобы».⁶

С точки зрения архитектуры, с одной стороны, происходит возврат к дореволюционному периоду, что выражается в копировании форм дореволюционного модерна. С другой стороны, появляются широко распространенные в мире стеклянные фасады. Есть отсылки и к сталинскому ампиру, такие, как построенный в 2006 г. «Триумф-Палас», явно повторяющий архитектуру семи московских высоток 1950-х гг.

Ил. 17. Постмодернистский Соцгород, 1986. После аварии на Чернобыльской АЭС архитекторы в рамках международной дружбы реализовали последний идеальный советский город Славутич. Источник: Архив Славутичского краеведческого музея

Ил. 18. Капиталистический реализм: через десять лет после распада СССР русская архитектура достигла пика экстравагантных замыслов. Жилой дом на Малой Бронной улице был построен Сергеем Ткаченко в 2002 г. Фото: Александр Русов

Вслед за первым этапом строительства, отражавшим стремление походить на Европу (оно же в свое время определило архитектурный стиль Санкт-Петербурга), наступил новый этап, с тяготением к традиционному русскому архитектурному стилю.

Изменения в градостроительном развитии в период с 1992 г. можно наблюдать не только в Москве, но и в других евразийских городах, которые после распада Советского Союза переросли в новые региональные центры. Например, в Нур-Султане (до 2019 г. Астана), некогда носившем название Акмолинск, переименованным в Целиноград в 1961 г. и в Акмолу в 1992 г. и ставшем столицей Казахстана в 1998 г. с переименованием в Астану. Здесь можно провести параллель с переносом российской столицы из Москвы в Санкт-Петербург. После 1991 г. население города

выросло со 150.000 (когда он был Целиноградом) до миллиона в Астане, главным образом, за счет расширения территории на юге. «Стремительные, буквально на глазах происходящие перемены в облике новой столицы, ее новостройки, обустраивающиеся улицы, площади, скверы и парки вызывают искреннее восхищение у гостей города, и у тех, кто был ранее знаком с прежними Целиноградом и Акмолой, и у тех, кто приезжает к нам впервые», — писал Нурсултан Назарбаев, первый президент Казахстана. А вот что он говорил о переносе столицы: «Астана — это символ обновления Казахстана, символ неиссякаемой созидательной энергии его многонационального народа. Это символ веры народа, приступившего в далеко не самые легкие времена к возведению новой столицы, в свои собственные силы. Это символ надежды и уверенности нации, обретшей свободу, в своем процветающем будущем, в будущем своих потомков» (Назарбаев 2005: 17). И снова приходит время для символической архитектуры, инициированной государством, как знак переопределения народа (ил. 19).

Новые интересные здания появились не только благодаря Всемирной выставке ЭКСПО-2017. Но не стоит забывать, что в Казахстане практически нет архитектурных традиций, от которых можно было бы отталкиваться, потому что существовавшая здесь большая часть времени кочевая культура оставила после себя преимущественно религиозные здания и гробницы. Не могут же все здания эксплуатировать облик юрты по примеру торгового центра Хан Шатыр. Поэтому так же, как и в случае с Санкт-Петербургом, возникла потребность в обращении к зарубежной архитектуре. На этот раз в качестве образца было решено взять мегаполисы Азии и Ближнего Востока и «звездную» архитектуру Европы и Америки.

В то время как новые города прошлого, отягощенные уже имеющейся структурой, как бы «отливались» в единую форму согласно придуманной концепции, японский архитектор Кисё Куракава, разрабатывавший с 1997 г. генеральный план Астаны, заложил в него достаточно много свободных пространств для саморазвития города, одновременно обеспечив его всей необходимой инфраструктурой (ил. 20). Этот пример возвращает нас к строительству Славутича, где архитекторы не были ограничены ничем, кроме сетки центральных улиц, и где в итоге соединилось несколько архитектурных стилей, хоть это и был город, построенный по изначально разработанному единому плану.

Генеральный план Астаны, рассчитанный на последующий рост города, предполагает его

⁶ Marx-Engels-Werke, Bd. 23, S. 687.

Ил. 19. Город как лоскутное одеяло: новая архитектура Астаны отчасти выглядит так, будто ее случайно поместили в городское пространство. Фото: Ерболат Шадратов

заполнение зданиями в различных архитектурных стилях. С одной стороны, они могут быть отражением современных тенденций (например, некоторые торговые центры, спроектированы знаменитыми архитекторами), с другой воспроизводятся формы, типичные для Советского Союза, например, жилые дома высотой до двадцати этажей. Особенность таких зданий состоит не в том, как их строят, а в том, как декорируют. Некоторые орнаменты традиционно используются в текстильном и ковровом производстве, что, в свою очередь, является отсылкой к традиционному ткацкому искусству кочевников.

Как и в случае с Санкт-Петербургом, архитектура привносит в город «большой свет». Например, в Астане возводится Белый дом, что является прямой ассоциацией с резиденцией американского президента. Почему? Первый президент Казахстана объяснял это так: «Стараясь

достойно войти в мировое сообщество, было бы неправильно не ориентироваться на все те достижения, которыми сегодня так богато мировое сообщество» (Назарбаев 2005: 127). Этот же принцип выражен в новых технологиях и формах новой архитектуры.

Но почему же была перенесена столица Казахстана? По словам Назарбаева, по исключительно функциональным причинам: «Что же касается Астаны как системного и мобилизующего фактора возрождения Казахстана, то она выполнила свою историческую миссию — своим существованием и новаторством побуждать регионы Казахстана к прогрессу и развитию. Не деструктивная, но мобилизующая сила новой столицы сделала все возможное для того, чтобы пробудить дремлющий потенциал всех регионов Казахстана, инициировав волны прогресса, охватившие не только близкие к Астане города, но и

Ил. 20. Прототип евразийского города: генеральный план Астаны был передан городской администрации в 2001 году японским архитектором Кишо Курокава. Он содержит городское видение до 2030 года

весьма отдаленные» (Назарбаев 2005: 50).

Сохранится ли это тенденция и дальше, покажет только время. Разумеется, проектирование имиджеобразующих зданий было заказано ряду известных архитекторов, в частности Норману Фостеру. Однако высокий уровень архитектуры не выдержан повсеместно. Помимо несоответствий в деталях, которые могут вызывать эстетическое раздражение, это, прежде, всего «кустарное» качество. Керамогранитные фасады девяти-двенадцатиэтажных блочных зданий не отвечают принципам надежного строительства. Кроме того, очевидно, что в пылу строительного бума редко кто задается вопросом, для кого или для чего возводится то или иное здание? Соответствуют ли жилые здания ожиданиям и потребностям жителей?

Аналогичные вопросы правомерны и для Баку, столицы Азербайджана, которая отделена

от Казахстана Каспийским морем. Город с полутора тысячелетней историей находился то в зоне влияния Османской и Персидской империй, то России. Благодаря нефти, которую начали добывать здесь в конце XIX в., из провинциального городка Баку превратился в богатый мегаполис, современный силуэт которого также во многом определяется небоскребами (ил. 21). Историческая застройка представлена исламским центром города, Девичьей башней XIII в. и виллами. После распада Советского Союза характерной чертой города также стало смешение стилей — рядом стоят здания, спроектированные всемирно известными архитекторами, и монументальные мечети.

В общий ряд евразийских мегаполисов с эклектической архитектурой можно поставить и столицу Туркменистана Ашхабад, в котором широкие бульвары в обрамлении беломраморных

Ил. 21. «Говорящая» архитектура в Баку: Музей ковров лежит как рулон на фоне небоскребов, имитирующих пламя горячей нефти. Источник: iStock (railelectropower)

зданий с золотыми орнаментами сочетаются с такими курьезами как «зебра» с подсветкой вблизи Президентского дворца, куда проезд частного автотранспорта в принципе запрещен. И над всем этим возвышается Дворец бракосочетаний. Ашхабад был основан в конце XIX в. на краю пустыни как российское приграничное военное укрепление вблизи иранской границы, а затем почти полностью разрушен землетрясением в 1948 г. Как и Астане, Ашхабаду приходится заново избрывать архитектурные традиции (ил. 22).

Евразийский город будущего

Итак, для нас по-прежнему открытым остается вопрос, какими же чертами будет наделен евразийский город будущего? Если мы намерены продолжить дискуссию о типологии евразийских городов, нам стоит разобраться в нескольких ключевых факторах, которые автор выдвигает на всеобщее обсуждение.

Политическое влияние

Несмотря на то, что архитекторы и градостроители не имеют возможности влиять на политические условия, в рамках которых они работают, нам следует попытаться учесть влияние конкретной политической ситуации на формирование городской структуры. Можно сказать, что многие евразийские города сегодня балансируют между демократией и «политикой сильной руки». В настоящее время имеют место полити-

ческие условия, которые среди прочего позволяют относительно быстро реализовывать крупные строительные проекты. Исходя из традиционных для евразийского мировоззрения представлений о том, что проще построить новый город, чем перестроить старый, можно спрогнозировать дальнейшую реализацию утопических проектов – в противовес «западной» тенденции к точечным изменениям и локальной застройке внутригородских территорий с изменением характера их использования. Но, чтобы обеспечить долговременный успех реализующихся проектов, власти все же придется предусмотреть как важный фактор участие в них граждан, мнение которых раньше все еще практически не влияет на процесс принятия решений.

Влияние капитализма и особенности городской структуры

Сегодня многие евразийские города развиваются в условиях дикого капитализма или его переходной формы. Правительство распределяет участки между инвесторами, но дальнейшее развитие этих территорий находится в частных руках и практически не контролируется. В приоритете остаются стремительные темпы строительства и быстрая окупаемость. Такой подход не может не отразиться на облике города – в то время как значительные средства выделяются на строительство престижных с идеологической точки зрения объектов, находящихся под контролем власти, на периферии, «в чистом поле»,

Ил. 22. «Говорящая» архитектура в Ашхабаде: Стоматологическая клиника по своей архитектурной форме напоминает коренной зуб. Фото: Руслан Мурадов

возводится экономичное и монотонное панельное жилье. Инфраструктура города должна соответствовать его планировочной «шахматной» структуре, типичной для римских полисов и для современных американских пригородов. Что касается транспорта, следует ожидать сохранения ориентации города на автомобильный транспорт, так как поток работающего населения в центр будет увеличиваться: ввиду роста цен на жилье в центре все большее количество жителей предпочитает более дешевые районы на периферии. Именно поэтому проблемы инфраструктуры и качества строительства находятся в центре внимания специалистов в большинстве евразийских городов.

Западное влияние или поиск «своего пути»

Не стоит забывать, что архитектура является одной из важнейших составляющих государственной и территориальной самоидентификации. Как же может выглядеть архитектурный стиль евразийского города? Как показывает история, евразийские города легко поддавались новым зарубежным архитектурным веяниям, особенно если это поддерживалось политиче-

скими установками. Поэтому будет интересно посмотреть, в какой степени Запад продолжит влиять на архитектурный облик. Очень может быть, что в эпоху постоянных противоречий и нарастающей тенденции к отчуждению от Запада, произойдет возврат к собственным традициям и евразийской специфике. В то время как самоидентификация России формировалась столетиями и уже проходила периоды отторжения Европы по причине военного противостояния, другим евразийским странам, переставшим быть спутниками Москвы, это еще только предстоит сделать. Таким образом, наряду со звездной зарубежной архитектурой станет (или уже стал) актуальным поиск собственного архитектурного пути.

Предлагая читателям свой взгляд на типологию евразийского города, автор надеется, что исследователи из разных стран присоединятся к обсуждению этой многогранной и важной темы.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Волтерс 2015 – Волтерс Р. Специалист в Сибири. Пер. с нем. Д. Хмельницкого. Новосибирск: Свинья и сыновья, 2010.
- Губкина 2016 – Губкина Е. Славутич. Архитектурный путеводитель. Berlin: DOM publishers 2016.
- Лыкошин, Череди́на 2017 – Лыкошин И., Череди́на И. Сергей Чернышёв. Архитектор «Новой Москвы». Berlin: DOM publishers 2017.
- Мещераков 1930 – Мещераков Н. Предисловие // Милютин Н. Соцгород: Проблема строительства социалистических городов. М.-Л.: Госиздат, 1930. С. 5-6.
- Мойзер 2019 – Мойзер Ф. Эстетика панельного строительства. Жилищное строительство в СССР: от «оттепели» к эпохе гласности. Berlin: DOM publishers 2019.
- Овидий 1979 – Публий Овидий Назон. Скорбные элегии. Письма с Понта. Пер. с лат. М.: Наука, 1979.
- Назарбаев 2005 – Назарбаев Н. В сердце Евразии. Астана: Атамура, 2005.
- Проперций 1963 – Секст Проперций. Элегии. Пер. с лат. Д. Остроумова // Валерий Катулл. Альбий Тибулл. Секст Проперций. М.: Гос. изд. худ. лит., 1963. С. 245-454.
- Фейхтвангер 1990 – Фейхтвангер Л. Москва 1937. Отчет о поездке для моих друзей. Пер. с нем. // Два взгляда из-за рубежа. М.: Политиздат, 1990. С. 164-259.
- Хмельницкий 2018 – Хмельницкий Д. «Соцгород» Николая Милютина в контексте советской истории // Милютин Н. Проблема строительства социалистических городов. Berlin: Dom publishers, 2018. С. IV-XVI.
- Цвейг 1997 – Цвейг С. Собрание сочинений в 10 т. Т. 10. Пер. с нем. М.: Терра, 1997.
- Düwel 2015 – Düwel J. Neue Städte für Stalin: Ein deutscher Architekt in der Sowjetunion. Berlin: DOM publishers, 2015.
- Harris 1970 – Harris Ch. D. Cities of the Soviet Union, Chicago, 1970.
- Meuser 2015 – Meuser Ph. Die Ästhetik der Platte. Wohnungsbau in der Sowjetunion zwischen Stalin und Glasnost. Berlin: DOM publishers, 2015.
- Milenina 2002 – Milenina E. Probleme der Städte mit einseitig ausgerichteten Wirtschaftszweigen // Die Zukunft der blauen Städte Sibiriens: Voraussetzungen für eine nachhaltige Stadtentwicklung der Städte im sibirischen Norden, Cottbus, 2002.
- Rietdorf 2002 – Rietdorf W. Planung und Bau neuer Industriestädte in der UdSSR // Die Zukunft der blauen Städte Sibiriens: Voraussetzungen für eine nachhaltige Stadtentwicklung der Städte im sibirischen Norden, Cottbus, 2002.
- Siebert 2016 – Siebert K. Das größte staatspolitische Experiment aller Zeiten. Westeuropäische Architekten planen sozialistische Städte in der Sowjetunion // Andri Gerber and Stefan Kurath (eds), Stadt gibt es nicht! Unbestimmtheit als Programm in Architektur und Städtebau, Berlin: DOM publishers, 2016.
- Scholtowski 2015 – Scholtowski I. Über die wahre und die falsche Schönheit in der Architektur // Chmelnizki D. Iwan Scholtkowski: Architekt des sowjetischen Palladianismus, Berlin: DOM publishers, 2015. P. 51-54.

Т. Х. СТАРОДУБ

«КАЛИЛА И ДИМНА» В МИНИАТЮРАХ АРАБСКИХ РУКОПИСЕЙ

Предлагаемая вниманию читателя статья иллюстрирует немногих уцелевших средневековых арабских рукописей сборника басен «Калила и Димна». Одно из широко известных в истории культуры Центральной Азии и Ближнего Востока произведений словесного и изобразительного искусства, переведенное на многие языки мира и получившее широкое распространение как в странах ислама, так и среди европейских народов, это собрание остроумных коротких новелл-иносказаний и в наши дни не утратило своей занимательности и актуальности. Основные персонажи басен – говорящие животные, которые, наряду с людьми, подают примеры как плохих, так и хороших поступков – ведущего к гибели коварства, бескорыстной награждаемой доброты, ошибочных или мудрых решений. Неслучайно сборник назван именами двух шакалов – друзей и антиподов одновременно. Один из них – стремящийся к справедливости, добродушный Калила, другой – строящий козни, хитроумный Димна.

В статье кратко излагается непростая судьба как собственно литературного памятника, погружающего в глубины культуры далекого прошлого, так и его письменного, сопровождаемого иллюстрациями воспроизведения в немногих сохранившихся рукописях, выполненных в разных интеллектуальных центрах и в разное время на протяжении политически сложного периода XIII–XIV вв. Миниатюры, не только украшающие текст, но и поясняющие смысл басен «Калилы и Димны», одновременно поучающих и забавляющих читателя, привлекают внимание своей красочностью и узнаваемостью персонажей. Незамысловатые, порой напоминающие рисунок ребенка картинки, не всегда точно иллюстрирующие текст, позволяют разносторонне исследовать процессы развития не только ограниченно известной книжной живописи эпохи Арабского халифата, но и художественной культуры средневекового мусульманского мира в целом.

Ключевые слова: книжная миниатюра, иллюстрация, арабские рукописи, басни, Арабский халифат, исламский мир, мусульманское средневековье

DOI: <https://doi.org/10.34920/1694-5794-2022.33.007>

Цитирование: Стародуб Т. Х. «Калила и Димна» в миниатюрах арабских рукописей // Вестник МИЦАИ. Вып. 33. Самарканд, 20220. С. 119–133.

Ученые, к какой бы религии они ни принадлежали, не переставали желать, чтобы люди были просвещаемы ими; они употребляли для этого всякого рода ухищрения, желая найти повод для обнаружения склада своих знаний, так что, наконец, следствием одного из таких поводов было составление этой книги на языках домашних животных и птиц...

(Калила и Димна 1889: 32)

О читающий книгу «Калила и Димна», изучай ее долго и терпеливо, не поддавайся утомлению и скуке, вылавливай перлы мудрости из океана речи. И не воображай, что книга сия составлена лишь для того, чтобы поведать о беседах быка со львом и о проделках неразумных животных, тогда впадешь ты в заблуждение, не постигнув подлинную цель книги...

(Ибн аль-Мукаффа 1987: 63)

СРЕДИ немногих уцелевших иллюстрированных арабских манускриптов, содержащих широко известные в свое время произведения художественной литературы, особое место принадлежит сборнику басен «Кали-

ла и Димна». И не только как шедевру древней и средневековой словесности, обязанному своими достоинствами не одному, а многим языкам и народам Востока и Запада, но и как литературному источнику, который дал жизнь вариантам

Ил. 1. Калила (справа) и Димна (слева). Сирия (?). 1-я четверть XIII в. Национальная библиотека Франции, Париж. Agabe 3465, фолио 48r.

иллюстрированной рукописной книги исламского мира. Менее известные, чем литературные особенности текста сборника, изданного в переводах на языки многих народов, средневековые рукописи басен, расцвеченные занимательными иллюстрациями, заслуживают внимательного исследования и как памятник художественной культуры, и как яркий пример существования и развития изобразительного искусства в ойкумене мусульманского средневековья.

Предлагаемая вниманию читателя статья о миниатюрах пяти известных рукописей XIII–XIV вв., содержащих арабский текст басен «Калила и Димна» и дошедших до наших дней в большей или меньшей сохранности, ограничена обзором богатого иллюстративного материала, в действительности, заслуживающего всестороннего монографического исследования. Расцвечивающие одно из самых популярных среди населения Машрика и Магриба¹ литературных

¹ Машрик (араб. – «там, где восход», восток), в ранне-средневековой арабской географии, основанной на трудах Птолемея, – северо-восточная четверть шарообразной Земли; позднее – территории за пределами Аравии, лежащие в вос-

сочинений далекого прошлого, как поучающих, так и забавляющих читателя, миниатюры привлекают внимание к сборнику не только как к источнику мудрости и развлечения, но и как к предмету научных исследований. Красочные картинки с переходящими от одной к другой узнаваемыми и / или вновь вводимыми персонажами, похожие и разные по стилю изображения, характеру рисунка, отношению к цвету и линии, по степени владения мастерством живописца, рисовальщика и / или каллиграфа позволяют разносторонне исследовать процессы развития как малоизвестной и, по ошибочным представлениям, вовсе не существующей в исламском мире книжной живописи, так и художественной культуры мусульманского средневекового мира в целом (ил. 1).

* * *

Сборник басен «Калила и Димна» – неиссякаемый клад народной мудрости – получил необычайно долгую жизнь и чрезвычайно сложную «родословную», охватывающую обширные и разные регионы. Исторические корни рассказов, в которых главными действующими лицами выступают животные, берут начало в неопределенно далекой центральноазиатской древности, слагаясь из тысячелетних сплетений разных языков и событий и разрастаясь во множестве вариантов. Приспосабливаясь к чужеземным, малознакомым или вовсе неизвестным традициям, меняя имена и названия, короткие, но яркие басни-рассказы и их персонажи проникали в фольклор и литературу многих народов мира.

Появление этой книги в арабском варианте остается загадкой и темой дискуссий с эпохи ранних мусульманских государств и становления арабо-исламской словесности. Персо- и арабоязычный ученый-энциклопедист и мыслитель Абу Рейхан Бируни (973–1048) в своем фундаментальном труде «Индия», сокрушаясь, что не смог объять «своим знанием» неисчисляемое множество индийских научных книг, писал: «Как бы мне хотелось осуществить перевод книги “Панчатантра”², которая известна у нас как “Книга Кали-

точном направлении от Мекки, и / или земли к востоку от Египта. Магриб (араб. *аль-Магриб* – «там, где закат», запад), в эпоху средневековья – арабское название стран Северной Африки (к западу от Египта) и Андалусии (мусульманской Испании).

² «Панчатантра» (санскр. букв. – «пять принципов житейской мудрости»; «обработанный», «совершенный»), памятник санскритской литературы III–IV вв.; предположительно более поздняя, с изменениями, редакция древнеиндийских притч (не сохранились). Состоит из пяти занимательных и поучающих книг; их персонажи – животные, поступки и

Ил. 2. Мудрец Бурзое в пути за Книгой. Египет(?). Около 1310 г. Баварская государственная библиотека, Мюнхен. Cod.arab. 616, фолио 21r.

лы и Димны». Она была переведена с индийского на персидский, а затем с персидского на арабский язык людьми, на которых нельзя положиться, что они не подвергли ее изменениям...» (Бируни 1995: 166). Из «людей, на которых нельзя положиться» в отношении верности перевода древней книги «житейской мудрости», аль-Бируни называет лишь Абдаллаха ибн аль-Мукаффу – первого (насколько известно) переводчика индийских басен на арабский язык с «персидского», а точнее, со среднеперсидского языка, или *пехлеви*. В дошедшей до нас арабской версии собственно изложение басен «Калилы и Димны» начинается с рассказа о том, как по заданию персидского царя Ануширвана известный своей «образованностью и глубокими познаниями в науке врачевания» мудрец Бурзое тайно отправился в «индийские земли» за книгой, которую «считают основой всех знаний и началом всех наук» и берегут «в сокровищницах пуще собственного ока» (Ибн аль-Мукаффа 1986: 45) (ил. 2).

История переложения на восточные и европейские языки древности и средневековья уникального древнего литературного памятника,

получившего широкую известность как «Книга Калилы и Димны»³, или «Басни Бидпая»⁴, подробно изложена в первом фундаментальном научном русском издании, подготовленном и осуществленном в 1889 г. выходцем из Сирии лингвистом-востоковедом М. О. Аттая⁵ – преподавателем родного ему арабского языка, и М. В. Рябининым – арабистом, тогда еще студентом Лазаревского Института Восточных языков⁶ (Калила и Димна 1889: I–II). Доклад, прочитанный авторами этой замечательной работы на заседании Восточной комиссии Императорского московского археологического общества 20 апреля 1889 г. и предваряющий русский перевод книги, и сегодня поражает своей актуальностью, смелыми выводами и широтой охвата научного материала.

Не ограничиваясь собственно переводом басен «Калилы и Димны», авторы прослеживают происхождение и почти сказочную историю шествия по миру этого уникального произведения. Как им удалось установить, «сборник басен и повестей, предлагаемый читателю в переводе с арабского, пользовался во все время громадную популярностью у всевозможных национальностей, находя такое число читателей, какого не имела, пожалуй, ни одна книга за исключением разве Библии... Зародившись на Востоке, обязанный своим происхождением буддизму, обширный склад индийских повестей и басен постепенно распространялся в целом, а иногда и в отрывочном виде, по тем странам, куда только проникала религия Будды... Мало-помалу с ним познакомился Тибет, потом Китай, наконец Монголия». В результате «этому древнему литературному складу оставалось сделать только шаг, чтобы оказаться в Европе», что и произошло в «период двухсотлетнего господства монголов в России», когда население Восточной Европы довольно активно знакомилось с замечательными индийскими баснями, занесенными завоевателями» (Калила и Димна 1889: III–IV).

³ Калила и Димна, имена двух шакалов, главных персонажей, «переходящих» от басни к басне. В «Панчатантре» они прочитываются как Каратака и Даманака (Калила и Димна 1957: 9).

⁴ Бидпай, или Пильпай, или Байдаба, или Бейдеба, по-разному передаваемое в разных переводах книги «Калила и Димна» – имя легендарного философа-брахмана, которому приписывают авторство сборника древнеиндийских притч – предположительного источника «Панчатантры».

⁵ Аттая Михаил Осипович (1852–1924), российский востоковед арабо-сирийского происхождения. С 1873 г. – преподаватель арабского языка, каллиграфии и мусульманского права в Лазаревском институте восточных языков (Санкт-Петербург).

⁶ Краткие сведения см.: URL: https://bigenc.ru/domestic_history/text/2131426

образ жизни которых отражают нравы и поведение людей (Панчатантра 1989).

Успех этого процесса переводчики объясняют двумя причинами. Одну они находили в распространении книги «почти исключительно устным путем». Другую видели в том, что по мере проникновения в Европу «индийские сказки получили громадную способность передвижения благодаря... блестящей обработке, которую книга “Калила и Димна” получила на почве ислама», к тому же на его /ислама/ языке – арабском, «который вдруг в короткое время стал раздаваться как в Багдаде, так и на берегах Гвадалкивира». И не случись этого арабского варианта, «трудно сказать, какой духовной пищи и какого наслаждения были бы лишены европейские народы в течение долгих веков» (Калила и Димна 1889: V–VI).

Как удалось установить исследователям-переводчикам, арабская версия «Калилы и Димны», выполненная в середине VIII в. Абдаллахом ибн аль-Мукаффа, послужила основой для перевода басен на еврейский язык, а с него на латинский, который инициировал появление итальянского, чешского и немецкого вариантов. В свою очередь, на немецкой версии базировались «датская, голландская и, отчасти, испанская». На основе арабского перевода возник также греческий вариант, от которого происходят «все славянские версии, и одна итальянская», и переведенная непосредственно с арабского языка испанская редакция. «Вот эскиз, – заключают Аттая и Рябинин, – распространения потомства арабской “Калилы и Димны”, в то время как пехлевийская редакция, дав рождение... древней сирийской версии, оставшейся бездетной, сама угасла, притом до такой степени, что до сих пор нельзя отыскать ее следов» (Калила и Димна 1889: VI).

Что касается русского варианта 1889 г., то, как сообщают его создатели, для перевода они воспользовались критическим арабским текстом, изданным в 1816 г. французским востоковедом Сильвестром де Саси⁷ (Калила и Димна 1889: II).

В XX в. увидели свет два других перевода на русский язык арабского сборника басен. Один из них, выполненный академиком И. Ю. Крачковским и молодым арабистом И. П. Кузьминым, жизнь которого внезапно оборвалась в 1922 г., пережил два издания. К первому, 1934 г. (ныне библиографическая редкость), предисловие написал сам Игнатий Юлианович. Второе издание, 1957 г., читателю представил авторитетный иранист и тюрколог, проф. Евгений Эдуардович Бертельс (1890–1967) (Калила и Димна 1957: 5–12).

Источником для перевода Крачковского и Кузьмина послужил опубликованный первоначально в 1905, затем переработанный и улучшенный в 1923 г. критический арабский текст одного полностью сохранившегося списка (Калила и Димна 1957: 11). Это была работа французско-ливанского арабиста Луи Шейхо (1859–1927), священника и профессора Университета св. Иосифа в Бейруте, которого называли «Султаном арабского языка» (Herzstein 2015: 249). В поисках старых рукописей в монастырях Ливана в одном из них – греко-мелькитской обители Дейр аш-Шир в 30 км к юго-востоку от Бейрута, среди манускриптов, довольно обычных для монастырских библиотек, участникам его экспедиции, по словам Л. Шейхо, «посчастливилось овладеть арабской версией “Калилы и Димны”, которая, однако, не будучи очень древней, относится к эпохе старейших рукописей, к тому же, с тем преимуществом, что является полной и несет конкретную дату». Кодекс, выполненный на «крепкой», неповрежденной бумаге размером 19 × 13 см, насчитывает 258 страниц, заполненных каждая 17-ю строчками «элегантного и очень четкого *насха*». На его последней странице сообщается, что работа над рукописью была закончена в «шестой день Раджаба 749 года хиджры, который соответствует 1339 году нашей эры» (Kalilah et Dimnah 1905: 24)⁸.

Другой русский перевод арабской версии басен полностью, включая предисловие и комментарий, был подготовлен арабистом, филологом и поэтом Бетси Яковлевной Шидфар (1928–1993) и издан в 1986 г. (Ибн аль-Мукаффа 1986: 3–20, 298–302). Помимо высоких литературных достоинств, это издание отличается не только новизной научных решений и толкований, но и предвидением долгой жизни древнего сборника басен как уникального и глубоко нравственного творения человечества. По-прежнему справедливы слова исследовательницы: «Работа над интереснейшим средневековым памятником продолжается до настоящего времени... Ученые и переводчики всех стран мира принимают участие в подготовке изданий, сверке рукописей и комментировании “Калилы и Димны”. Библиография исследований и изданий рукописей “Калилы и Димны” поистине неисчерпаема... /и/ настолько увеличилась, что составит теперь объемистый том, объединяющий работы на самых разных языках» (Ибн аль-Мукаффа 1986: 8).

В «Предисловии» к своему переводу сборника Б. Я. Шидфар дополняет и расцвечивает новыми

⁷ Сильвестр де Саси, Антуан Исаак (Antoine-Isaac Silvestre de Sacy. 1758–1838), французский востоковед, специалист по арабской грамматике, переводчик, автор ряда трудов по культуре мусульманского мира.

⁸ URL: <https://archive.org/details/laversionarabed00cheigoog/page/n35/mode/2up?view=theater> (дата обращения: 23.05.2022)

красками известные факты распространения по миру арабского варианта басен. «Особую популярность, – отмечает исследовательница, – “Калила и Димна” получила примерно через триста лет после своего появления, в XI в., когда к арабской литературе, особенно к ее художественной прозе, проявили интерес ближайшие соседи арабов – византийцы. Около 1080 года византийский прозаик Симеон Сиф перевел “Калилу и Димну” с арабского на греческий язык, дав ей название “Стефанит и Ихнилат” (букв. “Увенчанный и Следопыт”). По мнению Б. Я. Шидфар, переводчик прочел имя «Калила» как производное от арабского слова иклиль – «венец», а Димна – от слова со значением «остатки кочевья». Отстаивая литературную самостоятельность арабского варианта «Книги басен» (в сравнении с доисламскими версиями – древнеиндийской и персидской), исследовательница подчеркивает его иную идеологическую и нравственную концепцию: «В отличие от “Панчатантры”, “Калила и Димна” – вполне современная книга. Ее философско-этическая основа близка к исламу, в том числе к его мистическим (суфийским) течениям... и может быть истолкована в совершенно светском духе как этико-нравственное руководство». Завершая «Предисловие», Б. Я. Шидфар обращает внимание читателя на то, что имя Ибн аль-Мукаффа, который перевел «Калилу и Димну» с персидского на арабский язык, помещено ею на обложке книги как имя автора. Она объясняет это тем, что «в переводе содержится значительный авторский труд».

Действительно, Ибн аль-Мукаффа написал собственное «Предисловие» – по сути, самостоятельное, хотя и короткое сочинение, в котором то или иное одобряемое или осуждаемое поведение человека тут же иллюстрируется соответствующей притчей. Кроме того, полностью или частично его перу принадлежат несколько глав. Помимо авторского вклада Ибн аль-Мукаффа, Б. Я. Шидфар подчеркивает, что благодаря его особому писательскому дару «именно “Калила и Димна”, а не “Панчатантра” обошла весь мир, оказав огромное влияние на литературы многих стран, породив массу подражаний и переделок, /и/ превратилась в произведения многих жанров, вдохновив авторов стран Европы, Азии, Африки в разные века писать о том же, о чем повествует “Калила и Димна”» (Ибн аль-Мукаффа 1986: 7–20).

Следует отметить, что это не единственный прецедент подобной трактовки. В каталожных описаниях нескольких рукописей «Калилы и Димны», датированных по-разному и хранящихся в известных музейных и библиотечных собраниях мира, автором этого сочинения назван именно Абдаллах ибн аль-Мукаффа.

Кем же был этот человек, с чьим именем неразрывно связана арабская версия книги «Калила и Димна»? Аттая и Рябинин характеризуют его (со ссылкой на разных авторов) как «знаменитого в истории арабской литературы деятеля», «красноречивого писателя и изящного поэта», знатока пехлеви и переводчика многих «пехлевийских сочинений» и, возможно, «самого великого авторитета в классическом арабском языке» (Калила и Димна 1889: XXVIII–XXIX). Из сообщений Ибн Халликана⁹ и краткой информации, предоставленной читателю в некоторых трудах историков-арабистов XX в., следует, что Ибн аль-Мукаффа жил в середине VIII в. (ок. 723 – ок. 759)¹⁰, происходил из Фарса – провинции на юго-западе Ирана и принадлежал к богатому и влиятельному персидскому роду. При рождении он получил имя Рузбих сын Дадое, вырос в зороастрийской среде, но принял ислам и получил мусульманское имя Абдаллах – «слуга Бога». Свое специфическое прозвище – Ибн аль-Мукаффа он получил как сын человека с «перекрученной рукой» (аль-мукаффа), поскольку у его отца, чиновника высокого ранга, который ведал сбором податей, в результате проверки пыткой одна рука была искалечена. Образование и прекрасное знание арабского языка и литературы Ибн аль-Мукаффа получил в иракской Басре – важнейшем культурном центре Арабского халифата. К несчастью, этот на редкость талантливый человек, блестящий переводчик с нескольких языков, поэт и писатель, жил недолго, только 36 лет. Втянутый в политические интриги и перешедший на сторону шиитов – непримиримых противников правящей суннитской династии Аббасидов – он вызвал яростный гнев халифа аль-Мансура, правившего в 754–775 гг., и был подвергнут жестокой казни (Калила и Димна 1889: XXVI – XXIX; Ибн аль-Мукаффа 1986: 11–20).

Арабская версия басен «Калила и Димна», созданная Ибн аль-Мукафзой как переводчиком и соавтором, приобрела необычайно широкую популярность. Занимательное и поучительное содержание этой книги стимулировало не только охотное копирование ее текста в рукописных мастерских исламского мира на протяжении столетий, но и сопровождение каждой басни красочными картинками. Иллюстрированные рукописи

⁹ Ибн Халликан или Хелликан (1211–1282), арабский писатель, историк и правовед из персидского рода Бармакидов; автор биографического словаря правителей (кроме халифов), сановников, ученых, поэтов.

¹⁰ Даты жизни Ибн аль-Мукаффы приводятся каждым автором по-разному, в диапазоне от 720–775 гг. до (по Ибн Халликану) 725–760 гг.

Таблица I: Ил. 3–4.

Египет, X–XII век. Из раскопок города Фустата. Метрополитен-музей. Нью-Йорк

Ил. 3 а, б. «Лев» и «Заяц». XI–XII вв. Рисунки на лицевой и оборотной стороне листа бумаги.

AN: 54.108.3.

Ил. 4. «Петух». Рисунок на бумаге. X–XI в.

AN: 54.108.1.

этого сочинения сохранились в большем количестве и в лучшем состоянии, чем манускрипты другой тематики, предоставляя тем самым обширный материал для изучения истории книжной миниатюры исламского мира.

Иллюстрирование басен, судя по замечанию Ибн аль-Мукаффа в его «Предисловии», было изначально одной из составляющих арабской

версии, воспринятой, по-видимому, из пехлевийского источника и сасанидской традиции. Озабоченный верным пониманием смысла своего труда и его дидактической направленности как «княжеского зеркала», Ибн аль-Мукаффа обращает внимание «читающего эту книгу» на необходимость того, чтобы главной целью читателя было не «рассматривание ее рисунков, но внимание к заключающимся в ней басням». Из перечисленных им четырех задач сборника басен первой, «к которой стремились при составлении книги на языках животных неговорящих», было увлечь баснями и притчами «шутливых людей из среды молодежи». Второй задачей он называет «представление воочию изображений животных различными красками и колерами» с тем, чтобы привлечь к ним сердца царей и усилить «стремление их к книге... вследствие наслаждения», которое эти рисунки доставляют. Третью задачу книги «Калила и Димна» Ибн аль-Мукаффа видел в том, чтобы она стала интересна «и царям, и купцам, переписка ее вследствие этого усилится, она сама

Таблица II:

Сирия. 1-я четверть XIII века. Национальная библиотека Франции. Париж Arabe 3465

Ил. 5. «Царь на троне». Фронтиспис рукописи. Сирия (?). Национальная библиотека Франции. Париж, фолио 34r.

Ил. 6. «Мудрец Байдаба и Царь Дабшалим» (Байдаба попросил: «О царь, прикажи переписать эту книгу, как делали твои славные предки, и беречь ее как зеницу ока»), f.14v

Ил. 7. Притча о цапле, раке и рыбах («Не уподобляйся цапле, которая пожелала убить рака, но сама погибла»), фолио 57r.

Ил. 8 «Лев, побеждающий быка Шатрабу», фолио 71v.

Ил. 9 «Расследование дела Димны», фолио 77r.

не пропадет и не изотрется», в результате чего «будет вечно приносить пользу и живописцу, и переписчику». Постановку четвертой задачи он считал «отдаленной» и предназначенной «исключительно и специально для философов» (Калила и Димна 1889: 40–42; более конкретный вариант перевода – Ибн аль-Мукаффа 1986: 64).

В «Предисловии» Ибн аль-Мукаффы особенно важно для нас указание на специальность живописца-иллюстратора как одного из двух главных (и, следовательно, равных по значению) исполнителей книги. Это указание косвенно, но вполне убедительно свидетельствует о том, что в период жизни писателя, то есть во II веке хиджры (VIII в. н. э.) сопровождение арабского текста рисунками, наглядно представляющими читателю героев литературного произведения, не было ни редким, ни исключительным. Правда, до сих пор единственными дошедшими до нас ранними примерами арабской книжной иллюстрации, тематически близкой басням о животных, остаются обнаруженные в раскопках Фустата в Египте эпохи Фатимидов¹¹ три фрагментарных рисунка на бумаге – льва и зайца на лицевой и оборот-

ной стороне одного листа¹² (Hoffman 2000: 39) и красочное изображение петуха из разрозненной рукописи X–XI вв. трактата о зоологии (Таблица I: ил. 3a, b; 4).

Самая ранняя известная иллюстрированная копия сборника басен «Калила и Димна», хотя и не полная, с большим числом реставрированных и переписанных черными чернилами на новой бумаге листов, хранится в Национальной (в прошлом – Королевской) библиотеке Франции в Париже (BnF; шифр: Arabe 3465)¹³. По мнению исследователей, рукопись была выполнена в первой четверти XIII в. и, вероятнее всего, в Сирии (Ettinghausen 1962: 61), в эпоху правления там династии Айюбидов (1180-е гг. – сер. XIII в.). Страницы рукописи (28 × 21,5 см) заполнены каждая пятнадцатью ровными строками текста, изначально написанного коричневыми чернилами довольно четким и ясным почерком *nasx* с огласовками. Названия глав, замкнутые в узких прямоугольных панелях, поверх растительного орнамента золотом по черному фону, были выведены белыми, которые, однако, частично стерлись или осыпались. Именно этот манускрипт в свое время послужил Сильвестру де Саси источником для реконструкции арабского текста басен.

В современном виде парижская рукопись Arabe 3465 насчитывает 146 двухстраничных фолио, содержащих 98 красочных миниатюр, включая 8 новых, добавленных в начале и в конце книги и, судя по различию манеры, выполненных позднее, двумя или более художниками. Как и в других ранних манускриптах, иллюстрации размещены на странице произвольно, не ограничены рамкой или бордюром и при необходимости свободно вторгаются в зону текста. Только две композиции занимают страницу целиком – поздняя миниатюра с изображением прихода к царю врача Барзуи (f. 25 v) и «классическая», выполненная красками и золотом тронная сцена (Таблица II: ил. 5), которую проф. Ричард Эттингхаузен – автор первой и пока единственной историко-аналитической монографии «Арабская живопись», справедливо определил как фронтиспис этой рукописи (Ettinghausen 1962: 61). Следующие две страницы (34v и 35r), полностью занятые нарядно оформленным «Содержанием» с перечислением по порядку наименований глав сборника, подтверждают предположение, что в результате

¹¹ Фатимиды, арабская династия халифов-исмаилитов, правили в Египте в 969–1171 гг.

¹² Фрагмент из зоологического трактата «Мантык аль-вахш» [Mantiq al-wahsh] («Язык зверей»), автор – Ка'б аль-Ахбар [Ka'b al-Ahbar] (ум. 32 г. х. / 652–653 гг. н. э.)

¹³ URL: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b84229611/f18.image.r=Kal%C3%AEl%20et%20Dimna> (Дата обращения: 02.02.2022)

Таблица III:

Сирия или Египет. 1350–60 гг. Национальная библиотека Франции. Париж. VnF. Arabe 3467
Ил. 10. «Заяц и Лев» (Притча о Зайце, который хитростью одолел Льва и спас от гибели свое племя),
фолио 30v.

Ил. 11. «Крыса спасает голубей, пойманных в сеть», фолио 63r.

Ил. 12. «Налет» («Совы налетели на дерево, разорили вороны гнезда, перебили великое множество ворон
и увели в плен жен и детей»), фолио 66v.

Ил. 13. «Заяц и Слон у Лунного источника» (Притча о Зайце, «который объявил, что луна – его повелитель,
дабы отвлечь от себя беду»), фолио 71r.

Таблица IV: «Вороны и совы» Национальная библиотека Франции, Париж («Вороны... разожгли огонь у входа в пещеру, и все совы погибли»).

Ил. 14. 1200–1225 гг. Arabe 3465, фолио 106v.

Ил. 15. 1350–60 гг. Arabe 3467, фолио 78v.

Ил. 16. 1354. Роскоце 400, фолио 107a.

переплетения рукописи заново, эти фолио по той или иной причине были переставлены. Практически все композиции, построенные как мизансцены с выведенными на первый план участниками действия, понятно и убедительно иллюстрируют суть басни или притчи. Почти над каждым персонажем, будь то человек, птица или животное, помещена краткая, называющая его надпись (Таблица II: ил. 6–9).

Вторая в собрании парижской библиотеки иллюстрированная рукопись «Калилы и Димны» – Arabe 3467, согласно каталогу, создана в 1350–60 гг. По некоторым признакам, отличающим искусство книги эпохи Мамлюков (1250–1517), предполагают, что это работа мастеров Сирии или Египта. Р. Эттингхаузен датировал парижскую Arabe 3467 второй четвертью XIV в. и так же, как Arabe 3465, предположительно, относил к Сирии (Ettinghausen 1962: 198). К сожалению, заглавие и колофон рукописи утрачены¹⁴. В современном

¹⁴ Многие листы Arabe 3467 исчезли или значительно пострадали; фолио 1, 8, 12-13, 18, 20, 27, 31, 35, 37–38, 44, 64, 82–84, 113–115 были заменены. В 1938 г. рукопись была расшита для экспонирования на выставке и собрана заново в 1947 г. URL: <https://gallica.bnf.fr/view3if/ga/ark:/12148/btv1b84152188> (дата обращения: 23.05.2022)r=arabe+3467.langFR (Дата обращения 03.02.2022).

виде Arabe 3467 насчитывает 119 фолио из «восточной бумаги» размером 30 x 23 см, с текстом, написанным почерком *nasx* и на пятидесяти фолио уступающим часть страницы красочным иллю-

Таблица V: Притча о нашедшем клад и носильщиках.

Ил. 17. 1350–60 гг. Национальная библиотека Франции, Париж. Arabe 3467, фолио 2r.

Ил. 18. Египет (?). Баварская государственная библиотека, Мюнхен. Cod. arab. 616, фолио 27v

страциям¹⁵. Особенно выразительны миниатюры драматического содержания, передающие суть басни, предупреждающей читателя о превратностях судьбы и подстерегающей неразумного человека опасности, в одной, мастерски построенной композиции (Таблица III: Ил. 10–13).

Нетрудно заметить, что по избранным темам, цветовой гамме, характеру и манере исполнения многие миниатюры обеих парижских рукописей «Калилы и Димны», несмотря на разделяющие их 120–130 лет, кажутся выполненными в одном центре или, по крайней мере, в одной традиции. Похожесть миниатюр, иллюстрирующих не только в этих двух, но и в других арабских списках сборника басен один и тот же сюжет, наводит на мысль об осознанной, продиктованной средневековой этикой ориентации художников на хорошо им известные признанные образцы мастеров прошлого и, как следствие, рождает предположение, что дошедшие до нас иллюстрированные манускрипты – лишь малая часть продукции библиотечных мастерских средневековых мусульманских княжеств. Среди подтверждающих эту догадку примеров особенно убедительны (несмотря на некоторые различия в композиции, трактовке темы и мастерстве исполнения) иллюстра-

ции двух парижских рукописей к главе о вражде воронов и сов (Ибн аль-Мукаффа 1986: 167–189). (Таблица IV: Ил. 14–16). Миниатюры на эту тему включены во все пять списков «Калилы и Димны» XIII–XIV вв. и, независимо от вариантов трактовки сюжета, легко узнаваемы без подписей и объяснений.

Иллюстрации парижской рукописи Arabe 3467 по подбору сюжетов, композиции, цветовой гамме близки миниатюрам более раннего списка, хранящегося в Баварской государственной библиотеке в Мюнхене (BSB, cod. Arab. 616)¹⁶. Датированный приблизительно 1310 годом и, согласно каталогу этой библиотеки, он мог быть выполнен в Египте. Предположение такой атрибуции отчасти, видимо, продиктовано французской надписью в экслибрисе на титульном листе рукописи: «Отчет из Каира Ж.-Ж. Марселя». Автор «отчета» Жан-Жозеф Марсель (1776–1854) был печатником, инженером и ученым, который в составе Комиссии наук и ремесел сопровождал Наполеона в кампании 1798 года в Египет. Вероятно, в тот период рукопись была приобретена им в Каире и впоследствии оказалась в Королевской библиотеке Мюнхена, о чем свидетельствует едва

¹⁵ Три миниатюры Arabe 3467 (фолио 1v, 64r и 64v) в каталоге BnF указаны как добавленные позднее.

¹⁶ Вторая иллюстрированная рукопись басен «Калила и Димна» в Баварской библиотеке (BSB Cod. Arab. 615) датируется XVI–XVII в. и здесь не рассматривается.

Таблица VI. Притча о собаке и ее отражении. Ил. 19. 1200–1225 гг. Национальная библиотека Франции, Париж. Arabe 3465, фолио 40v. Ил. 20. Баварская государственная библиотека, Мюнхен. Cod. arab. 616, фолио 38v. Ил. 21. XIV в. Библиотека Паркера, Кембридж. MS 578.

различный овальный штамп над начертанным позднее (вероятно, новым владельцем) трехцветным арабским заглавием: «Это книга Калилы и Димны».

Кодекс Баварской библиотеки, содержащий 129 фолио размером 25,5 × 18,5 см, включающих 73 текстовые иллюстрации, изначально был переписан на относительно тонкой, но плотной

бумаге. Подобно парижским рукописям, он пережил сложную реставрацию: первые 16 фолио были заново переписаны на более толстой и светлой бумаге черными чернилами, резко контрастирующими с жирными красными точками, разделяющими отдельные фразы. Оригинальные страницы, большей частью дублированные на «подкладках», начинаются с фолио 17v. Основной

Ил. 22. «Черепаша и утки». XIV в. Библиотека Паркера, Кембридж. MS 578.

текст написан коричневато-черными чернилами; названия глав и небольших разделов выделены красной тушью. Практически каждую иллюстрацию мюнхенской рукописи Cod. 616, как и в парижской Arabe 3467, сопровождает краткое пояснение, расположенное вдоль боковой стороны миниатюры и, судя по некоторым различиям в почерке, возможно, выполненное другим писцом или добавленное позднее.

Как и во многих других ранних рукописях, текстовые иллюстрации парижских и мюнхенского списков сборника басен «Калилы и Димны» не ограничены рамками, которые здесь лишь подразумеваются благодаря умелому акцентированию вертикалей и горизонталей рисунка. По общему впечатлению, иллюстрации всех трех манускриптов выполнены в той традиции книжных миниатюр XIII века, которая сформировалась, предположительно, в сирийских художествен-

ных центрах, отчетливо заявила о себе в ранней парижской рукописи Arabe 3465 и успешно развивалась в следующем столетии в библиотечных мастерских мамлюкского Египта и Сирии.

По выбору сюжетов, построению рисунка и характеру цветовой гаммы миниатюр к стилистической группе парижского и мюнхенского списков XIV в. следует отнести и выделяющиеся свежестью палитры, мастерством и точностью рисунка иллюстрации рукописи «Калилы и Димны» в собрании Бодлианской библиотеки в Оксфорде (шифр Roscoe 400)¹⁷. Справедливость объединения миниатюр этих трех рукописей в одну стилистическую группу наглядно подтверждается на

¹⁷ Входит в состав коллекции восточных рукописей ориенталиста и библеиста Эдварда Покока (Edward Roscoe; 1604–1691). URL: <https://digital.bodleian.ox.ac.uk/objects/8face4cc-d7dc-4ec6-8315-64b8c171dd76/> (просмотр справа налево; дата обращения 24.05.2022).

редкость похожими по композиции и цветовому решению иллюстрациями к притче о человеке, случайно нашедшем клад золотых и серебряных монет и неразумно доверивший ценный груз двум носильщикам (*Ибн аль-Мукаффа* 1986: 56) (Таблица IV. Ил. 17, 18).

Оксфордский манускрипт, в каталоге датированный 1354 годом, но без предположения какой-либо атрибуции, содержит 148 фолио, дублированных в реставрации на новую основу и включающих 77 миниатюр. Текст, выполненный черными чернилами почерком *насх* с огласовками и диакритическими знаками, в отличие от парижских и мюнхенского списков, обведен образующей прямоугольную рамку тонкой красной линией. Основному содержанию рукописи предпослано своего рода Оглавление пятнадцати глав¹⁸, каждой – со словесным порядковым номером, выведенным золотом, и кратким описанием содержания. Собственно в тексте названия глав выделены золотыми, а пояснительные надписи к миниатюрам – красными чернилами.

Все четыре иллюстрированные рукописи – обе парижских, мюнхенская и оксфордская, дают основание полагать, что в Сирии и / или в Египте XIII–XIV вв. работали одна или несколько (возможно, в разные периоды) мастерских по изготовлению иллюстрированных манускриптов. Подобное предположение поддерживают (несмотря на различия в деталях и степени владения мастерством рисовальщика) три близких по художественному решению и похожих по композиции миниатюры, иллюстрирующие притчу о собаке и ее отражении (*Ибн аль-Мукаффа* 1986: 74). (Таблица VI: Ил. 19–21).

Одна из этих трех миниатюр входит в число иллюстраций «исключительно красивого», как сказано в каталоге, списка басен «Калилы и Димны» в собрании Библиотеки Паркера в Колледже Корпуса Кристи в Кембридже (MS 578). Рукопись, выполненная на 135 фолио из велени¹⁹ обычным почерком *насх*, соответствующим своему словарному значению – «переписка», содержит полный текст сочинения Ибн Мукаффы и расцвечена красочными занимательными картинками, по манере рисунка и трактовке отдельных изображений (например, пруда) напоминающими некоторые багдадские миниатюры (*Ettinghausen* 1962:

122). Датированный XIV веком, кембриджский манускрипт пока не получил обстоятельной научной публикации, но доступен для просмотра²⁰ (Ил. 22).

Подводя итог обзору миниатюр, сопровождающих текст пяти средневековых арабских списков одного из самых удивительных и жизнестойких литературных произведений, следует подчеркнуть, что все они, за редкими исключениями, нередко иллюстрируют одни и те же сюжеты и воплощают их в близких или повторяемых (в основных чертах) композициях и легко узнаваемых образах.

Щедро украшающие и поясняющие текст миниатюры этих пяти манускриптов²¹, независимо от уровня профессиональной подготовки иллюстратора, стиля и техники исполнения, построены как выведенные на передний план и впечатляющие своей театральностью мизансцены.

Несмотря на очевидную похожесть миниатюр различных по времени и месту создания средневековых списков басен «Калила и Димна», изобразительный ряд каждой из пяти рукописей по-своему индивидуален. Художники новых поколений, в целом соблюдая сложившиеся традиции, не всегда и не во всем следовали своим предшественникам. Они позволяли себе вольности привлечением внимания читателя к неиллюстрированным ранее сюжетам и введением композиций, расширяющих привычный круг зрительных образов той или иной басни или притчи. Например, «Глава о черепахе и обезьяне» в парижской *Arabe* 3467 иллюстрирована одной миниатюрой (BnF: *Arabe* 3467, f.85r), а в Оксфордской рукописи – тремя (111b, 114a, b).

Остается подчеркнуть одну общую черту всех рукописей сборника басен «Калила и Димна»: следуя тексту, с большей или меньшей последовательностью они иллюстрируют события, в которых в равной степени убедительно действуют как люди, так и животные – звери и птицы, наделенные способностями мыслить и разговаривать и живущие, в сущности, по тем же законам, что и человеческое общество.

¹⁸ Название и описание первой главы не сохранилось так же, как и предшествующие ей персидское Предисловие и Введение в арабском переводе. В русском переводе Б. Я. Шидфар, помимо двух Предисловий, названы 18 глав (*Ибн аль-Мукаффа* 1986: 203).

¹⁹ Велень – разновидность материала для письма из шкур животных.

²⁰ URL: <https://parker.stanford.edu/parker/catalog/yg734tn1217> (Дата обращения 24.05.2022)

²¹ Рукописи сборника басен «Калила и Димна»: 1, 2. – Париж, BnF: *Arabe* 3465, 1-я четв. XIII в., Сирия (?); *Arabe* 3467, 2-я четв. XIV в., Сирия (?). 3. Мюнхен, BSB, cod. Arab. 616, ок. 1310 г., Египет. 4. Оксфорд, Bodl.; Росоке 400, 1354). 5. Кембридж (Corpus Christi College, MS 578, XIV в., не опубликована; вся рукопись доступна для ознакомления на ресурсе <https://parker.stanford.edu/parker/catalog/yg734tn1217>

Приложение

**СПИСОК РУКОПИСЕЙ СБОРНИКА
БАСЕН «КАЛИЛА И ДИМНА»**

1. BnF: Arabe 3465, 1-я четв. XIII в., Сирия (?). URL: [https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b84229611 / f1.item.r=Arabe%203465](https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b84229611/f1.item.r=Arabe%203465) (дата обращения 23.05.2022).
2. Arabe 3467, 2-я четв. XIV в., Сирия (?). URL: <https://gallica.bnf.fr/view3if/ga/ark:/12148/btv1b84152188> (дата обращения: 23.05.2022).
3. BSB, cod. Arab. 616, ок. 1310 г., Египет. URL: <https://www.digitale-sammlungen.de/en/view/bsb00045958?page=250,251>
4. Оксфорд, Bodl.; Poccocke 400, 1354). URL: <https://digital.bodleian.ox.ac.uk/objects/8face4cc-d7dc-4ec6-8315-64b8c171dd76/>
5. Кембридж (Corpus Christi College, MS 578, XIV в. URL: <https://parker.stanford.edu/parker/catalog/yg734tn1217>

**БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ
СПИСОК**

- Бируни* 1995 – *Абу Рейхан Бируни*. Индия. Пер. с араб. А. Халидова, Ю. Завадовского, комм. В. Эрмана, А. Халидова, отв. ред. В. Беляев. Репринт текста изд. 1963. Оформление 1994: худ. Д. Шимилис. М.: Ладомир, 1995.
- Ибн аль-Мукаффа* 1986 – *Ибн аль-Мукаффа*. Калила и Димна. Пер. с араб., предисл. и комментарии Б. Шидфар. С. 3–21. Художник И. Крылов. М.: Художественная литература, 1986.
- Калила и Димна 1889 – Книга *Калила и Димна* (Сборник басен, известных под именем басен Видпая). Перевод с араб. М. О. Аттая и М. В. Рябина. М.: Типография и словолития О. О. Гербека, 1889.
- Калила и Димна 1957 – Калила и Димна / Пер. с араб. И. Ю. Крачковского, И. П. Кузьмина. Издание первое: ст. и примеч. И. Ю. Крачковского. М. – Л.: Academia, 1934; издание второе: предисл. Е. Э. Бертельса. М., 1957.
- Панчатантра 1989 – Панчатантра, или Пять книг житейской мудрости. Пер. с санскрита, предисл. и комм. И. Серебрякова; стихи в пер. Алева Ибрагимова. М.: Художественная литература, 1989.
- Ettinghausen* 1962 – *Ettinghausen R.* Arab Painting. Geneva: Skira, 1962.
- Herzstein* 2015 – *Herzstein R.* The Oriental Library and the Catholic Press at Saint-Joseph University in Beirut. In: Brill. Journal of Jesuit studies 2 (2015). P. 248–264.
- Hoffman* 2000 – *Hoffman E. R.* The beginnings of the illustrated Arabic book: an intersection between art and scholarship. In: Muqarnas. Vol. 17. 2000. P. 37–52.
- Kalilah et Dimnah 1905 – La version arabe de Kalilah et Dimnah d'après le plus ancien Manuscript arabe daté publiée par Le P. L. Cheikho S.J. Professeur de Littérature arabe à la Faculté Orientale de l'Université St. Joseph de Beyrouth, avec une Préface et des Notes. Beyrouth: Imprimerie Catholique, 1905 (предисловие редактора – франц. яз., науч. аппарат – франц. – араб., текст – араб.).
- Sacy* 1816 – Calila et Dimna, ou fables de Bidpai, en Arabe; précédées d'un mémoire sur l'origine de ce livre, et sur les diverses traductions qui en ont été faites dans l'Orient, et suivies de la Moallaka de Lébid, en Arabe et en Français, par M. Silvestre de Sacy. A Paris, De L'Imprimerie Royale. 1816.

ВОПРОСЫ
ИСТОРИОГРАФИИ

С. Н. АБАШИН

ЧЕРЕЗ ТРИСТА ЛЕТ ПОСЛЕ ПОХОДА

Рецензия на монографию доцента СПбГУ, кандидата исторических наук А. А. Андреева «Пребываю верным слугою Вам, моему Государю, князь Александр Черкасский». Книга посвящена одному из самых малоизученных сподвижников Петра I князю Александру Бековичу Черкасскому (?—1717). Рожденный в знатной черкесской семье, он прошел нелегкий жизненный путь от заложника (аманата) при русской крепости до капитана лейб-гвардии Преображенского полка. Будучи современником великой эпохи Петровских преобразований, он не только сумел проявить свои таланты в делах государства, но и успешно зарекомендовал себя при старой боярской знати в Москве. В книге детально представлены на основе широкого круга документальных и этнографических источников значимые этапы жизни князя от Северного Кавказа до Хорезма. По мнению автора рецензии, Хивинский поход Черкасского стал предвестником будущего, уже в XIX веке, военного наступления уже зрелой Российской империи в Центральную Азию. Опыт кабардинского князя сформировал, несмотря на свой трагический конец, представление о целях и путях такого продвижения в регион и создал ту травму, которая подкрепляла идею реванша и эмоционально окрашивала новые победы российского оружия спустя более чем сто лет.

Ключевые слова: князь Александр Бекович Черкасский, Петр I, Российская империя, Восточный Кавказ, Хива, туркмены

DOI: <https://doi.org/10.34920/1694-5794-2022.33.008>

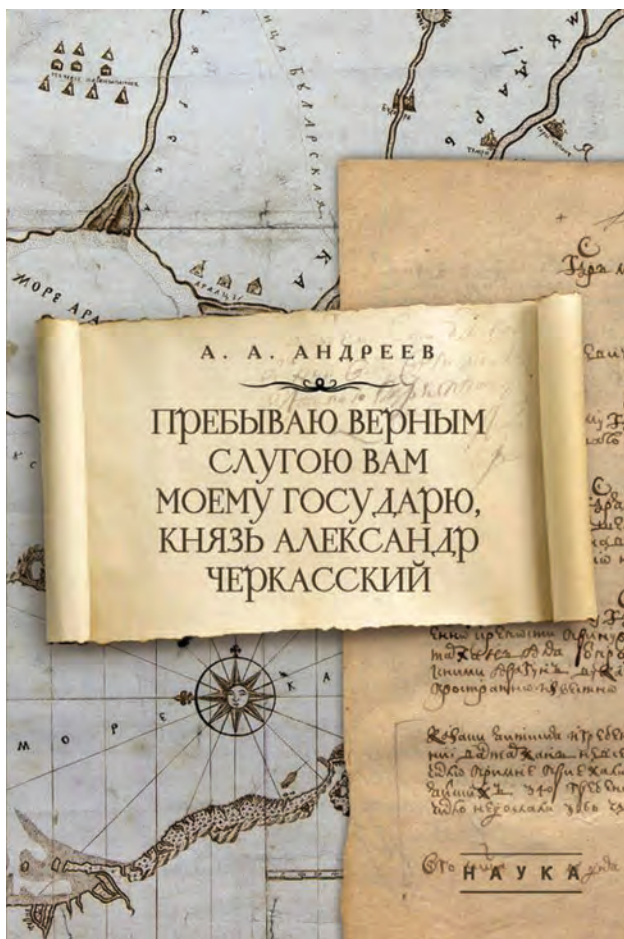
Цитирование: Абашин С. Н. Через триста лет после похода // Вестник МИЦАИ. Вып. 33. Самарканд, 2022. С. 137-140.

ОТРАГИЧЕСКОЙ истории российского военного похода под предводительством князя Александра Бековича Черкасского (Бековича-Черкасского) против Хивы в 1717 году уже написано много научных и околонучных трудов. Эта история прочно вписана в историографию Центральной Азии, с неё начинаются все многочисленные работы, посвящённые новому периоду истории региона и его отношениям с Россией. Обилие источников и аналитических работ не делает, однако, интерпретацию этого события общепринятой. Одни авторы видят в нём начало колониального вторжения и подчинения, другие – начало тесных политических и экономических контактов, взаимного интереса и взаимовлияния. Одни описывают мудрость Петра I, героизм Черкасского и коварство Шир Газы, другие же, наоборот, видят военную хитрость хивинского хана и беспомощность российского военного отряда. Кто-то больше обращает внимание на боевые действия и вооружение, а кто-то пишет о географических открытиях. Такой уже давний интерес к походу на Хиву привёл не столько к прояснению многих фактов и обстоятельств, сколько к созда-

нию многочисленных мифов и стереотипов, которые выросли вокруг этой темы.

Новая книга, написанная петербургским историком Артёмом Андреевым, – это своего рода ещё одна попытка ревизии таких мифов и стоящих за ними источников, попытка ещё раз проверить сложившийся исторический нарратив, по возможности с помощью новых свидетельств, и попытка осторожно очистить его от разных наслоений и добраться до оригинальных оснований¹. Своей цели автор стремится достичь, во-первых, обращаясь к первоисточникам, что, правда, не всегда решает какую-то проблему, а скорее даже ставит под вопрос те или иные факты, казавшиеся очевидными, но при этом даёт возможность корректировать прежние утверждения и выдвигать новые гипотезы. Историк не стесняется показывать отсутствие категоричности в своих оценках, его слова «предполагаю» и «допускаю»

¹ Андреев А. А. Пребываю верным слугою Вам моему Государю, князь Александр Черкасский. СПб: Наука, 2021. 239 с.

не схематизируют анализ, а делают его более глубоким. Во-вторых, Андреев активно дополняет свой рассказ данными из смежных дисциплин, таких как археология и этнография, которые хотя и не дают прямых данных о событиях начала XVIII века, но позволяют полнее увидеть контекст, услышать новые голоса, всмотреться в вещи и те пространства, в которых когда-то жил Черкасский и совершался военный поход под его руководством. Книга насыщена иллюстрациями с Северного Кавказа, Москвы и Подмосковья, Туркмении и Узбекистана, тех мест, где бывал её главный герой и где происходили главные события, оставившие его имя в истории.

Первую главу «О фамилии, источниках и историографии» Андреев сразу начинает с разоблачения главного мифа об имени героя, которое обычно пишется Бекович-Черкасский, а на самом деле должно звучать как Александр Черкасский (Бекович является отчеством) (с. 19-21). В этой историографической главе рассматриваются и характеризуются разнообразные источники, важные для раскрытия темы, а также многочисленные работы предшественников, благодаря которым в значительной мере уже были реконструированы история хивинских экспедиций и

военного похода, биография их предводителя. Несмотря на некоторые пропуски (например, в библиографию не попала книга И. М. Кубасова и А. А. Кубасовой «Подвиг и трагическая судьба князя А. Черкасского (1714-1717 гг.)», изданная 30 лет назад в Ашхабаде), эта глава рисует в целом довольно полную картину почти трёхсотлетнего процесса накопления, публикации и осмысления документов, касающихся рассматриваемой темы, систематизируются мнения, открытия, недочёты, а также мифы, которые всегда сопровождали её изучение.

В этом историографическом анализе Андреев старается выдерживать нейтральную тональность и избегать большой концептуальной перспективы, он не говорит ни о колониализме, ни о колониальных завоеваниях в Центральной Азии. Мы не видим также, как история похода оказалась позднее вписанной в различные политические проекты, сначала имперский, потом советский и в конце концов национальные. Борясь с мифологиями, Андреев не стал рассматривать проблему, как и для чего эти мифы возникли, как они вошли в историческую память, как ими пользуются и как они влияют на общественные процессы. Но даже если автор уходит от такого анализа, эти вопросы не исчезают и остаются, именно из них и вырастает, ими определяется наше непрекращающееся возвращение к судьбе Александра Черкасского.

Во второй главе «Юные годы – между Москвой и Кавказом» Андреев знакомит читателя с «кавказским» и «московским» этапами в биографии молодого князя, с его превращением из Девлет Гирея сына Бекмурзы в Александра Бековича Черкасского, подробно рассказывает о его кабардинской родословной, об отношениях различных фракций кабардинской знати между собой и с внешними силами – Российской империей, Крымом и Османской империей, в книге уточняются даты и обстоятельства тех или иных исторических перипетий. Разбирая разные версии истории того, как князь оказался в Москве, автор соглашается с точкой зрения, называя её предположением, что его путь начался со статуса аманата, своего рода заложника и воспитанника, который должен был гарантировать лояльность его семье российской власти, затем, уже в Москве, он принял православие и перешёл на российскую службу, завёл здесь свои владения и женился, покровителем и тестем его стал князь Борис Алексеевич Голицын, в то время ближайший соратник Петра I и руководитель «восточной политики» нарождающейся империи. По ходу дела автор опровергает очередной миф, согласно которому Александр Черкасский получил образование в

Европе. На самом деле, как показывает историк, многие исследователи перепутали его с другим человеком. В главе подробно описывается, как в этом своём новом статусе уже российского подданного Черкасский принял самое активное участие в войне 1711 года между Россией и Османской империей, театр которой охватил Приазовье и Северный Кавказ, где он проявил организаторские и дипломатические качества, сделавшие его «полноправным сподвижником» царя (с. 82).

Нарисованная Андреевым и его предшественниками биография Девлет Гирея, ставшего Александром Черкасским, показывает удивительную мобильность в Московском царстве и нарождающейся Российской империи. Мусульманин и кабардинский князь мог без труда преодолеть множество географических, культурных и социальных границ, чтобы стать православным христианином и русским служилым человеком. Этнические и расовые границы, границы между «цивилизацией» и «варварством» ещё не были осмыслены как препятствие к такому перемещению и изменению статуса. Раннемодерная империя была готова, ещё по прежней традиции, вбирать в себя и кооптировать в элиту самые разные группы и отдельных людей, которые в свою очередь готовы были ей верно служить и сами становились проводниками имперскости.

Тот факт, что смелые и нередко безоглядные имперские проекты были во многом результатом знаний, усилий, переговоров и отношений центра и окраин, результатом сложения интересов различных сторон, хорошо виден в третьей, может быть самой важной, главе «Истоки замысла. От берегов Мангышлака до берегов Невы». В ней автор показывает, каким новая российская элита видела центральноазиатский регион к началу XVIII века, что она от него ожидала и что в нём искала. Спорадические дипломатические переговоры между Москвой, Хивой и Бухарой о торговых отношениях, в том числе о совместном освоении торговых путей по Восточному Каспию, шли уже с середины XVII века. В книге рассматривается несколько примеров таких встреч и обмена мнениями, оказавших влияние на решение Петра I об экспедиции в Хиву. Автор детально разбирает, например, результаты переговоров упомянутого выше Голицына с хивинским посольством под началом Достек Бек Бахадур в 1700 году. Проверять точку зрения, что это посольство будто бы подало царю прошение о подданстве Хивы, Андреев приходит к выводу, что «исходя из содержания грамоты, есть основания как подтвердить желание подданства, так и опровергнуть его» (с. 93). Исследователь склоняется к предположению, что московские чиновники намеренно и однобоко

интерпретировали хивинское послание как знак признания своей вассальной зависимости. Автор анализирует также переговоры с представителем мангышлакских туркмен Ходжа Нефесом, который прибыл в Астрахань в 1713 году, и с хивинским послом Ашур Бекком, который находился в Астрахани в 1713-1714 годах. Оба уговаривали российскую сторону активизировать политику в Восточном Каспии, надеясь получить внешнюю поддержку в политическом столкновении Хивы, Бухары, туркмен, каракалпаков и калмыков. Глава убедительно раскрывает, каким образом переговоры российской стороны с представителями Хивы и туркмен, а также калмыков и каракалпаков убедили Петра I обратить более пристальное внимание на Центральную Азию, где предполагалось искать речные торговые пути в Индию и открыть доступ к разнообразным местным богатствам, волновавшим воображение российского царя.

Особого внимания в этой главе заслуживают приведённые в книге устные истории, рассказанные Рахимбиби Бегджановой из потомков Ходжа Нефеса (с. 99-105). Эти рассказы позволяют напрямую услышать, пусть и в мифологизированной форме легенд и преданий, голоса нероссийских участников тех событий, дополняют стандартизированную учёными и политиками историю новыми деталями и придают ей особую атмосферу, преодолевая академическое отстранение.

Четвёртая глава «Экспедиции князя А. Б. Черкасского. 1714-1717 гг.» посвящена тому, как реализовывалась серия указов Петра I, планом которого был поиск русла реки из Каспия в Индию и приведение к обещанному ещё в 1700 году российскому подданству хивинского и по возможности бухарского правителей. Андреев отмечает, что царские указания содержали в себе и невыполнимые пункты, так как никакой реки-дарьи из Каспия не существовало, и противоречивые цели, поскольку дипломатическая, на первый взгляд, миссия в Хиве и Бухаре сопровождалась откровенно военными мерами в виде создания значительной боевой группировки из 6 тысяч человек и строительства крепостей. Петербургский историк указывает, что Черкасский, тем не менее, стремился буквально исполнить все пункты этого плана, даже пренебрегая теми новыми обстоятельствами и трудностями, которые возникали по мере его практического осуществления. В главе уделяется много внимания вопросу исследования в XVIII, XIX и XX вв. исчезнувшего древнего русла Амударьи в Каспийское море, а также возможности восстановить это течение. Андреев подробно останавливается на вопросе о место-

нахождении тех укреплений, которые создал Черкасский. Автор критически, с опорой на археологию, исторические свидетельства и личные впечатления, разбирает существующие версии и предлагает собственную локализацию этих опорных баз. Вслед за предшественниками он показывает, таким образом, что даже сама подготовка к военно-дипломатическому походу, первые разведывательные экспедиции в 1714-1716 гг., уточнение береговой линии моря и сухопутных путей следования, привлечение разнообразных местных экспертов стали первыми шагами в создании имперского знания о Центральной Азии, которое спустя более чем столетие послужили окончательному завоеванию региона.

Последняя глава «Трагический финал» показывает, что имперские проекты не всегда бывают успешными. Для успеха имперского воображения, которое само по себе создаёт совершенно новую политическую динамику, ещё необходимы различные условия, в том числе неспособность возможной жертвы к сопротивлению, её по той или иной причине нежелание сопротивляться. Андреев шаг за шагом прослеживает действия Черкасского и его отряда в 1717 году, отмечает несуразности в них, которые привели в итоге к ослаблению позиций российской армии и позволили довольно легко расправиться с собой. Черкасский возглавлял внушительную военную мощь, но делал как будто бы всё, чтобы не использовать её возможности. Поход начался с трагической гибели в море его супруги с детьми, которые отправились вслед за ним, и закончился совместным пиршеством Черкасского и хивинского хана, на котором его расслабленный отряд был разделён, обезоружен, и фактически застигнут врасплох, и большей частью порублен вместе с самим князем;

остатки отряда умерли от голода и болезней в пустыне, погибли в сражениях и лишь небольшой частью вернулись домой. Автор реконструирует путь экспедиционного отряда и место гибели, показывает роли разных его участников, действия союзников и противников, решения весьма деятельного и успешного в своих делах хивинского хана Шир Газы, который умело ушёл от лобового столкновения. При этом, симпатизируя своему герою и борясь с мифом о нём как неудачнике, Андреев прочитывает эти ошибки не как странные иррациональные поступки, а как «всецелую исполнительность лично князя» (с. 196), который буквально и строго старался следовать противоречивым и скорее всего неисполнимым указаниям своего сюзерена.

Подводя итоги и размышляя о последствиях похода Черкасского, Артём Андреев приходит к выводу, что у этих событий «бенефициаров не оказалось» (с. 194), никто не усилил свои позиции в результате разгрома военного отряда Черкасского, сам Шир Газы потерял возможного военного союзника. Но сам поход, конечно, стал предвестником будущего, уже в XIX веке, военного наступления уже зрелой Российской империи в Центральную Азию. Опыт кабардинского князя сформировал, несмотря на свой трагический конец, представление о целях и путях такого продвижения в регион и, я бы добавил, создал ту травму, которая подкрепляла идею реванша и эмоционально окрашивала новые победы российского оружия спустя более чем сто лет. Империя всё равно, несмотря на неудачи, осталась в выигрыше, а история Черкасского не закрыла, а открыла, если смотреть в длительной перспективе, Центральную Азию для новых колониальных устремлений северного соседа.

Ф. М. АСАДОВ

АРХЕОЛОГИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ В ИЗУЧЕНИИ ИСТОРИИ ХАЗАР: ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ В XX ВЕКЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ СОТРУДНИЧЕСТВА

В статье по материалам публикаций второй половины XX в. рассматривается взаимодействие археологов и исследователей письменных источников по истории хазар и хазарского каганата. Отслеживается полемика в советской и постсоветской русскоязычной литературе по поводу достоверности данных, предоставляемых письменными памятниками, а также о том, насколько данные археологической науки могут быть предпочтительнее для дальнейшего изучения общественно-политической и религиозной ситуации в Хазарском каганате в конце IX – первой половине X вв. Определяются возможности и перспективы археологических работ по пополнению сведений по истории хазар. Характеризуются тенденции по укреплению сотрудничества между археологами и источниковедами в последние десятилетия XX в. и в первое десятилетие XXI в. Объясняются причины разнообразия концепций истории и исторического значения Хазарского каганата, связанные с актуальностью хазароведческой проблематики. Устанавливается связь между проблемами современных международных отношений и политики со взглядами историков на значение хазар в истории современных народов Евразии и, вместе с тем, освещаются эпизоды международного сотрудничества в программах и проектах хазарской археологии и хазарской историографии. Известия письменных источников об обращении хазар в иудаизм помещаются в контекст противоречий археологических данных со свидетельствами письменных памятников о смене официальной веры в Хазарском каганате. Со ссылками на основополагающие публикации по методологии изучения истории хазар и о задачах хазарской археологии представляется наиболее оптимальная линия разграничения сферы археологии хазар и хазарской историографии.

Ключевые слова: хазары, иудаизм хазар, археология хазар, письменные источники о хазарах, салтово-маяцкая культура

DOI: <https://doi.org/10.34920/1694-5794-2022.33.009>

Цитирование: Асадов Ф. М. Археология и источниковедение в изучении истории хазар: взаимодействие в XX веке и перспективы сотрудничества // Вестник МИЦАИ. Вып. 33. Самарканд, 2022. С. 141-146.

НАЛИЧИЕ письменных свидетельств – огромное преимущество для исследователя истории народов и государств. Археология на территории существования исчезнувшего государства, этнография народов, ныне проживающих на его землях, и лингвистика способны предоставить артефакты и соображения, существенно дополняющие картину, представляемую памятниками письменности. Но даже добросовестно и логически аргументированная интерпретация материалов этих вспомогательных источников не может быть достаточной основой исторического исследования. С другой стороны, и в письменных источниках, как заметил Л. Н. Гумилев, «сказано не все» (Гумилев 1989: 124).

Рассуждать о значении и взаимодействии этих основополагающих исторических дисциплин лучше на примере изучения истории конкретной проблемы, реальной истории какого-либо народа и государства. В данной публикации такая попытка будет предложена в контексте изучения хазар и Хазарского каганата. Для раннего средневековья, времени, когда возникло и пришло в упадок Хазарское государство, основными источниками наших знаний о хазарах, безусловно, являются письменные памятники.

Изучение истории хазар сопряжено с дебатами о ранних формах государственности у различных евразийских народов – восточных славян, болгар, венгров, истории государственности

у тюркских народов Поволжья, тюрков-огузов, кипчаков и народов современного Северного и Южного Кавказа. Свидетельства письменных источников создают возможности для различных историографических интерпретаций.

Информация письменных памятников о принятии иудаизма хазарской элитой добавляют религиозно-политические мотивы в дискуссию о роли хазар в истории ранней государственности у евразийских народов, в частности у восточных славян. По этим причинам в бывшем СССР хазарская тематика была не популярным, но остро чувствительным направлением историографии.

После распада СССР интерес к истории хазар возрос многократно. Тема приоткрылась для национальных историографий тюркских народов. В постсоветской российской исторической науке вопросы хазароведения стали предметом новых подходов, заинтересованного обсуждения с коллегами из разных стран. Появились условия для плодотворного обмена мнениями и сотрудничества.

Крупным событием мирового хазароведения был Международный коллоквиум в Иерусалиме в 1999 г., организованный усилиями американских и израильских востоковедов в тесном сотрудничестве с российскими учеными. Этот масштабный хазароведческий форум собрал специалистов разных областей исторической науки, археологов и источниковедов. После него началось тесное сотрудничество хазароведов различных стран в работе над обнаружением и сохранением памятников хазарской материальной культуры. Израильские, российские и украинские ученые совместно работали в двух основных направлениях: в издании научной литературы об истории иудаизма и евреев в России и в историко-археологическом «Хазарском проекте». Наиболее крупные экспедиции, финансируемые из «Хазарского проекта», – это раскопки городища Самосделка недалеко от Астрахани, где предполагалось обнаружение хазарской столицы Итиль, и археологические работы по аланскому поселению Горное Эхо. Аланы, как известно, были союзниками хазар в статусе достаточно надежных федератов каганата (*Сатановский* 2010).

Не следует, однако, думать, что в развитии прежде советского, а теперь и российского востоковедения произошла полная трансформация от политически отягощённых установок к свободному научному сотрудничеству и взаимопониманию с коллегами за рубежом. Для понимания атмосферы, господствующей в российском хазароведении сегодня, целесообразно вернуться к центральной фигуре российской науки в области хазарских исследований – к замечательному ар-

хеологу и историку М. И. Артамонову. К хазарским исследованиям ученый шел двумя путями: через сбор и систематизацию археологических находок и освоение данных письменных источников. Причем в первом случае российский археолог сделал большой вклад в обнаружение новых данных – он был руководителем советских археологических экспедиций в зоне Придонья, в частности в уникальном, ныне уже утерянном для археологии, левобережном салтово-маяцком городище, надежно идентифицированном с хазарской крепостью Саркел¹. Его публикации о Саркеле остаются непревзойденными и служат первоисточником для всех исследователей, имеющих намерение обращаться к археологическим свидетельствам Хазарии (*Артамонов* 1935; *Артамонов* 1956).

В личности и творчестве Артамонова, таким образом, пересеклись все основные тенденции дальнейшего развития российского хазароведения.

Во-первых, это продолжение археологических работ по обнаружению памятников материальной культуры хазар, их описание, систематизация и анализ. Эта линия является важнейшей прерогативой российских ученых, поскольку практически все перспективные участки археологии хазар располагаются на территории Российской Федерации. М. И. Артамонов в этом направлении был лидером на всех участках: обнаруживал и вводил в оборот новые артефакты, анализировал и синтезировал их с данными письменных источников в своих исторических трудах. Археологическое наследие территории Хазарского каганата VIII–IX вв. стало направлением в развитии российской археологии в начале XX в., когда в 1900 г. учитель Верхне-Салтовской школы В. А. Бабенко обнаружил на правом берегу Северного Донца теперь широко известный Салтовский могильник. И хотя М. И. Артамонов не был первым археологом, поставившим проблему общих характерных черт материальной культуры периода хазарского доминирования на юге Восточной Европы, ему принадлежит особая заслуга в постановке вопроса и продвижении проблемы археологической культуры волго-донских и кавказских степей, разработанной его учениками и последователями в виде концепции салтово-маяцкой археологической культуры хазарского времени (*Плетнева* 1967: 3–10; *Плетнева* 1999: 21–39; *Флёров* 1983: 103–108). Мировая наука в

¹ В 1952 г. территория городища Саркел была затоплена в ходе строительства и заполнения Цимлянского водохранилища. Экспонаты археологических экспедиций хранятся в Эрмитаже и в местном музее города Новочеркасска.

вопросах, связанных с развитием хазарской археологии, находится в зависимом отношении от работы российских ученых.

Во-вторых, это признание важного значения Хазарского каганата как первого государства на европейской территории России, имевшего большое влияние на создание государственности многих современных народов этого региона. Особенностью этой традиции является последовательная работа по сбору, изучению и публикации письменных свидетельств из различных источников. Деятели этого направления российской науки были и есть интегрированная часть международного научного сообщества исследователей Хазарии. Вклад М. И. Артамонова здесь заключался в систематизации и анализе имеющихся в научном обороте свидетельств. Однако М. И. Артамонов признавал, что не считает себя достаточно подготовленным для критического анализа письменных источников (Артамонов 1936: VII). Как отметила С. А. Плетнева, прославленный археолог, тем не менее, очень усердно работал над имеющимися переводами, взаимодействовал с коллегами-востоковедами для уточнения значений письменных свидетельств. И в результате его книга включает в себя очень полезный обзор источников по истории хазар с информативными оценками свидетельств средневековых авторов (Плетнева 2002: 17–18). Обстоятельный обзор и характеристику письменных источников о хазарах можно найти в начале монографии М. И. Артамонова (Артамонов 2002: 36–53).

После М. И. Артамонова в российской историографии хазар, можно сказать, не было фигуры способной сочетать оба направления исследования в своем творчестве. И работу российских востоковедов по истории хазар можно раскладывать по указанным выше линиям развития. Прежде всего, можно предполагать, что прямого административного давления не стало, и российские ученые определяли свое отношение к теме соответственно своему выбору и, можно сказать, свободно реагируя на доминирующие настроения или приоритеты российской политики и политиков.

Во всяком случае, российская археология продолжала свою работу в более свободных условиях и, как мы видели, в сотрудничестве с израильскими коллегами и частным сектором. Наряду с этим, нельзя не отметить и того, что умножение археологических работ постепенно приводило к расхождению усилий российских хазароведов. Практически ни один российский исследователь в период после выхода книги М. И. Артамонова не ставил задачи синтезировать достижения археологии и анализ письменных источников о хазарах. Возможно, на это могла бы претендовать

книга ученика С. А. Плетневой, дагестанского археолога М. Г. Магомедова. Однако знакомство с его работой убеждает, что ведущей линией исследования у него были результаты археологических раскопок, тогда как работа с источниками имела подчиненное значение (Магомедов 1983).

В наиболее крупной российской работе по истории хазар в период после выхода книги М. И. Артамонова, в монографии востоковеда А. П. Новосельцева «Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа» подчеркивается, что после 30-х годов XX века большая часть работ о хазарах была написана археологами. Но если М. И. Артамонов в своей монографии старался посылить поддержать и развивать традицию исследования и обобщения письменных свидетельств, то археологи 70–80-х годов, по мнению А. П. Новосельцева, эти традиции утратили. В процессе описания и введения в научный оборот своих ценных находок они, как правило, не учитывали известий письменных памятников, которые плохо знали, и потому допускали серьезные ошибки в трактовке их содержания. Особенно беспокоило А. П. Новосельцева то, что начиная с 70-х годов прошлого века стали появляться местные периферийные школы археологов, теоретическая и источниковедческая подготовка которых часто бывала недостаточной. К тому же археологические работы местных научных подразделений, были территориально ограничены пределами соответствующих административных единиц, что могло иметь негативные последствия: обнаруженный археологический материал в автономных республиках старались использовать в качестве аргументов для того, чтобы «связать прошлое этих республик с древними, известными из письменных памятников, цивилизациями» (Новосельцев 1990: 3, 59). Эта оценка проявившегося естественного интереса к хазарам у представителей национальных историографических школ вызвала возмущение у упоминавшегося выше дагестанского археолога М. Г. Магомедова, который посчитал возможным назвать подход российского ученого шовинистическим (Магомедов: 1994: 4).

И все-таки причиной неудовлетворительной разработки истории хазар археологами были не столько самостоятельность местной археологии и ее отделение от центра, как об этом сокрушается А. П. Новосельцев, а фундаментальная проблема роли археологии в изучении истории прошлого народов. Советская археология во многом следовала историко-культурной концепции (culture-historical approach) довоенного германского археолога Густава Коссинны (1858–1931), согласно которой отчетливо фиксированные границы ар-

хеологической культуры совпадают с областью проживания и жизнедеятельности определенных народов и племен. И соответственно всегда присутствует соблазн подкреплять аргументами границ археологической культуры давность заселения своей (или еще более обширной) территории собственными предками. Этот феномен был свойственен не только российской и советской археологии, но и археологическим школам, например, Восточной Европы (*Curta* 2005: 6–7).

Тем не менее А. П. Новосельцев слишком строго судил российских археологов за их самонадеянность. Ученик Артамонова Л. С. Клейн, который в 1971 г. раскопал первый так называемый «курган с ровиком», впоследствии соотносимый археологами с захоронениями собственно хазар (*Плетнева* 2002: 29), вполне ответственно подходил к пределам возможностей археологии. Задачей археологии, считал он, является описание и представление материальных предметов и их связи друг с другом, иными словами, археолог должен трансформировать обнаруживаемую связь материальных объектов на язык историков, то есть в мысли и слова. А историк имеет дело с письменным источником, который также является фиксацией слов и мыслей, как и нарративы историографии. Задачей историка, но не археолога, является синтезирование данных всех источников. Но если археологу не терпится поспорить с историками и он желает трансформировать свои находки или собранный археологический материал в историографический продукт, то ему необходимо освоить новую сферу профессионально (*Klejn* 1993: 341–342). Когда же свидетельства письменных источников скудны, значение археологического материала возрастает, и писать историю, опираясь исключительно на письменные источники, бывает недостаточно (*Curta* 2005: 7). Иными словами, перед историками неизбежно встает проблема освоения археологического материала, преподносимого в словах и мыслях самими археологами.

А. П. Новосельцев открыто заявил в своей книге, что его исследование построено исключительно на письменных источниках, но и не отрицал необходимости привлекать данные археологии в историографию хазар. Вместе с тем он вполне обоснованно мог сомневаться в достоверности и надежности той самой трансформации материальной связи предметов в мысли и слова, которую осуществляли археологи, и особенно если они, не довольствуясь этим, брались за историографию. И потому в его книге содержатся достаточно критические оценки публикаций археологов. Сам автор признавал необходимость синтеза данных различных отраслей источник-

ведения, однако, как мы могли убедиться, относился критически к современному для времени его книги состоянию хазарской археологии (*Новосельцев* 1990: 60–61).

С. А. Плетнева (1926–2008), последовательница М. И. Артамонова и ведущий археолог-хазаровед России, со своей стороны отреагировала на работу А. П. Новосельцева, указав, что только археология может представить «живой материал» для истории хазар и что сведения письменных источников «скользят по поверхности истории, задевая только немного возвышающиеся над ней события». А книгу А. П. Новосельцева российский археолог назвала «тенью труда М. И. Артамонова» и в целом еще более критически отзывалась обо всех других больших произведениях по истории хазар, «толкующих и многократно перетолковывающих свидетельства письменных источников». Эти работы, считает С. А. Плетнева, «ничего нового, кроме отдельных уточнений в переводах, никаких ярких открытий ... дать не могут ...» (*Плетнева* 2002: 34).

Работы упоминавшихся выше С. А. Плетневой (*Плетнева* 1967; *Плетнева* 1976; *Плетнева* 1999), М. Г. Магомедова (*Магомедов* 1983), В. К. Михеева (*Михеев* 1985) составляют позднюю классику российской хазарской археологии. Ее развитие было особенно бурным в последние десятилетия. Ситуацию и достижения к началу нового века С. А. Плетнева представила в своей книге «Очерки хазарской археологии». С последними достижениями можно ознакомиться в периодических изданиях.

Через три года после Первого Иерусалимского коллоквиума (1999) в Москве в 2002 г. состоялся Второй Международный коллоквиум по хазароведению. Около 40% прочитанных докладов были археологическими. Преобладание археологической тематики было отмечено организаторами коллоквиума. Анализ тематики и состава участников действительно подтверждает активность местных археологических школ и ученых археологов из Украины и с юга России: очевидно, что именно археология ежегодно расширяет и обновляет информационную базу для изучения истории Хазарии; указывалось также, что историю хазарского каганата как крупной «кочевой империи» следует рассматривать в широком контексте археологического материала и письменных свидетельств по истории Евразии (*Хазары*. 2002: 6).

Среди участников можно было заметить практическое отсутствие представителей дагестанской археологической школы, у которой, конечно, есть большие традиции изучения памятников хазарского периода. В докладах участников

было заметно, что археологи с большим стажем работы по хазарским памятникам – А. И. Айбабин, С. А. Плетнева, В. С. Флеров, В. Е. Флерова, М. В. Горелик и др. – ставили крупные вопросы об археологических свидетельствах касательно пределов политического господства хазар, распространённости иудаизма, возможности выделения собственно хазарского этноса на основе памятников материальной культуры. Можно вместе с тем отметить, что присутствовал и осторожный подход к тому, достаточно ли получено археологических данных для реконструкции миграционных и политических процессов в период господства хазар².

Безусловно, исследователь письменных памятников не может вторгаться в сферу археологии и интерпретировать описанные археологические находки. Однако он обязан учитывать значение находок и основные выводы археологов об их происхождении и связи между собой. Представляется, что данные археологии могли бы помочь установлению хронологических и географических границ Хазарского каганата, прояснению этнического состава и религии населения Хазарии, способах ведения хозяйства и в целом экономики хазар, помочь в понимании отношений городского и кочевнического населения Хазарии, в суждении о существовании хазарской этнической и имперской идентичности.

Хотелось бы завершить напомином о перспективах обнаружения новых известий о хазарах, перечисленных в классической работе мэтра современного международного хазароведения Питера Гольдена. Наряду с высказанной надеждой об открытии новых рукописных источников и соответственно новой интерпретации письменных свидетельств о хазарах, особая надежда была возложена на получение новых археологических данных, способных подтвердить или опровергнуть предположения и оценки историков. Лингвистические и этнографические исследования в ареале соприкосновения хазар с предками современных кавказских и других евразийских народов также могут подвести к новым выводам об истории хазар (Golden 1980: 24).

Надежды на археологию оправдываются в последние десятилетия после публикации книги Питера Гольдена. Всех достижений хазарской археологии не перечислить, хотя, наряду с громкими успехами, были и разочарования. Можно сказать, не оправдали или не полностью оправдали себя за 12 лет работы ожидания археоло-

гов, что раскопки на городище Самосделка в 40 км от Астрахани, могли стать открытием столицы хазар города Итиля. Но вот в прошлом году появился новый претендент на местоположение Итиля – раскопки недалеко от села Семибугры в дельте Волги (Соловьев 2020). Что нас ждет впереди: новое разочарование или грандиозное открытие? Сказать трудно, но очевидно, что идет быстрый процесс накопления археологических данных о хазарах и территории бывшей Хазарии, способный предоставить много материала для размышлений и для прорывных выводов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Артамонов 1935 – Артамонов М. И. Средневековые поселения на Нижнем Дону. Л.: Гос. соц.-экономическое изд-во, 1935.
- Артамонов 1936 – Артамонов М. И. Очерки древнейшей истории хазар. Л.: Соцэкгиз, 1936.
- Артамонов 1956 – Артамонов М. И. Хазарская крепость Саркел // Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae, 7, 1956. P. 321–341.
- Артамонов 2002 – Артамонов М. И. История хазар (Изд. 2-е). СПб.: Гос. Эрмитаж, 2002.
- Гумилев 1989 – Гумилев Л. Н. Древняя Русь и Великая Степь. М.: Мысль, 1989.
- Магомедов 1983 – Магомедов М. Г. Образование Хазарского каганата: по материалам археологических исследований и письменным данным. М.: Наука, 1983.
- Магомедов 1994 – Магомедов М. Г. Хазары на Кавказе. URL: <http://history-library.com/index.php?id1=3&category=istoriya-kavkaza&author=magomedov-mg&book=1994>.
- Михеев 1985 – Михеев В. К. Подонье в составе Хазарского Каганата. Харьков: Вища школа, 1985.
- Новосельцев 1990 – Новосельцев А. П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М.: Наука, 1990.
- Плетнева 1976 – Плетнева С. А. Хазары. М.: Наука, 1976.
- Плетнева 1999 – Плетнева С. А. Очерки хазарской археологии. М. – Иерусалим: Мосты культуры / Гешарим, 1999.
- Плетнева 1967 – Плетнева С. А. От кочевий к городам. Салтово-Маяцкая культура. М.: Наука, 1967.
- Плетнева 2002 – Плетнева С. А. Предисловие // М. И. Артамонов. История хазар. СПб: Изд-во Филологического факультета СПбГУ, 2002. С. 11–34.
- Сатановский 2010 – Сатановский Е. Я. Хазарский проект. URL: http://sarkel.ru/istoriya/hazarskij_proekt/
- Соловьев 2020 – Соловьев Д. На пороге грандиозного открытия: Археологи начинают раскопки легендарной столицы Хазарского каганата. URL: <https://www.rgo.ru/ru/article/na-poroge-grandioznogo-otkrytiya-arheologi-nachinayut-raskopki>

² См., например: Флерова В. Е. Подкурганские захоронения и ранняя история Хазарии. Негативные вопросы историографии // Хазары. 2002: 98.

legendarnoy-stolicy

- Флёров 1983 – Флёров В. С. О хронологии Салтово-маяцкой культуры // Проблемы хронологии археологических памятников степной зоны Северного Кавказа. Ростов: Изд-во Ростовского ун-та, 1983. С. 103–109.
- Хазары 2002 – Хазары. 2-й Международный коллоквиум. Тезисы. М.: Центр научных работников и преподавателей иудаики в вузах «Сэфер», Еврейский ун-т в Москве. Ин-т славяноведения РАН, 2002.
- Curta 2005 – Curta F. Introduction. / F. Curta (Ed.), East Central & Eastern Europe in the Early Middle Ages. Ann Arbor: The University of Michigan Press, 2005. С. 1–41.
- Golden 1980 – Golden P. B. Khazar studies : an historico-philological inquiry into the origins of the Khazars. Vol. 1. Budapest: Akadâemiai Kiadó, 1980.
- Klejn 1993 – Klejn L. S. To separate a centaurus: on the relationship of the archaeology and history in Soviet tradition. // Antiquity, 63, 1993. P. 339–348.

НЕМЕЦКИЕ АРХЕОЛОГИ В ТУРКМЕНИСТАНЕ

Начиная с 1904 г., когда в раскопках Анау и Мерва принял участие немецкий археолог Губерт Шмидт, и далее, после обретения Туркменистаном независимости (1991 г.), исследователи из Германии активно участвовали в археологических работах в Туркменистане. Они представляли Евразийский отдел старейшего в мире Германского археологического института (Берлин) и Институт ближневосточной археологии Свободного университета Берлина. Еще одним хорошим примером немецко-туркменских научных контактов стала передвижная выставка артефактов бронзового века из Маргианы в Берлине, Гамбурге и Мангейме в 2018-2019 гг.

Ключевые слова: неолит, энеолит, бронзовый век, ранний железный век, Германия, Туркменистан
DOI: <https://doi.org/10.34920/1694-5794-2022.33.010>

Цитирование: Курбанов А. Д. Немецкие археологи в Туркменистане // Вестник МИЦАИ. Вып. 33. Самарканд, 2022. С. 147-158.

ТУРКМЕНИСТАН достаточно давно привлекает внимание отдельных ученых и исследовательских центров Германии (ил. 1). К ним относятся, в частности, Евразийский отдел Германского археологического института (старейший институт в мире) и Институт ближневосточной археологии Свободного университета Берлина. Но задолго до них профессор Берлинского университета Губерт Шмидт фактически стал пионером туркменской археологии.

Первые стратиграфические раскопки в Закаспии: Анау и Губерт Шмидт. В 1869-1884 гг. территория современного Туркменистана была завоевана Российской империей. В самом начале XX в. археологическая экспедиция Института Карнеги (Вашингтон, округ Колумбия) под руководством проф. Рафаэля Пампелли (1837-1923) с разрешения Российской Императорской Археологической комиссии (Санкт-Петербург) провела археологические изыскания (1903) и в следующем году раскопки на городище Анау (северный и южный холмы) близ Ашхабада и в Старом Мерве (Эрк-кала). Это были первые профессиональные археологические раскопки в Туркменистане. Подробности организации и проведения этой экспедиции отражены в «Воспоминаниях» самого Р. Пампелли, отрывок из которых, касающийся работы в Туркестанском крае, переведен на русский язык (Пампелли 2004), а также в публикациях историков науки (Champlin 1994: 164-202; Меликов 2001 и др.)

Р. Пампелли впервые проверил свою «оазисную гипотезу» благодаря данным, полученным из северного холма Анау, – это была одна из первых формальных попыток археологической проверки теории общественного развития. Он надеялся найти материалы на городище Анау, которые бы предшествовали древнейшей цивилизации в Месопотамии и могли бы поддержать его теорию о том, что оазисы Центральной Азии были местом зарождения сельского хозяйства и сложного социума (ил. 2). Он предположил, что доисторический мир Центральной Азии медленно отступал от расширяющихся пустынь, в результате чего местное население переходило от охоты к скотоводству и, в конечном итоге, от деревень к городам (Pampelly 1908: 1-80). Северный холм Анау использовался в качестве примера при оценке роли окружающей среды в культурном развитии под руководством Элсуорта Хантингтона (1876-1947) (Huntington 1919), который посетил Среднюю Азию в составе команды Пампелли и позже вдохновил Вира Гордона Чайлда (1892-1957) с его оазисной гипотезой развития цивилизации (Childe 1953).

Археологическим руководством раскопок, проведенных в 1904 г. в Анау и Мерве, руководил известный немецкий археолог Губерт Шмидт (1864-1933), так как сам Пампелли был геологом. К тому времени Г. Шмидт был уже известным исследователем древних культур, хранителем доисторического отдела берлинских музеев,

Ил. 1. Часть карты Туркменистана с упоминаемыми в статье археологическими памятниками

участвовавшим в раскопках Трои. На раскопках Шмидта в Закаспии (*Schmidt* 1908: 81-210; *Schmidt* 2003: 174-193) использовались методы измерения и систематическая запись определенных данных, и, что особенно важно, эта экспедиция была первой, собравшей палеоботанические образцы; все это легло в основу современной археологической практики в Туркменистане.

В 1907 г. Р. Пампелли вновь планировал приехать в Закаспийскую область для продолжения работы в Анау, но в связи с революционными событиями 1905-1907 гг. в Российской империи его просьба была отклонена. Тем не менее, работы экспедиции были освещены в “Explorations in Turkestan, Expedition of 1903” (*Pumpelly* 1905) и двухтомнике “Explorations in Turkestan; Expedition

Ил. 2. Холмы Анау: на переднем плане – северный, в отдалении – южный. Фото: Айдогды Курбанов, 2018 г.

of 1904. Prehistoric Civilizations of Anau, Origins, Growth, and Influence of Environment”, изданной в Вашингтоне (*Pumpeilly* 1908).

Позже в археологической литературе анауская культура стала синонимом самых ранних оседлых культур Центрального Копетдага, и использование хронологической колонки Анау имело важное значение для установления относительной стратиграфии Центральной Азии и Ирана.

В ознаменование столетнего юбилея этой важнейшей археологической миссии 22-23 октября 2004 г. в туркменской столице состоялась международная научная конференция. В ней приняли участие ученые из многих стран мира, в том числе из Германии. Кроме того, в том же году двухтомная монография Пампелли «Исследования в Туркестане. Экспедиция 1904 года. Доисторические цивилизации Анау» была переведена на туркменский язык и издана в Ашхабаде (*Pampelli* 2004).

Гонур-депе – затерянный город в пустыне. Примерно в 80 км к северо-востоку от современного туркменского города Мары в пустыне Каракум находится Гонур-депе – важное поселение бронзового века Центральной Азии, где археологи обнаружили жилые постройки, некрополь и внушительный дворцово-храмовый комплекс со сложной планировочной структурой (*Сарианиди* 1997, 2000, 2006).

Судя по всему, это был административный центр крупного оазиса в старой дельте реки Мургаб – территории, ныне называемого страной Маргуш, или, по-древнегречески, Маргианой. Она представляет собой северо-западную часть БМАК – Бактрийско-маргианского археологического комплекса (или культуры, как его начали называть в последние годы), также известного как «Цивилизация Окса», которая простиралась отсюда через Южный Узбекистан вплоть до Северного Афганистана. Эта до сих пор почти неизвестная ранняя и достаточно развитая цивилизация с ее городской, оазисной фазой, выпадающей на период между 2300 и 1600 г. до н. э., и поздней фазой до 1200 г. до н. э. была обнаружена только в конце 1960-х гг. в Северном Афганистане и находилась в тесном контакте с Ираном, Месопотамией и Хараппской культурой.

Первые следы поселений бронзового века в пустыне Каракум были замечены еще в 1950-х гг. Однако систематическое исследование этой области началось только после открытия этой новой городской цивилизации в 1970-е гг. С тех пор обширные исследования и раскопки выявили там множество микрооазисов с более чем 300 крупными, средними и малыми поселениями бронзо-

вого века. По сравнению с другими протоурбанизированными поселениями в предгорной полосе Южного Туркменистана – таких как Алтын-депе – объекты БМАК имели спланированную, высокосимметричную архитектуру (*Массон* 1981; *Kohl* 2007).

Гонур-депе – самое крупное из обнаруженных поселений Маргианы с длительным периодом функционирования (свыше 700 лет). Более того, у него самая долгая история исследований: к настоящему времени силами Маргианской экспедиции ИЭА РАН в Гонурском оазисе осуществлен 21 раскоп, включая спутниковые поселения в радиусе 2,75 км от ядра (*Дубова* 2021: 91). В 1972 г. Гонур-депе впервые исследовал известный российский археолог Виктор Иванович Сарианиди (1929-2013), который заложил первые шурфы на этом поселении в 1972 и 1974 гг. Обширные раскопки проводились здесь с 1988 г. под руководством В. И. Сарианиди¹ и продолжались с короткими паузами по два сезона в год до 2020 г., когда были прерваны из-за локдауна в связи с пандемией COVID-19. Сарианиди называл Гонур «городом царей и богов», резонно предполагая, что во главе столь чрезвычайно развитого и сложного поселения должен был стоять царь-жрец, то есть вождь, сочетавший в себе административную, военную и духовную власть (*Сарианиди* 2005).

Поселение состоит из трех частей: во-первых, это крупный город эпохи средней бронзы (Северный Гонур), в центре которого находится огромное здание внутри так называемого *кремля*; во-вторых, связанный с ним некрополь эпохи бронзы, где раскопано около трех тысяч захоронений к западу от дворца, и, в-третьих, монументальный комплекс конца бронзового века (Южный Гонур), называемый *теменосом* (ил. 3). Покинутый к тому времени Северный Гонур служил небольшим некрополем поздней бронзы (*Сарианиди* 1990; *Sarianidi* 2001). Вероятно, Северный Гонур был экономическим и политическим центром Маргианы, достигавшим в конце третьего тысячелетия размеров 40 га, при той или иной форме иерархии или политико-административного господства. Эта ситуация рухнет в последующий период конца бронзового века, когда занятость территории Южного Гонура оценивается лишь примерно в 5 га, и в этом районе нет единого политического административного центра (*Kohl* 2007).

Несмотря на обширные исследования и многочисленные публикации В. И. Сарианиди, мно-

¹ С 2014 г. Маргианскую экспедицию, созданную по договору между ИЭА РАН и Министерством культуры Туркменистана, возглавляет доктор исторических наук Н. А. Дубова.

Ил. 3. Гонур-депе: на переднем плане – теменос, в отдалении – дворец. Аэрофото: Сулейман Чарыев, 2019 г.

гие конкретные вопросы остаются без ответа. Например, интерпретация некоторых построек противоречива, до сих пор не опубликована детально задокументированная последовательность слоев, а многочисленные подробности повседневной жизни (структура поселения, экономическая основа, внешняя торговля, интеллектуальные понятия и т. д.) не прояснены окончательно.

В начале 1990-х гг. в составе Маргианской экспедиции находился немецкий археолог д-р Томас Гётцельт, вскоре защитивший диссертацию на тему «Перспективы археологии Южного Туркменистана в исследованиях эпохи средней бронзы (период Намазга V)» (Götzelt 1996). Материалы архитектуры Гонура и других поселений Маргианы эпохи бронзы анализировал также проф. Дитрих Хуфф из Евразийского отдела Германского археологического института (Huff 2001). С 2010 г. его младший коллега д-р Николаус Бороффка по приглашению В. И. Сарияниди принимал участие в исследованиях Гонур-депе. Первоначально он работал на раскопе 18, который был выявлен во время весеннего полевого сезона, с целью оказания поддержки в решении некоторых из вопросов, упомянутых выше.

Раскопки были продолжены весной 2012 г. (Boroffka 2014: 15-24; Sarianidi et al. 2010: 33-37; Sarianidi et al. 2012: 1-17; Бороффка 2010: 258-265; Бороффка 2012: 64-67; Sarianidi et al. 2014: 127-137). Он также работал на раскопе 19 к северу от

ограждающей стены, частично на внешнем поселении Гонур-20 в 1,38 км к югу от кремля; проводил полевые исследования вокруг центрального поселения. На раскопе 19 отмечены несколько разграбленных погребальных комплексов, примечательных своей сложной структурой с несколькими камерами. В одной из камер содержались целые скелеты животных, принесенных в жертву, либо как часть инвентаря, в том числе собаки, овцы и ослы. В погребениях обнаружены находки из драгоценных металлов, фаянса и слоновой кости. Во внешнем поселении Гонур-20 были исследованы многокомнатные дома и несколько могил. Большая часть гончарных изделий, найденных здесь, сделана на гончарном круге, но есть и некоторое количество сосудов ручной работы. Кроме того, обнаружено несколько металлических орудий и печатей-амулетов (Boroffka 2017: 96-97).

С 15 по 27 сентября 2014 г. Институт археологических наук Бернского университета (Швейцария) при финансовой поддержке швейцарского Фонда ЕврАзия провел первую кампанию совместного с Маргианской экспедицией исследовательского проекта «Градостроительство и землепользование на Гонур-депе». Руководителем раскопок была немецкий археолог д-р Сильвия Винкельманн-Витковска, работавшая над исследованием печатей БМАК (Winkelmann 2000: 43-95). В состав экспедиции входили геофизики Х. Хюбнер и К. Курц (оба из Фрайбурга, Германия), археологи А. Солее (Бернский уни-

Ил. 4. Монджуклы-депе. Земляные работы. Фото предоставлено Monjukly team, 2010 г.

верситет), Д. Мейер (Германия), С. фон Пешке, К. Ленгенеггер (оба из Швейцарии), Ф. Перрейра из Фрайбургского университета, а также студентки Бернского университета М. Линей и А. Кулл. В рамках совместного проекта между ИЭА РАН и Бернским университетом были исследованы еще не подвергавшиеся раскопкам участки Гонур-депе, а также его ближайшие окрестности, с использованием неинвазивных методов исследования, включая дистанционное зондирование (анализ космических снимков) и геофизические исследования (магнитные, электрические, радиолокационные), которые позволяют наносить на карту объекты, находящиеся под поверхностью земли (например, здания, дороги, каналы или борозды), в сочетании с систематическими исследованиями. Результаты были загружены в географическую информационную систему (ГИС). В качестве метода использовалась геомагнитная разведка, выполнявшаяся компанией GGN-Solutions из Geosciences Freiburg (Германия). Результаты геофизической разведки опубликованы в статьях (Дубова и др. 2018: 87-92; Hübner et al. 2019: 55-61).

«Бытовая археология» и корреляции с хронологией археологических периодов Центральной Азии: проект Монджуклы. В 2010 г. ученые из Института ближневосточной археологии Свободного университета Берлина (проф. Рейнхард Бернбек и проф. Сьюзен Поллок) вместе со своими туркменскими коллегами приступили к

Ил. 5 Монджуклы-депе. Проф. Р. Бернбек спускается в стратиграфический шурф. Фото: Хасан Магадов, 2010 г.

раскопкам неолитического и энеолитического поселения Монджуклы-депе, расположенного в Ахалском велаяте (ил. 4-5). Этот археологический памятник относится к джейтунской культуре, которая процветала в предгорьях Копетдага в

VII–V тысячелетиях до н. э. и внесла определенный вклад в развитие ранних цивилизаций этого региона. Основная группа поселений джейтунской культуры располагалась на территории между горными ущельями Центрального Копетдага и Каракумами. Здесь зародилось самое раннее оседлое земледелие в Центральной Азии, развивалось животноводческое хозяйство. Наиболее древние постройки – однокомнатные жилища – возводились из сырцового кирпича с примесью соломы. Самыми известными памятниками этой культуры, помимо собственно Джейтуна являются также Чагыллы-депе, Монджуклы-депе, Песседжик-депе, Тоголок-депе, Новая Ниса (Kurbanov 2021: 505-518).

Предполагалось, что совместная германо-туркменская археологическая экспедиция охватит сериации и толщи Джейтуна (неолит) и Анау IA (ранний энеолит), связанные с трудовой деятельностью. Этот многолетний проект был разработан для решения широких вопросов, таких как технологические изменения в регионе в периоды неолита и энеолита, систематический сбор данных о флоре и фауне, понимание потенциальных социально-экономических различий между жителями Монджуклы-депе и получение достоверной хронологии. Главной целью немецкой исследовательской группы было выявление различных культурных техник на поселении и анализ их изменений и изменчивости как в диахроническом, так и в синхроническом плане. Исследование было сосредоточено, в первую очередь, на культурных особенностях в области пиротехнологий, отношений между человеком и животными, строительных работ и погребальных обрядов.

Другой целью была «бытовая археология» в сочетании с хронологией: как развивались хозяйства во времени (от неолита к энеолиту), и какова была их внутренняя иерархия в этих деревнях (т. е. дифференциация на более мелкие / крупные). Раскопки закончились в 2014 г. (Pollock et al. 2011; Pollock et al. 2012: 15-19; Pollock, Bernbeck 2019: 33-80). Одним из наиболее важных результатов раскопок Монджуклы было то, что радиоуглеродные датировки указывают на перерыв примерно в 800 лет между неолитом Монджуклы (6200–5600 гг. до н. э.) и энеолитом Монджуклы (4800–4350 гг. до н. э.) (Bernbeck, Pollock 2016: 69–71; Pollock, Bernbeck 2019: Tab. 2.2; Heit 2019: 81-106). В верхних слоях энеолита обнаружена керамика с другими мотивами росписи и более поздними радиоуглеродными датировками чем те, которые известны из других мест находок раннего энеолитического периода Анау IA (ил. 6). Эта фаза энеолита в Монджуклы-депе была отнесена к новому периоду между неолитическими

горизонтами Джейтуна и Анау IA, что было названо «Меанским горизонтом» (Bernbeck, Pollock 2016, 69–71).

Радиоуглеродные датировки слоев Монджуклы-депе нижнего неолита сначала предполагали период 6375–5900 гг. до н. э. (Pollock et al. 2011: 174, 183–84), но позже это значение было изменено на 6200–5600 гг. до н. э. (Pollock, Bernbeck 2019: Tab. 2.2). И. Хайт проанализировал достоверные (87) радиоуглеродные датировки (кроме самых нижних уровней Монджуклы-депе X-IX) и пересмотрел хронологическую схему для неолита и раннего энеолита. Следуя этим радиоуглеродным датировкам, мы можем датировать джейтунскую культуру с 6200 до 4800 гг. до н. э. (Хайт 2019: 20-23; Heit 2019: 81-106).

Памятники джейтунской культуры можно отнести к трем хронологическим периодам – раннему, среднему и позднему – на основании смены форм и мотивов керамики, а также композиций каменной индустрии и архитектуры:

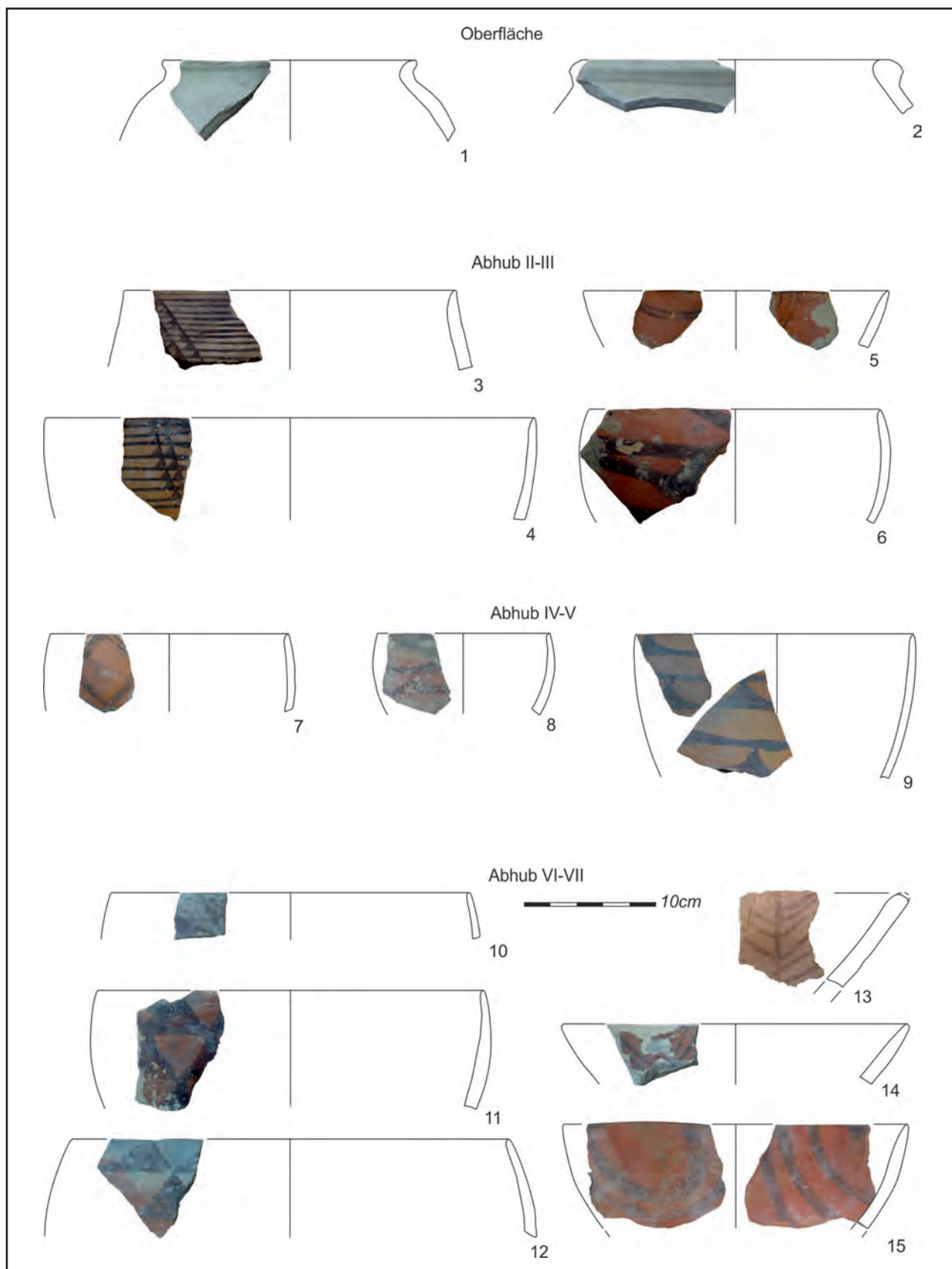
1) Ранний период Джейтуна был разделен на две фазы; 1A и 1B. Фаза 1 (1A) включает нижние горизонты участка Джейтун, горизонты 1-3 Чопан-депе и самый нижний горизонт Тоголок-депе. Фаза (1B) включает верхний горизонт Джейтуна, горизонты 4-5 Чопан-депе и два нижних горизонта Тоголок-депе и Монджуклы-депе.

2) Средний период: Тоголок-депе, Чопан-депе, Новая Ниса, Кангар, Келята, Найза-депе, Кепеле, Ярты-Гумбез, Бами, Чагыллы-депе.

3) Поздний период: Чакмаклы-депе, Песседжик-депе, Чагыллы-депе, Бами и Гадыми-депе.

Рассматривая радиоуглеродную датировку из Чагыллы-депе (6353–5845 гг. до н. э.) и Монджуклы-депе (6200–5600 гг. до н. э.), Бернбек и Поллок предполагают, «что компоненты «среднего» и «позднего» Джейтуна в районе Меана-Чаача почти одновременны с «ранним» Джейтуном непосредственно в Джейтуне» (Bernbeck, Pollock 2016: 69–71). Монджуклы-депе относится к раннему периоду, что было уточнено после получения новых данных радиоуглеродного датирования с этого городища (Pollock et al. 2011: 169-237; Heit 2019: 81-106; Хайт 2019: 20-23). В недавно изданной книге представлены результаты раскопок Монджуклы (Pollock, Bernbeck, Ögüt 2019).

Раскопки на Дашлы-депе. Еще один памятник, ставший объектом немецких исследований – Дашлы-депе, расположенный или находящийся в пределах села Ызгант Ахалского велаята. Этот населенный пункт расположен в пойме к северу от Копетдага, примерно в 35 км к северо-западу от Ашхабада. Видимый сегодня курган имеет размер 100×150 м, овальной формы в направлении север-юг, с сохранившейся высотой около

Ил. 6. Дашлы-депе. Выбор керамики по срезу раскопок (римские цифры сверху вниз).
Прорисовка и фигурная композиция Родики Борофки

Ил. 7. Дашлы-депе, вид с севера. Фото: Айдогды Курбанов, 2018 г.

3 м. Верхние слои были повреждены в результате различных работ в наше время, а части кургана были нарушены из-за использования глины в качестве строительного материала. Весьма вероятно, что курган на самом деле значительно крупнее и большая часть его погребена аллювиальными отложениями, покрывающими всю равнину (ил. 7). Лишь несколько упоминаний об этом поселении можно найти в более старой археологической литературе (Хлопин 1960: 134-224; Хлопин 1963; Лисицина 1978; Kohl 1984: 16, 213). Исследователи датируют Дашлы-депе периодом Анау IA – Намазга I (самый ранний энеолит) и временем Анау IV (ранний железный век, сейчас в основном именуемый периодом Яз I).

В мае 2011 г. проведена краткая совместная съемка д-ра Н. Бороффки (отдел Евразии Германского археологического института, Берлин) и А. Курбанова, в то время заведующего археологическим отделом Института археологии и этнографии Академии наук Туркменистана. Они посетили несколько мест вокруг Ашхабада для археологической разведки – Овлия-депе (парфянское поселение), Шор-депе (крепость сасанидского периода) и (повторно) идентифицировали Дашлы-депе как первобытное поселение. Поверхностная керамика позволила датировать ее ранним энеолитом (Анау IA / Намазга I), а керамика раннего железного века (типа Яз I) вообще не обнаружена. Вместо этого встречается кру-

говая керамика светло-бежевого цвета, довольно типичная для бронзового века (Намазга V-VI), хорошо известная на большей части Туркменистана, но особенно на таких поселениях, как Алтын-депе, Гонур-депе или Тоголок (Массон 1981; Саруаниди 1990).

В 2012-2013 гг. на Дашлы-депе были проведены раскопки, которые подтвердили, что это место, вероятно, гораздо более масштабное, чем кажется на первый взгляд, в последний раз было заселено в бронзовом веке, но эти уровни сверху в основном разрушены. Ниже находится длинная последовательность слоев энеолита с глиняной посудой ручной работы, иногда с расписными орнаментами и с архитектурными остатками из необожженных сырцовых кирпичей. Первые радиоуглеродные датировки из этих культурных слоев, проанализированные в Познаньской лаборатории с помощью Евразийского отдела Германского археологического института (Берлин), дали очень близкие даты: 5120 ± 40 BP (Poz-64424), 5155 ± 35 BP (Poz-53460) и 5120 ± 40 BP (Poz-64425), калиброванные значения календарных дат 3991-3797 гг. до н. э., 4043-3936 гг. до н. э. и 3991-3797 гг. до н. э., таким образом подтверждая эпоху энеолита (Kurbanov, Boroffka 2019: 50-53; Kurbanov, Boroffka 2022: 31-33). Поскольку этот образец происходит не из самых глубоких культурных слоев, а материк еще не достигнут, истоки этого поселения должны лежать еще раньше, предпо-

жителю восходя к неолиту. На данный момент раскопанная поверхность слишком мала, чтобы можно было делать какие-либо комментарии к планам.

Дашлы-депе является важным памятником, который, по-видимому, охватывает период неолита-энеолита в предгорьях Центрального Копетдага. Радиоуглеродные датировки дают важные новые данные и подчеркивают вероятность того, что это место, вероятно, начинается в период джейтунской культуры, в то же время или даже раньше, чем последовательность Северного Анау. Слои, раскопанные до сих пор, хронологически перекрываются со всеми ранними периодами Анау (конец V–IV тыс. до н. э.). В периоды энеолита (Намазга I–II) жизнь, по-видимому, продолжалась без каких-либо видимых серьезных перерывов в более древних слоях, и поэтому здесь можно изучать эту переходную фазу – ситуация очень редкая в Центральной Азии (Boroffka, Kurbanov 2015: 38-55; Kurbanov, Boroffka 2022: 21-

34; Kurbanov, Yagshymyradov 2015: 40-43).

Во время раскопок 2018 г. на вершине кургана была найдена керамика, похожая на материал Яз II. По прошествии нескольких сезонов Дашлы-депе демонстрирует хронологическую последовательность от эпохи энеолита до раннего железного века (Kurbanov, Boroffka 2019: 26-28; Kurbanov, Boroffka 2022: 33). Дальнейшие исследования этого памятника обещают дать новые сведения о развитии земледелия и скотоводства, а также о ремеслах, быте и духовной жизни людей раннего энеолита, что может также позволить изучить их контакты с синхронными культурами Сумбарской долины Юго-Западного Туркменистана.

Первая большая выставка археологических артефактов из Туркменистана за рубежом. Еще одним хорошим образцом немецко-туркменских научных контактов стала передвижная выставка «Маргиана. Царство бронзового века в Туркменистане» в Новом музее Берлина (25.04.2018

Ил. 8. Афиша выставки «Margiana. Ein Königreich der Bronzezeit in Turkmenistan». Новый музей Берлина. Фото: Айдогды Курбанов, 2018 г.

– 07.10.2018), Археологическом музее Гамбурга (02.11.2018 – 17.02.2019) и музее Рейсс-Энгельхорн в Мангейме (10.03.2019 – 16.06.2019) в сотрудничестве с Министерством культуры Туркменистана (ил. 8-9). Финансирование было предоставлено Уполномоченным Федерального правительства Германии по культуре и средствам массовой информации, Deutsche Bank AG и Siemens AG. Одна из задач этой выставки – обратиться к массам будущих туристов, приезжающих в Туркменистан, а также познакомить их с современной страной. Хотя до сих пор за рубежом не было показано ни одной специальной выставки с наследием Туркменистана², это был шанс представить исторические и художественные достижения древней цивилизации для широкой аудитории в Германии.

250 археологических объектов, принадлежащих БМАК, предоставленные тремя музеями Туркменистана, впечатляют сами по себе и остаются малоизвестными в западном мире. Гонурскую элиту хоронили в так называемых «царских» гробницах – подземных домах из сырцового кирпича, в которых был найден великолепный погребальный инвентарь, в том числе мозаика тонкой ручной работы, золотые и серебряные сосуды и остатки четырехколесных повозок. Помимо подробного каталога всех экспонатов большой том на немецком языке, приуроченный к этой выставке (Wemhoff et al. 2018) содержит статьи по археологии Туркменистана и работы известного фотографа Херлинды Кёльбл, сопровождавшей сотрудников немецких музеев и Немецкого археологического института во время их пребывания в Туркменистане в январе 2018 г. Красочная подборка фотографий дает представление об этой стране и ее жителях, демонстрирует впечатляющие природные ландшафты, археологические парки и отдельные архитектурные памятники.

В 2013 г. ученые Германского археологического института во главе с директором отделения Евразии Свендом Хансеном посетили Ашхабад с целью близкого ознакомления с древними археологическими памятниками. Результатом стало подписание меморандума о сотрудничестве между научными центрами Туркменистана и отделением Евразии Германского археологического института. Результаты археологических исследований были опубликованы в известных научных

² Впервые небольшая археологическая коллекция из Туркменистана была представлена в Нью-Йорке в 2016 году на выставке сельджукского искусства в Метрополитен-музее благодаря изменениям в законодательстве этой страны, снявшим запрет на временный вывоз музейных экспонатов за границу.

Ил. 9. Афиша выставки «Margiana. Ein Königreich der Bronzezeit in Turkmenistan». Археологический музей Гамбурга. Фото: Айдогды Курбанов, 2018 г.

журналах Германии, Туркменистана, а также в ряде стран Европы. В рамках соглашения также планируются стажировки научных сотрудников Туркменистана в институтах Германии для ознакомления с последними методиками раскопок и консервации памятников.

В течение первых 15 лет XXI века в Ашхабаде и Мары было организовано несколько конференций, на которых обсуждались последние результаты исследований археологического наследия Туркменистана. Археологи из Германского археологического института и Института археологии Ближнего Востока Свободного университета Берлина выступали с докладами о важнейших доисторических памятниках Туркменистана, а также провели в 2012 и 2014 гг. два семинара в Берлине, посвященных древнейшим периодам истории Центральной Азии. Очевидно, что представление этого культурного наследия более широкой аудитории стимулировало бы интерес к туркменской культуре и Туркменистану в целом.

**БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ
СПИСОК**

- Бороффка* 2010 – *Бороффка Н.* Серебряная фигурная булавка из «Гробницы ягненка» (18/1994) в Гонуре (некоторые соображения о музыке и ритуале) // П. М. Кожин, М. Ф. Косарев, Н. А. Дубова (ред.). На пути открытия цивилизации. Сборник статей к 80-летию В. И. Сарияниди. Труды Маргианской археологической экспедиции. Т. 3. СПб.: Алетей, 2010. С. 258-265.
- Бороффка* 2012 – *Бороффка Н.* Кратко об участии Немецкого археологического Института в раскопках Гонур Деппе весной 2010 г. // В. И. Сарияниди (ред.). Труды Маргианской археологической экспедиции. Исследования Гонур-деппе 2008-2011 гг. Т. 4. М.: Старый сад, 2012. С. 64-67.
- Дубова и др.* 2018 – *Дубова Н. А., Винкельман-Витковская С., Новак М., Солее А., Мейер Д., Хюбнер Х.* Краткая информация о совместных исследованиях ИЭА РАН и Отдела археологии Бернского университета (Швейцария) на Гонур-деппе в 2014-2015 гг. // Н. А. Дубова (ред.). Труды Маргианской археологической экспедиции. Исследования Гонур-деппе 2014-2015 гг. Т. 7. М.: Старый сад, 2018. С. 87-92.
- Дубова и др.* 2021 – *Дубова Н. А., Мамедов М. А., Сатаев Р. М., Фрибус А. В., Грушин С. П.* Работы Маргианской археологической экспедиции в 2018-2019 годах // Н. А. Дубова (ред.). Труды Маргианской археологической экспедиции. Исследования Гонур-деппе 2015-2019 гг. Т. 8. М.: Старый сад, 2021. С. 89-130.
- Лисицина* 1978 – *Лисицина Г. Н.* Становление и развитие орошаемого земледелия в Южной Туркмении. М.: Наука, 1978.
- Массон* 1981 – *Массон В. М.* Алтын-Деппе // Труды ЮТАКЭ. Т. XVIII. Л.: Наука, 1981.
- Меликов* 2001 – *Меликов Г. Г.* Экспедиция Рафаэля Пампелли: малоизвестные подробности // Культурные ценности. Международный ежегодник 1999. СПб.: Европейский Дом, 2001. С.137-145.
- Пампелли* 2004 – *Пампелли Р.* Мои воспоминания. Пер. с англ. // Культурные ценности. Международный ежегодник 2002-2003. СПб.: Европейский Дом, 2004. С.147-166.
- Сарияниди* 1990 – *Сарияниди В. И.* Древности страны Маргуш. Ашхабад: Ылым, 1990.
- Сарияниди* 1997 – *Сарияниди В. И.* Теменос Гонура // ВДИ, 1997. № 1. С. 148-168.
- Сарияниди* 2000 – *Сарияниди В. И.* Дворец Северного Гонура // ВДИ, 2000. № 2. С. 248-259.
- Сарияниди* 2005 – *Сарияниди В. И.* Гонур-деппе. Город царей и богов. Ashgabat: Miras, 2005.
- Сарияниди* 2005 – *Сарияниди В. И.* Царский некрополь на Северном Гонуре // ВДИ, 2005. №2. С.155-192.
- Сарияниди и др.* 2014 – *Сарияниди В. И., Бороффка Н., Дубова Н. А.* Культурные контакты Маргианы (Туркменистан) в III тыс. до н. э. Новые данные по Гонур Деппе (погребение № 4150) // Труды Маргианской археологической экспедиции. Исследования Гонур-деппе 2011-2013 гг. Т. 5. М.: Старый сад, 2014. С. 127-137.
- Хайт* 2019 – *Хайт И.* Хронология и архитектура неолитических и раннеэнеолитических обществ Центральной Азии в свете новых данных из многослойного поселения Монджуклы-деппе (Туркменистан) // Древности Восточной Европы, Центральной Азии и Южной Сибири в контексте связей и взаимодействий в евразийском культурном пространстве (новые данные и концепции). Материалы Международной конференции. СПб.: Невская типография, 2019. С. 20-23.
- Хлопин* 1960 – *Хлопин И. Н.* Дашлыджи-деппе и энеолитические земледельцы южного Туркменистана // М. Е. Массон (ред.). Труды ЮТАКЭ. Т. X. Ашхабад: Изд-во АН Туркменской ССР, 1960. С. 134-224.
- Хлопин* 1963 – *Хлопин И. Н.* Памятники раннего энеолита Южной Туркмении. М.- Л.: Наука, 1963.
- Bernbeck, Pollock* 2016 – *Bernbeck R., Pollock S.* Scalar Differences: Temporal Rhythms and Spatial Patterns at Monjukly Depe, Southern Turkmenistan // *Antiquity*. 90 (349). 2016. P. 64-80.
- Boroffka* 2014 – *Boroffka N.* Gonur-Depe. Eine bronzzeitliche Königsstadt in Mittelasien // *Mitteilungen der Berliner Gesellschaft für Anthropologie, Ethnologie und Urgeschichte*. 35. 2014. P. 15-24.
- Boroffka* 2017 – *Boroffka N.* Gonur. Mary velayat. Turkmenistan // S. Hansen (ed.). *Current Research in Eurasia*. Berlin. 2017. P. 96-97.
- Boroffka, Kurbanov* 2015 – *Boroffka N. Kurbanov A.* New data on the Neolithic and Eneolithic of Central Asia: Dashly depe (Turkmenistan) // *Miras*. 1. 2015. P. 38-55.
- Champlin* 1994: *Champlin P. Raphael Pumpelly.* Gentleman Geologist of the Gilded Age. Tuscaloosa and London: The University of Alabama Press, 1994.
- Childe* 1953 – *Childe V.G.* New Light on the Most Ancient East. New York: Norton, 1953.
- Götzelt* 1996 – *Götzelt T.* Ansichten der Archäologie Süd-Turkmenistans bei der Erforschung der 'Mittleren Bronzezeit' (Periode Namazga V). *Archäologie in Eurasien* 2. Espelkamp, 1996.
- Heit* 2019 – *Heit I.* Chronological Modeling for Monjukly Depe and the Kopet Dag Region // S. Pollock, R. Bernbeck, B. Ögüt (eds.). *Looking Closely. Excavations at Monjukly Depe, Turkmenistan, 2010-2014*. Leiden: Sidestone Press, 2019. P. 81-106.
- Hübner et al* 2019 – *Hübner C., Novák M., Winkelmann S.* The Swiss IAW-EurAsia Project on Urban Development and Land Use in Gonur Depe (Turkmenistan): A geomagnetic survey // Ch. Baumer, M. Novák (eds.). *Urban Cultures of Central Asia from the Bronze Age to the Karakhanids: Learnings and conclusions from new archaeological investigations and discoveries. Proceedings of the First International Congress on Central Asian Archaeology*. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2019. P. 55-61.
- Huff* 2001 – *Huff D.* Bronzezeitliche Monumentalarchitektur in Zentralasien // *Migration und Kulturtransfer. Der Wandel vorder- und zentralasiatischer Kulturen im Umbruch vom 2. zum 1. vorchristlichen Jahrtausend*,

- ed. R. Eichmann and H. Parzinger. Kolloquien zur Vor- und Frühgeschichte 6. Bonn: Habelt, 2001. P. 181–197.
- Huntington 1919 – Huntington E. The Pulse of Asia: A Journey in Central Asia Illustrating the Geographic Basis of History. New York: Houghton Mifflin, 1919.
- Kohl 1984 – Kohl Ph. L. Central Asia. Palaeolithic beginnings to the Iron Age. Paris: Éditions Recherche sur les civilisations, 1984.
- Kohl 2007 – Kohl Ph. L. The Making of Bronze Age Eurasia. Cambridge University Press, 2007.
- Kurbanov 2021 – Kurbanov A. Southern Turkmenistan in the Neolithic Period: A Short Historiographical Review // Herausgeber*innenkollektiv (eds.). Pearls, Politics and Pistachios. Essays in Anthropology and Memories on the occasion of Susan Pollock's 65th Birthday. Berlin: Ex oriente, 2021. P. 505-518.
- Kurbanov, Boroffka 2019 – Kurbanov A., Boroffka N. Multi-layer Prehistoric Site in South Turkmenistan – Dashly-Depe // Древности Восточной Европы, Центральной Азии и Южной Сибири в контексте связей и взаимодействий в евразийском культурном пространстве (новые данные и концепции). Материалы Международной конференции. СПб.: Невская типография, 2019. С. 26-28.
- Kurbanov, Boroffka 2022 – Kurbanov A., Boroffka N. New data on the Protohistoric Khorasan: the Dashly Depe excavations (Turkmenistan) // M. Labbaf-Khaniki (ed.), Korāsān Nāmāk: Essays on the Archaeology, History, and Architecture of Khorasan in Honour of Rajabali Labbaf-Khaniki. Tehran, 2022. P. 21-34.
- Kurbanov, Yagshymyradov 2015 – Kurbanov, A., Yagshymyradov, G., Daşlydepe ýadygärliginde ýüze çykarylan täze gymmatlyklar // Türkmenistanda ylym we tehnika (Science and technology in Turkmenistan). Scientific-theoretical journal of the Academy of Sciences of Turkmenistan 1, Ashgabat, 2015. P. 40-43.
- Pollock, Bernbeck 2019 – Pollock S., Bernbeck R. Stratigraphy and Settlement Layout // Looking Closely. Excavations at Monjukli Depe, Turkmenistan, 2010–2014. Leiden: Sidestone Press, 2019. P. 33-80.
- Pollock et al 2012 – Pollock S. Bernbeck R., Ögüt B. Renewed Excavations at Monjukli Depe, Turkmenistan // Neolithics 2, 2012. Pp. 15-19.
- Pollock et al (ed.) 2019 – Pollock S., Bernbeck R., Ögüt B. (eds.). Looking Closely. Excavations at Monjukli Depe, Turkmenistan, 2010–2014. Leiden: Sidestone Press, 2019.
- Pollock et al 2011 – Pollock S., Bernbeck R., Norbert Benecke N., Castro Gessner G., Daszkiewicz M., Eger J., Keßeler A., Miller N. F., Pope M., Ryan Ph., Sturm P. Excavations at Monjukli Depe, Meana-Çaaça Region, Turkmenistan, 2010 // Archäologische Mitteilungen aus Iran und Turan 43, 2011. P. 169-237.
- Pampelli 2004 – Pampelli R. (red.). Türküstandaky derňew işleri. Änewiň gadymy ösüşi. Ashgabat: Miras, 2004 (на туркм. яз.).
- Pumpelly 1905 – Pumpelly R. (ed.). Explorations in Turkestan, Expedition of 1903. Washington, DC: Carnegie Institution of Washington, 1905.
- Pumpelly 1908 – Pumpelly R. (ed.). Explorations in Turkestan; Expedition of 1904. Prehistoric Civilizations of Anau, Origins, Growth, and Influence of Environment. Vol. 1-2. Washington, DC: Carnegie Institution of Washington Publication, 1908.
- Sarianidi 2001 – Sarianidi V. I. Necropolis of Gonur and Iranian paganism. Moscow: World media, 2001.
- Sarianidi 2002 – Sarianidi V. I. Margush. Ancient Oriental Kingdom in the Old Delta of the Murghab river. Ashgabat: Türkmen döwlethabarlary, 2002.
- Sarianidi et al 2010 – Sarianidi V., Boroffka N., Dubova N., Džumanazarov M., Orazov O. Gonur, Maryskij velajat, Turkmenistan // N. Boroffka, S. Hansen (eds.). Archäologische Forschungen in Kasachstan, Tadschikistan, Turkmenistan und Usbekistan. DAI, Eurasien-Abteilung, 2010. Pp. 33-37.
- Sarianidi et al 2012 – Sarianidi V. I., Boroffka N. G. O., Dubova N. A. Cultural contacts of Margiana, Turkmenistan, in the 3rd Millennium BC. New evidence from Gonur Depe, Burial 4150 // Gandhāran Studies. 6. 2012. Pp. 1-17.
- Schmidt 1908 – Schmidt H. Archaeological Excavations in Anau and Old Merv // R. Pumpelly (ed.). Explorations in Turkestan; Expedition of 1904. Prehistoric Civilizations of Anau, Origins, Growth, and Influence of Environment. Vol. 1. Washington, DC: Carnegie Institution of Washington Publication, 1908. Pp. 81-210.
- Schmidt 2003 – Schmidt H. 1904 Excavations at Anau North // F. Hiebert, K. Kurbansakhatov (eds.). A Central Asian village at the Dawn of civilization. Excavations at Anau, Turkmenistan. Philadelphia: University Museum Monograph, 2003. Pp. 174-193.
- Wemhoff et al 2018 – Wemhoff M., Nawroth M., Weiss R.-M., Wiczorek A. (eds.). Margiana. Ein Königreich der Bronzezeit in Turkmenistan. Petersberg: Michael Imhof Verlag, 2018.
- Winkelmann 2000 – Winkelmann S. Intercultural Relations between Iran, the Murghabo-Bactrian Archaeological Complex (BMAC), Northwest India and Failaka in the Field of Seals // East and West. 50 (1/4). 2000. Pp. 43-95.

Т. К. МКРТЫЧЕВ

НОВОЕ СЛОВО О БЕНЬКОВЕ

Статья представляет собой рецензию на монографию доктора искусствоведения Нигоры Рахимовны Ахмедовой «Павел Беньков: художник солнца», которая, по мнению автора, отличается от всей предшествующей литературы о Бенькове. Это не story о судьбе художника, а фактически первый искусствоведческий анализ его творчества. П. П. Беньков (1879–1949), известный как мастер портретной живописи, пейзажа, жанровых и тематических картин, театральный декоратор, стал одним из ведущих педагогов в 1930–1940-е гг. в Узбекистане и подготовил целую плеяду художников 1950–1970-х гг. В рецензируемой книге впервые точно определен художественный стиль, в котором работал Павел Беньков – среднеазиатский импрессионизм. Автор монографии проследила основные этапы развития этого стиля.

Ключевые слова: Павел Беньков, Казань, Бухара, Самарканд, среднеазиатский импрессионизм, изобразительное искусство Узбекистана, Фонд Марджани

DOI: <https://doi.org/10.34920/1694-5794-2022.33.011>

Цитирование: Мкртычев Т. К. Новое слово о Бенькове // Вестник МИЦАИ. Вып. 33. Самарканд, 2022. С. 159–164.

ЖИЗНЬ и творчество Павла Петровича Бенькова содержит множество парадоксов. Мастер портретной живописи, пейзажа, жанровых и тематических картин, театральный декоратор, педагог, он признан одним из основателей изобразительной школы Узбекистана. Однако эта аксиома по неизвестным причинам временами забывается искусствоведами. Да и не только искусствоведами. При жизни Беньков имел вполне заслуженную известность. Тем не менее, только после смерти он удостоился первой персональной выставки. Познакомившись в начале XX столетия во Франции с импрессионизмом, который к тому моменту уже фактически «умирал», Павел Беньков почти через полвека показал жизненный потенциал этого метода, живя в Узбекистане.

К одному из парадоксов относится и библиография вокруг имени художника. С одной стороны, написано много (Чеплевецкая 1950; Умаров 1961; Никифоров 1967; Апухтин, Чагин 1983; Хомутова 2000; Шостко 2008). Но, с другой стороны, профессиональных искусствоведческих исследований его творчества до сих пор практически не было. Лишь в минувшем году появилась книга¹, которая как будто заполняет эту лауну, и о ней, собственно, и пойдет речь.

Как уже было сказано, персональная выставка Бенькова, состоявшаяся в Москве в начале

1960-х годов, открыла жизнь и творчество художника как тему для научных и научно-популярных работ. Важную роль этом процессе сыграла книга «П. П. Беньков. 1879–1949. Воспоминания, переписка» (Ташкент, 1981), подготовленная искусствоведом М. А. Соколовой. По существу, ей удалось собрать большой массив информации по биографии Бенькова, воспоминания людей, которые его знали – близких, друзей, учеников; архивные документы, связанные с художником. Эта книга стала фундаментальной основой для дальнейшего изучения личности Павла Бенькова.

Новый всплеск интереса к его творчеству был инициирован внучкой художника Мариной Юрьевной Лещинской. Она со всей серьезностью занялась популяризацией наследия своего именитого деда. Лещинская организовала издание альбома «Павел Петрович Беньков», который был опубликован на спонсорские деньги под грифом Государственного музея Востока в 2009 г. Текст к альбому довелось написать мне (Мкртычев 2009). Я также неоднократно писал и говорил, что в силу ряда собственных жизненных обстоятельств рассматриваю творчество Бенькова как проекцию своего видения Средней Азии.

¹ Ахмедова Н. Павел Беньков: художник солнца. М.: Фонд Марджани, 2021. 100 с.

Примерно в это же время Фонд Марджани, известный своими интересами в изучении искусства Средней Азии, пригласил доктора искусствоведения Нигору Рахимовну Ахмедову начать большое искусствоведческое исследование творчества П. П. Бенькова. По ряду обстоятельств эта работа затянулась. За это время Беньков снова успел оказаться на виду художественных критиков и общественности. Он стал одним из героев выставки «Место под солнцем. Беньков – Фешин», которая состоялась в Музее русского импрессионизма в Москве в 2019 г. И вот наконец-то долгожданное исследование Н. Ахмедовой увидело свет.

Прежде всего, её монография отличается от всей предшествующей литературы о Бенькове. Это не *story* о судьбе художника, а искусствоведческий анализ его творчества, невозможный без хронологической канвы, но – опять же – особенности его судьбы и исторический контекст, в котором он жил и работал, являются только фоном для искусствоведческого анализа.

Книга состоит из краткого введения, пяти условных глав, расположенных по хронологии. Внутри каждой главы имеются свои разделы. Уже во Введении «Павел Беньков в зеркале времени» автор сразу переходит к сути дела. Н. Ахмедова четко определяет основные задачи исследования:

показать, что такое «импрессионизм Бенькова», проследить эволюцию творчества художника, и попытаться уйти от признанных шаблонов интерпретации его творчества (с. 6–7).

Первая глава «Юность художника. Годы учебы» охватывает период с 1895 по 1909 г. В главу входят пять разделов, повествующих о разных сторонах юности Бенькова. Это рассказы как об ученических этапах жизни художника («Казанская художественная школа», «Петербургское высшее художественное училище при Академии художеств»), так и об отдельных персонажах, сыгравших важную роль в становлении художника (Дмитрий Кардовский) и значимых поездках («Франция и Италия»). Очевидно, что в целом период ученичества – один из наименее изученных в аспекте анализа творчества художника. Несмотря на различные свидетельства о жизни и учебе Бенькова в Казани, на сегодняшний день неизвестно ни одной работы периода его обучения в Казанской художественной школе (1895–1901). При этом современники донесли до нас, что будущий художник очень много работал. «Он так много рисовал, что мать плакала. У нее не хватало денег на его холсты», – вспоминала сестра (с. 10).

Не лучше дело обстоит и с работами периода учебы в Высшем художественном училище при Академии художеств в Санкт-Петербурге (1901–1909). Наши знания о годах учебы Бенькова в Академии, с одной стороны, обширны, с другой – обрывочны. Известно о его увлечении цветом, за что однокурсники прозвали его Тицианом. Мы знаем, что он был хорошо знаком с современными европейскими художественными течениями: Беньков бывал во Франции, в Италии, в Испании, где посещал учебные заведения и музеи. По воспоминаниям самого художника, он проявлял большой интерес к импрессионизму (с. 12–13). Однако работ от этого достаточно длительного и, судя по всему, напряженного периода осталось крайне мало. Более того, дипломная работа «Покорность/Покорность судьбе», за которую он получил класс (диплом) живописца, сохранилась только благодаря черно-белой публикации в журнале «Нива». Фактически Н. Ахмедова вынуждена была обойти молчанием начальный период творчества художника.

Вторая глава «Казань» (1909–1928) посвящена самому противоречивому периоду творчества художника. По окончании Академии Беньков вернулся в Казань. Здесь он стал одним из ведущих педагогов Казанского художественного училища, где когда-то учился сам. Беньков женился на своей ученице, происходившей из профессорской среды Казани. Жизнь художника складывалась вполне благополучно. По мнению Н. Ахмедовой,

именно в эти годы Беньков начинает поиск своего пути в искусстве, который он в значительной степени связывает с импрессионизмом. Некоторое количество станковых работ, сохранившихся от того времени, дают основание для такого утверждения – «В саду. Этюд» (1913), «На террасе» (1913), «Золотой плёс» (1914?), «На Волге. Ташевка» (1914–1915) и др. Автор проводит интересное сопоставление творчества Бенькова с развитием импрессионизма в России, о котором писал А. Д. Сарабьянов, говоря, что «для него (русского импрессионизма – Т. М.) характерна большая, чем у французов, загруженность смыслом... и так называемый культ этюда» (с. 19).

Наряду с анализом поисков Беньковым своего стиля, автор монографии останавливается на тематических направлениях в творчестве художника. Так, со времени учебы в Петербурге Павел Петрович увлекался театром и, когда вернулся в Казань, начал активно сотрудничать с местными коллективами (Казанским оперным театром, труппой М. Ф. Степанова и др.). Собственно обширному театральному творчеству Бенькова Н. Ахмедова уделила немного места в своем исследовании. Дело в том, что казанский искусствовед Р. Султанова реконструировала оформленные Беньковым спектакли и подготовила достаточно полное исследование по театральному творчеству П. П. Бенькова (Султанова 2016).

К сожалению, мы не располагаем изображениями самих декораций, но сохранились воспоминания современников, согласно которым точно определяется творческое кредо художника. Так, успех декораций к опере Михаила Глинки «Руслан и Людмила» и неудача при постановке пьесы Владимира Маяковского «Мистерия-буфф» наглядно показывают, что Беньков был реалистом, которому категорически не удалось вписаться в новую модернистскую эстетику театра Мейерхольда.

Н. Ахмедова много места уделяет портретному творчеству П. П. Бенькова. С момента возвращения в Казань до того времени, как он переехал в Самарканд в 1931 г., прошло более двадцати лет. Все эти годы художник неоднократно обращался к портрету, создав удивительную галерею образов родных, представителей интеллигенции Казани, актрис и актеров казанских театров. Нельзя не согласиться с автором, что не все произведения Бенькова отвечают высоким требованиям русского психологического портрета. Однако очевидно, что уже на начальном этапе творческого пути художник располагал в своем арсенале всеми средствами для решения этой непростой задачи. Это хорошо видно по «Портрету детей Ковалевских» (1914–1915), который смело можно

назвать пророческим, и двум портретам значительно более позднего времени – 1926 года: «Портрет жены» и «Портрет историка П. В. Траубенберга» (тестя художника), точно отражающих то неоднозначное время. Таким образом, исследователь говорит об особом беньковском стиле портрета, в котором основное внимание художник уделял лицу персонажа. В стилистике портретов Бенькова произошло соединение позднего модерна с живописными приемами реализма.

Среди портретов Бенькова Н. Ахмедова акцентирует внимание на его работе «Портрет татарки» (1924–1928), известном также как «Обреченная невеста». Вокруг оценки этого портрета наблюдается некоторая полемика, связанная с этнографизмом и особенностями русского импрессионизма. Я полагаю, наибольший интерес представляет наблюдение автора, что портрет, написание которого начиналось не в самые простые времена для художника, был завершен им по возвращении из первой поездки в Среднюю Азию в 1928 г. Как справедливо отмечает Ахмедова, этот портрет является свидетельством преодоления художником творческого тупика (с. 30). Известно, что среди немногих работ, которые Беньков взял с собой при окончательном переезде в Среднюю Азию, был и этот портрет.

На мой взгляд, раздел «Беньков и революция» оказался неудачно расположен в конце главы. Несмотря на то, что во главе исследования стоит история искусства, а не история политики, нельзя отрицать того, что именно революция 1917 года коренным образом изменила жизнь Бенькова, а в конечном итоге – и всё его творчество. Имея при рождении невысокий социальный статус, к 1917 году П. П. Беньков пришёл с весьма солидным социальным багажом – прежде всего в лице жены и её родственников. Очевидно, что именно родственные связи заставили его уйти из Казани вместе с отступающими колчаковскими войсками. Парадоксально, что по возвращении в Казань в 1920 г. и после возобновления преподавания в училище Беньков становится объектом нападок со стороны левых художников, но не за сотрудничество с колчаковцами, а за свое «академическое прошлое».

Стоит отметить, что общая ситуация после революции не могла не сказаться и на тематике работ художника: деятельность в театре продолжалась до фиаско с декорациями к постановке «Мистерии-Буфф»; исчезают пейзажи – этот жанр уже был не востребован заказчиками; продолжается портретная галерея, однако при этом заметно меняется тональность портретов Бенькова, особенно в середине 1920-х гг. Между прочим, в череду написанных им портретов

был и неудавшийся портрет вождя мирового пролетариата В. И. Ленина. Автор исследования упоминает творческий кризис второй половины 1920-х гг. С моей точки зрения, раздел «Беньков и революция» было бы логичнее поместить в начале главы и оговорить существование двух этапов казанского творчества художника – дореволюционного и послереволюционного.

Третья глава «Бухара. Солнце в зените» посвящена самому короткому, но самому важному периоду в жизни Бенькова. Первый раздел главы «Внутренняя эмиграция» повествует о причинах путешествия художника из Казани в Бухару в 1928 г. Автор перечисляет основные причины такого решения и приходит к выводу, что этот поступок был внутренней эмиграцией. Между тем, по поводу этого отчаянного и судьбоносного шага художника я уже писал ранее в статье, опубликованной в каталоге выставки «Место под солнцем. Беньков – Фешин» (Мкртычев 2019). При том, что автор пытается реконструировать события того времени, никаких ссылок на мою работу нет. Не буду вдаваться в полемику по поводу определения «внутренняя эмиграция», которое, конечно, имеет право на существование. Но для оценки поступка Бенькова, на мой взгляд, более подойдут определения: «куда глаза глядят» или «чем дальше, тем лучше». Однако, по счастью, далекая Бухара, как и Средняя Азия в целом, оказались именно тем местом, которое позволило Павлу Петровичу изменить не жизнь – еще раз подчёркиваю – не жизнь, а творчество. Неслучайно раздел главы назван «Открытие нового мира». Автор точно подмечает, что художник как мастер пленэра довольно быстро изменил колористическую оптику своих пейзажей (с. 40). Мастер цвета – напомним, что сокурсники в Академии его называли Тицианом, – оказался в своей среде. Банальная фраза о том, что если бы ничего не осталось от его наследия, кроме пейзажей тех лет, очень точно отражает ситуацию. Благодаря работам, сделанным в Бухаре, художник мгновенно выдвинулся в ряды ведущих мастеров своего времени. То же самое случилось и с беньковскими портретами, сделанными в Бухаре, где художник вынужден был решать проблему фигуры и фона в новом колористическом ключе (с. 43). Надо отдать должное автору монографии, что в настоящее время она наиболее полно проанализировала этот короткий, но очень важный период в творчестве художника. Ахмедова упоминает вторую поездку Бенькова в Бухару и группирует по тематике работы, сделанные за её время. Отдельный раздел посвящен серии работ, в которых художник рисовал знаменитый Ляби-хауз, – одно из центральных мест Бухары. Судя по тому, как

художнику удается изобразить рефлексы солнца в воде, можно лишь безоговорочно согласиться с Ахмедовой, что именно с этого момента стало возможным говорить о формировании беньковского импрессионизма.

В разделе «Новые образы» автор упоминает о поездке Бенькова в Хиву в 1930 г. Одна из самых известных картин, сделанная по итогам того вояжа, – «Девушка-хивинка» – была выбрана для экспонирования на советской выставке в Филадельфии.

Несомненно, глава «Бухара. Солнце в зените» содержит интересный анализ переломного момента в эволюции творчества художника. По словам исследователя, «раскрылись дремавшие силы живописного темперамента. В Узбекистане произошло освобождение от инерции форм и жанров» (с. 61). Однако мне показалось, что в заключении автор приводит несколько скомканный и ставший уже банальным образ выбора, как сейчас принято говорить, «места силы» художника, соединив вместе импрессионистов с лондонскими туманами и Руанским собором, Павла Кузнецова и его киргизские степи, а также Поля Гогена с загадочным Таити (с. 65).

Четвертая глава «Самарканд» включает шесть тематических подразделов. У этой главы есть отправная точка в исторической хронологии – 1931 г., когда художник принял окончательное решение уехать из Казани и переехать в Среднюю Азию. Однако в главе никак не обозначено окончание истории, связывающей Бенькова с Самаркандом. Тут стоит напомнить, что Павел Петрович скончался в Самарканде в 1949 г., так что фактически эта глава формально призвана охватить 18 лет его жизни. Но по содержанию не совсем понятно, какие у главы хронологические рамки.

В разделе «В кругу художников» автор исследования рассказывает о ситуации, которая складывалась в художественной среде Узбекистана в начале 1930-х гг. Самарканд в те годы был оплотом художников левых взглядов, группировавшихся вокруг такого объединения как Изофабрика, где занимались в основном оформительской работой. Среди участников Изофабрики были Рубен Акбальян, Варшам Еремян, Надежда Кашина, Елена Коровай, Георгий Никитин. Руководство осуществлял Оганес Татевосян. В это царство авангардистов приехал Павел Беньков – уверенный в себе художник, относящий себя к реалистам.

В разделе «Культурная революция» исследователь дает справедливую оценку деятельности Бенькова как педагога-художника, одного из немногих имевших академическое образование и солидную педагогическую практику. Время 1928–

1932 гг., когда происходил подъем живописи Узбекистана, автор называет «культурной революцией», что, на мой взгляд, требует определенных пояснений. Очевидно, что за то короткое время, которое провел Беньков в Узбекистане начиная с момента своего первого появления в Бухаре до окончательного переезда в Самарканд, в регионе происходили большие социальные и экономические изменения. Естественным образом они повлияли на обновление тематики в работах Павла Бенькова самаркандского периода.

О новых формах в творчестве художника исследователь повествует в двух разделах, озаглавленных «К свету!» и «Агитация за счастье». По существу, в этих разделах речь идет как о новых формах – многофигурные жанровые композиции, прославляющие социалистический труд, советские праздники, – так и о продолжении портретной темы с новыми типажам: партийные работники, простые народные образы. Парадоксально, но Беньков, хороший рисовальщик, прекрасный колорист, великолепно владеющий композицией, потерпел неудачу в написании больших заказных сюжетных картин. Известно, что он сам очень придирчиво относился к таким полотнам, неоднократно их переписывая. Такая ситуация произошла во время работы над большим полотном «Встреча героя» (1938). Тем не менее некоторые многофигурные сюжетные картины Бенькова, связанные с сельскохозяйственными работами, вошли в золотой фонд изобразительного искусства Узбекистана («Сбор хлопка в Узбекской ССР», 1934–1935; «Окучка хлопка в Узбекской ССР», 1936).

Ахмедова не могла обойти стороной непростые отношения Бенькова с художественной средой Узбекистана. Ему доставалось как со стороны левых, видевших в нем реалиста; так и со стороны правых – представителей нарождающегося социалистического реализма (раздел «Утопия и реальность: лики эпохи») (с. 72). И вот еще один парадокс в творчестве Павла Бенькова: в этот сложный период именно импрессионизм оказался спасением – принципы реализма, импрессионистическая стилистика, немного декоративизма – всё это позволяло «втискиваться» в требования эпохи 1930–1940-х гг. По очень точному наблюдению автора, в этих условиях искусствоведы начали «гримировать» Бенькова под правого соцреалиста (с. 80).

В разделе «Главный герой – свет. Живописные приемы» Н. Ахмедова анализирует трансформацию живописных приемов художника – от белого солнца Бухары до тенистых дворики Самарканда, где «белый цвет звучит естественно как аналог света и имеет богатые цветовые рефлексии»

(с. 84). В этом же разделе автор рассматривает педагогическую деятельность Павла Петровича Бенькова, в которой проявились и школа Д. Н. Кардовского, и самостоятельные находки – новое в работе на пленэре с учетом цветового богатства Средней Азии (с. 84).

Название следующей главы «Самаркандские дворики» повторяет одну из излюбленных тем в позднем творчестве Бенькова. В разделе «Новые мотивы» Ахмедова определяет в работах 1940-х гг. дальнейшее развитие импрессионистической техники, когда художник с помощью тени и света передаёт на картине большое воздушное пространство. В этом отношении новым шагом стала работа «Подруги» (1940). Традиционно её принято рассматривать как идейно-патриотическое полотно, в то время как Ахмедова выявляет многослойность и многозначность этого произведения (с. 86). К новым мотивам автор монографии совершенно справедливо относит разнообразные варианты изображения дворики, временами с простым сюжетным наполнением («с нехитрыми занятиями их обитателей»). Между тем следует отметить, что была и вполне прозаическая причина, сделавшая Бенькова «певцом самаркандских дворики». Речь идет о его плохом состоянии здоровья, что осложнило его выход за пределы своего двора и проведение любимых им пленэров. Остается непонятным, как в этот раздел, названный «Новые мотивы», вошла история про взаимные портреты – Бенькова и Ковалевской. Завершается исследование творчества Бенькова анализом картины «Девушка с дутаром», которая была одной из последних крупных работ художника. Накопленное мастерство (с. 97) проявилось и в портрете девушки, и в пейзаже, который её окружает. Исследователь справедливо считает, что это полотно завершило импрессионистические поиски художника на самой высокой ноте.

Подводя итог, позволю себе сделать несколько замечаний, которые уже упоминались в моем тексте. Прежде всего, они касаются структуры и хронологии. Как уже говорилось в начале рецензии, автор монографии не ставил перед собой задачи рассказать историю жизни и творчества художника. Но, с другой стороны, в анализе эволюции творчества художника, который и является основной темой монографии, не помешали бы более точно расставленные хронологические отметки. Не знаю, по какой причине, в монографии нигде не упомянута Великая Отечественная война (1941–1945 гг.). Можно согласиться, что она не оказала большого влияния на творчество художника, но приведенная в монографии картина «В новой семье» (1942) (с. 85), точно указывает, что тема войны вошла в творчество художника наря-

ду с другими приметам времени. И последнее критическое наблюдение: мне лично не хватает некоего подведения итогов исследования, которые могли бы быть сконцентрированы в небольшом заключении.

Тем не менее, все эти замечания никак не могут повлиять на общее благоприятное впечатление от работы. Нигора Ахмедова сделала первый искусствоведческий анализ творчества художника, который был одним из ведущих педагогов в 1930–1940-е гг. в Узбекистане и подготовил целую плеяду художников 1950–1970-х гг. Впервые точно определен художественный стиль, в котором работал Павел Петрович Беньков – среднеазиат-

ский импрессионизм. Автор монографии точно проследила основные этапы развития этого стиля. Очевидно, что сделан первый серьезный шаг в искусствоведческом изучении наследия П. П. Бенькова. Учитывая, что в монографию вошли далеко не все его произведения, мы вправе ожидать и последующие шаги в этом направлении.

В заключение нельзя не отметить поддержку Фонда Марджани, организовавшего и само исследование, и эту публикацию. Стоит подчеркнуть прекрасный дизайн и качественное полиграфическое исполнение, что очень важно при публикации живописных работ таких солнечных художников, как Павел Беньков.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Апухтин, Чагин* 1983 – *Апухтин О. К., Чагин Г. В.* Самаркандский живописец: документальная повесть. Ташкент: Ёш гвардия, 1983.
- Мкртычев* 2009 – *Мкртычев Т.* Художник, который видел форму цвета // Беньков Павел Петрович 1879-1949. Альбом. Автор-сост. М. Ю. Лещинская. М.: Гос. музей Востока, 2009. С. 9-35.
- Мкртычев* 2019 – *Мкртычев Т.* Уехать, чтобы остаться. Выбор Павла Бенькова // Павел Беньков (1879-1949). Каталог выставки. М.: Музей русского импрессионизма, 2019. С. 8–25.
- Никифоров* 1967 – *Никифоров Б. М.* Павел Петрович Беньков. М., 1967.
- Султанова* 2016 – *Султанова Р. П.* Беньков – художник театра (своеобразие творческого метода) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2016, №2 (64).
- Умаров* 1961 – *Умаров А. П.* П. Беньков – выдающийся художник Узбекистана // Искусство. 1961. № 4. С. 25–28.
- Хомутова* 2000 – *Хомутова М.* Очарованный солнцем // Мир музея. 2000. № 4 (176).
- Чеплевецкая* 1950 – *Чеплевецкая Г. Л.* Павел Петрович Беньков. М.: Искусство, 1950.
- Шостко* 2008 – *Шостко Л.* Павел Беньков в Узбекистане // Мир музея. 2008. № 11 (255). С. 22–28.

ХРОНИКА

ЭДВАРД ВАСИЛЬЕВИЧ РТВЕЛАДЗЕ (1942-2022)

10 февраля 2022 г. накануне своего восьмидесятилетия ушел из жизни археолог с мировым именем, выдающаяся личность и замечательный человек – академик Эдвард Васильевич Ртвеладзе. С его уходом историческая наука Узбекистана, его семья, ученики и близкие понесли совершенно невозполнимую утрату.

Он прожил очень насыщенную и плодотворную жизнь, отданную любимому делу – научным исследованиям, потрясающим открытиям, популяризации древнего историко-культурного наследия Центральной Азии, воспитанию учеников. Он был действительным членом Академии наук Республики Узбекистан (1995) и иностранным членом Академии наук Грузии (2010), доктором исторических наук (1989), профессором, лауреатом Государственной премии в области науки и техники (2007) и Государственной премии им. Беруни (1985) в Узбекистане, удостоен в этой стране орденов «Буюк хизматлари учун» («За великие заслуги», 2001), «Шухрат» («Трудовой славы»), «Эл-юрт хурмати» («Уважаемому народом и Родиной», 2017), а в родной Грузии получил

«Гирдебис ордени» («Орден чести», 2001). Э.В. Ртвеладзе – лауреат греческой премии ордена Великого Константина и диплома Европейской Ассоциации профессоров (2007). Несмотря на такое признание и известность, Эдвард Васильевич всегда оставался скромным, отзывчивым к людям, простым и дружелюбным в общении человеком с мягким взглядом и доброй улыбкой.

Краткая творческая биография – формирование ученого. Э. В. Ртвеладзе родился 14 мая 1942 г. в Грузии в городе Боржоми. В 1946 г. семья переехала в Кисловодск. Будучи школьником, он увлекался археологией и, как член местного археологического кружка, участвовал в полевых раскопках и экспедициях в окрестностях Кисловодска. В конце 1950-х гг. ему посчастливилось пообщаться с М. Е. Массоном – патриархом среднеазиатской археологии, который вместе с супругой Г. А. Пугаченковой отдыхал в Кисловодске. Эти встречи и предопределили судьбу юноши. Увидев его увлеченность и незаурядный исследовательский талант, Михаил Евгеньевич предложил ему после школы поступить в Сред-

неазиатский (впоследствии – Ташкентский) государственный университет на кафедре археологии Средней Азии. Всё так и произошло. Но прежде, как вспоминала его наставник академик Пугаченкова, Эдвард Ртвеладзе прошел школу полевых исследований, участвуя в раскопках на Кавказе, в Туркмении и Узбекистане. Э. Ртвеладзе поступил в университет в 1962 и окончил его в 1967 г. получив квалификацию историка-археолога, после чего устроился в ташкентский Институт искусствознания, где и проработал 55 лет на одном месте до последних дней своей жизни.

В том же 1967 г. он участвовал в своих первых самостоятельных раскопках в Северной Бактрии. С 1971 г. читал лекции в различных вузах Ташкента. В 1975 г. защитил в Ленинграде кандидатскую диссертацию по теме «Из истории городской культуры на Северном Кавказе и ее связей со Средней Азией», после чего был переведен на должность старшего научного сотрудника родного Института. В 1979 г. начал свои исследования на городище Кампыртепа. Его научные интересы и археологические исследования в дальнейшем будут тесно связаны с югом Узбекистана, где территория Сурхандарьи являлась частью могущественных древних государств и цивилизаций. Обобщение, анализ и осмысление археологических материалов, полученных в результате полевых исследований, легли в основу его докторской диссертации «Древняя Бактрия – средневековый Тохаристан. Динамика историко-культурного развития», которую он защитил в 1989 г. в Москве.

Международное сотрудничество. В последующие годы фундаментальные исследования Эдварда Ртвеладзе вызвали все больший интерес за рубежом, что обусловило его активное сотрудничество с коллегами и научными Центрами разных стран. Это научные поездки и чтение лекций в университетах Японии (1990), Франции (1991) и Италии (1993), в ряде университетов России, работа в составе Французской археологической экспедиции на Кипре (1992) и во французском «Центре по изучению эллинской цивилизации в Афинах. В 1995-1996 гг. теперь уже академик АН РУз, Эдвард Ртвеладзе работал в Париже в качестве Maître de Conférence Collège de France, в 1998 г. читал лекции в Британском музее в Лондоне, в 2000-е гг. в университетах Стокгольма, Никосии, Цюриха.

Зарубежные поездки, длившиеся по одному или несколько месяцев перемежались с его основной работой в качестве заведующего отделом истории искусств в родном институте, усиленной работой с учениками, докладами на международных конгрессах и симпозиумах. К примеру, до-

клад на очередной сессии ЮНЕСКО, посвященный 660-летию Амира Тимура (1996), доклады в Осаке (Япония, 1998), в Вашингтоне и Нью-Йорке (США, 1998) и др.

Археологические открытия. При всей его бурной международной деятельности, основным и горячо любимым его занятием оставалась его муза – археология. Его археологические изыскания в составе УзИСКЭ – Узбекстанской искусствоведческой комплексной экспедиции под руководством Галины Пугаченковой на юге Узбекистана на городище Дальверзинтепа увенчались сенсационным успехом. Помимо того, что Э. Ртвеладзе, Г. Пугаченкова, Б. Тургунов и другие члены экспедиции вскрыли значимые территории этого городища, там была обнаружена великолепная глиняная скульптура – крупные статуи Будды, бодхисатв и др., а в 1972 г. – и всемирно известный дальверзинский золотой клад весом в 36,2 кг. Он состоял из слитков золота с древнейшими текстами на письменности кхароштки, ювелирных изделий и украшений кушанского времени. Этот клад вошел в Государственный золотой фонд Узбекистана, а грандиозная скульптура буддийских персонажей и другие находки составили ценнейшую научную коллекцию Института искусствознания, чья экспедиция и выявила все эти артефакты.

В 1999 г. Э. В. Ртвеладзе основал Тохаристанскую археологическую экспедицию, которая работала преимущественно на городищах Кампыртепа, Шуробкурбан, Дабилькурбан, с 2013 г. – на Узундара и других объектах юга Узбекистана. С 2000 г. он начал регулярно издавать «Материалы Тохаристанской экспедиции», где исследователи представляли не только новые материалы, но и скрупулезный их анализ, определяя их место в мировой художественной культуре и, в частности, в материальном наследии Узбекистана.

Эдвард Васильевич являлся участником свыше 130 археологических экспедиций в Центральной Азии, на Северном Кавказе и в других регионах, однако его любимым детищем стало городище Кампыртепа, где он до последних месяцев жизни лично проводил регулярные планомерные раскопки.

Кампыртепа – это город-крепость античного времени конца IV в. до н.э. – первой половины II в. н.э., расположенный на переправе через древнее русло Окса (Амударьи), служивший впоследствии также таможенным пунктом. Здесь впервые в Центральной Азии осуществлено почти полное вскрытие античного городища площадью в 4 га, получены обширные материалы по истории градостроительства, материальной и художественной культуре эпохи эллинизма и кушанского

периода. Периодическое участие в раскопках Кампыртепа принимали и археологи из Японии, США, Франции, России, Южной Кореи.

Научные труды. Эдвард Ртвеладзе как истинный академический ученый знал, что новые результаты научных исследований не могут залеживаться в письменном столе – они должны своевременно издаваться, способствуя продвижению и развитию этой сферы науки. Он активно публиковался сам, рекомендовал и требовал этого от своих учеников и членов отдела. Было трогательно видеть, как он по-детски искренне радовался своим новым книгам и изданиям своих учеников. Иногда, когда не удавалось привлечь спонсоров, инициируемые им сборники научных статей коллег и учеников, в том числе и «Материалы Тохаристанской экспедиции» он издавал и на свои личные средства.

Его первая научная статья вышла в 1965 г. За последующие почти 60 лет научного творчества Эдвард Васильевич опубликовал более 900 работ, среди которых около 40 – его книги: монографии и научно-популярные труды. Помимо Узбекистана он публиковался в Англии, Венгрии, Германии, Грузии, Иране, Италии, Китае, России, США, Франции, Японии, а также в ряде стран СНГ. Среди монографий Ртвеладзе следует отметить такие фундаментальные исследования как «Великий Шелковый путь» (2001, диплом Академии наук Республики Узбекистан за лучшее исследование в области гуманитарных наук), «Древние и раннесредневековые монеты историко-культурных областей Узбекистана» (Ташкент, 2002); «Александр Македонский в Бактрии и Согдиане. Историко-географические очерки» (Ташкент, 2002 и Турин, 2006 – в переводе на итальянский); «Археология похода Александра Македонского (Токио, 2006 - на японском языке); «Цивилизации, государства, культуры Центральной Азии» изданная в Узбекистане (2005), Великобритании (на англ. яз), Японии (на японском), Южной Корее (на корейском) и в Грузии (на грузинском), «Великий Индийский путь» (СПб., 2012), «Александр Македонский в Трасноксиане» (СПб., 2019) и др.

Э. В. Ртвеладзе являлся членом редколлегии ряда научных журналов – «Общественные науки Узбекистана», «Узбекистон тарихи», «Санъат» и других, в том числе и такого всемирно известного научного ежегодника как «Silk Road Art and Archaeology», издаваемого в Японии. Он также являлся научным редактором свыше 150 научных изданий, в том числе научно-популярных книг и альбомов, посвященных юбилеям городов и выдающимся историческим личностям Узбекистана. С 1995 г. в течение ряда лет по его инициативе и под его непосредственной редакцией в Ташкенте

издавались научные сборники «Нумизматика Центральной Азии».

Новые масштабные издательские проекты. В 2010 г. стартовал беспрецедентный проект «Архитектурная эпиграфика Узбекистана» по полной расшифровке монументальных надписей исторических памятников и их публикации. До настоящего времени издано 15 томов этой серии с параллельным текстом на узбекском, русском, арабском и английском языках по Андижанской, Бухарской, Кашкадарьинской, Навоийской, Наманганской, Сурхандарьинской и другим областям и отдельно по Каракалпакстану.

В 2015 г. стартовал новый проект «Культурное наследие Узбекистана в собраниях мира», целью которого является сохранение, изучение и популяризация культурного наследия Узбекистана. В обоих проектах руководителем стал узбекский государственный и общественный деятель Фирдавс Абдухаликов, а научным редактором – академик Ртвеладзе. Это был огромный труд по научной координации, выдвиганию новых идей и концепций, редактированию книг в обоих проектах. До настоящего времени издано около 50 солидных, красочных книг-альбомов этой великолепной серии, где представлены артефакты Узбекистана, хранящиеся в зарубежных музеях и коллекциях, и отчасти – в отечественных. С 2017 г. Э. В. Ртвеладзе являлся Председателем Научного совета Всемирного общества по изучению, сохранению и популяризации культурного наследия Узбекистана.

Учитель и наставник. Я слышала о Ртвеладзе с конца 1970-х гг., познакомилась ближе и начала работать непосредственно в его отделе с 1986 г. В 1979 г. я заканчивала архитектурный факультет ТашПИ. Мой дипломный проект был посвящен реставрации мечети Кок-Гумбаз в Шахрисабзе. Мой руководитель профессор В. А. Нильсен посоветовал для сбора материала обратиться к Лидии Львовне Ртвеладзе, в то время заведующей архивом Главного управления по охране и реставрации памятников культуры Узбекистана. При нашей встрече и из последующих бесед я узнала, что Лидия Львовна – известный археолог и, что ее грузинская фамилия Ртвеладзе – от её мужа – как и она, археолога.

В 1986 г., поступив в аспирантуру Института искусствознания, я начала работу в группе «Свод памятников архитектуры и монументального искусства Узбекистана» и была причислена к сектору «Истории искусств и архитектуры», впоследствии отдел «Истории искусств», который долгие годы возглавляла Галина Анатольевна Пугаченкова, а затем Эдвард Васильевич. В этом отделе я проработала 20 лет, которые стали для

меня подлинной научной школой (в целом мы проработали вместе с ним в одном институте 36 лет). Продолжая традиции своих учителей и наставников — академиков М. Е. Массона и Г. А. Пугаченковой, Э. В. Ртвеладзе уделял много внимания подготовке молодых специалистов. На заседаниях отдела он рассказывал много интересного и познавательного по нашей научной сфере, знакомил нас с новыми отечественными и зарубежными изданиями. В течение нескольких лет почти каждую неделю он проводил научные семинары «История и материальная культура Центральной Азии и сопредельных регионов». На эти «научные четверги Ртвеладзе» собиралось много народу — помимо сотрудников нашего института, со всего Ташкента стекались заинтересованные ученые и просто интеллектуалы. Мэтр не упускал возможности пригласить на семинары и познакомить нас с своими зарубежными коллегами, гостившими в Ташкенте. В их числе были американские специалисты — историк Ричард Фрай, археолог Фредрик Хиберт, историки архитекторы Иосиф Ноткин из Израиля, Сергей Хмельницкий из Германии и другие. Это очень помогало быть в курсе международных научных событий и изысканий, иных исследовательских методик.

Но интересно нам было не только работать... С особой теплотой вспоминается, как задушевно проходили дни рождения сотрудников отдела, как мы отмечали праздники, подготавливали и проводили креативные задорные капустники. Теперь о них напоминают черно-белые фотографии тех лет, да наша память.

Эдвард Васильевич был весьма демократичным руководителем. Для многих из нас он был просто научным наставником, но при этом и —

непоколебимым научным и человеческим авторитетом, послушаться которого просто никому и в голову не приходило. Он воспитывал нас личным примером. Действительно, учитель не тот, который тебя учит, а тот у которого ты учишься. Ртвеладзе создал свою научную школу, воспитал многих своих учеников истинными и преданными своему делу учеными, для которых, как и для него самого, научные исследования — любимое и всепоглощающее занятие, определенный образ жизни. Под руководством и при наставничестве Э. В. Ртвеладзе защищены многочисленные кандидатские и докторские диссертации. Многие его ученики — историки, археологи, архитекторы, художники, искусствоведы работают не только в Узбекистане, но и в научных учреждениях зарубежных стран (Азербайджан, Греция, Израиль, Казахстан, Канада, Россия, США, Франция, и т.д.). Он оставил крупную и значимую научную школу с сильным творческим потенциалом, учеников, способных достойно продолжить дело своего учителя.

Научные труды академика Э. В. Ртвеладзе раскрывают новые значительные пласты развития истории и материальной культуры народов Центральной Азии периода древности и средневековья. Они переводятся на разные иностранные языки и регулярно переиздаются в Узбекистане и за рубежом. Воистину, пока современники и будущие поколения обращаются к исследованиям ученого — он живет в своих трудах и не угасает память о нем. Светлая Вам память, дорогой учитель и наставник!

Мавлюда Аббасова-Юсупова

ВИКТОР ФЕДОРОВИЧ ЗАЙБЕРТ (1947 – 2022)

Казахстанская археологическая наука понесла невосполнимую утрату. Ушел из жизни знаменитый ученый, открывший миру начало коммуникационной эры, давший знания о доместикации коня. В течение 40 лет В. Ф. Зайберт вел раскопки энеолитического поселения Ботай. Каждый ученик знает это название и значение открытия ботайской археологической культуры IV-III тыс. до н. э.

Да! Он время мерил тысячелетиями, а пространство – всей обитаемой ойкуменой.

Виктор Федорович Зайберт – известный ученый, доктор исторических наук, профессор археологии, главный научный сотрудник музея-заповедника Ботай, член-корреспондент Германского археологического института, Академии социальных наук РК, член Ученого совета по археологии и истории Института истории и этнологии им. Ч. Ч. Валиханова, директор Научно-исследовательского института археологии степных цивилизаций КазНУ им. Аль-Фараби. В. Ф. Зайберт – один из самых цитируемых ученых в археологической науке Казахстана, согласно высоким наукометрическим показателям удостоен престижной независимой награды «Лидер науки» (2015 г.)

В. Ф. Зайберт – почетный работник туризма Республики Казахстан, Почетный гражданин Северо-Казахстанской области, за заслуги в укреплении мира, дружбы и сотрудничества между народами был награжден Орденом «Достық» II степени.

Виктор Федорович родился 30 сентября 1947 г. в селе Николаевка Есильского района Северо-Казахстанской области в семье сельской интеллигенции, немцев-спецпоселенцев. Родители Виктора Федоровича до войны проживали в Автономной Советской социалистической республике немцев Поволжья. Отец Федор Федорович, учитель пения, до войны успел окончить первый курс Саратовской консерватории и в начале войны был призван в трудармию. Мать Амалия Петровна окончила Саратовский педагогический техникум и работала учительницей немецкого языка. Осенью 1941 г. мать, бабушка и две сестры были депортированы в Казахстан. Их выгрузили в Петропавловске из товарного вагона на подводы, а потом казахи разобрали по домам. Зайберты попали в семью Темировых. Лишь после окончания Великой Отечественной войны в ноябре 1946 г. отец вернулся к семье. И через год

родились двойняшки: Виктор и Эльвира. Всего в семье Зайбертов было шесть детей.

Виктор Зайберт окончил Явленскую среднюю школу Есильского района. В 1969 году окончил историко-филологический факультет Петропавловского пединститута по специальности «учитель истории». В 1969 г. он был принят в штат Северо-Казахстанского областного историко-краеведческого музея, где проработал научным сотрудником и завотделом археологии до 1976 года. Это были для В. Ф. Зайберта годы профессионального роста. Он прошел великолепную школу реставрации археологических находок в научных учреждениях Москвы (ГИМ, Пушкинский музей, Кремлевские реставрационные лаборатории), Ленинграда (Эрмитаж).

Научная биография Виктора Федоровича связана с археологией Северного Казахстана. Выбор профессии всей жизни произошел в студенческие годы благодаря судьбоносной встрече с Г. Б. Здановичем, в будущем знаменитым архе-

ологом, открывшим миру городище Аркаим и ставшим основателем синташтинско-аркаимской археологической культуры.

В 1967 г. была организована Северо-Казахстанская археологическая экспедиция (СКАЭ), в которой В. Ф. Зайберт и начал осваивать археологию. Масштабные археологические разведки, стационарные раскопки поселений и могильников развернулись по всей территории северных областей Казахстана. За первые пять лет деятельности СКАЭ на карту было нанесено 400 памятников, 200 из них – это памятники каменного века. Эти открытия определили интерес В. Ф. Зайберта к изучению каменного века Приишимья.

Ко времени поступления в аспирантуру (1977) Института археологии АН СССР им был накоплен солидный материал по неолиту Северного Казахстана, выделены районы концентрации, определены закономерности топографии, раскопаны однослойные и многослойные поселения мезолита-неолита, намечены периодизация и хронология позднеголоценовых памятников Приишимья.

В 1979 г. В. Ф. Зайберт в Москве защитил кандидатскую диссертацию на тему: «Неолит Северного Казахстана» (Зайберт 1979). На основе технико-типологического, системного анализа была выделена атбасарская археологическая культура VI-III тыс. до н. э., обосновано формирование ее на местной мезолитической основе (Зайберт 1992: 129-131). Таким образом было закрыто «белое пятно» по древней истории целой эпохи. Атбасарская археологическая культура была вписана в азиатскую микролитическую культурную зону в виде отдельной северо-казахстанской этнокультурной области (Зайберт 1992:112). Неолитическое население атбасарской культуры обитало оседло, по палеозоологическим находкам из культурных слоев поселений В. Ф. Зайберт пишет о зачатках становления производящей экономики, в частности скотоводства.

Вкладом в мировую археологию является открытие и изучение энеолитической ботайской археологической культуры IV-III тыс. до н. э. Поселение Ботай было открыто в 1980 году на р. Иман-Бурлук, в Айыртауском районе Северо-Казахстанской области. Сегодня это название знает каждый школьник, оно вошло во все школьные, вузовские учебники, академические издания национальной истории, словари, энциклопедии.

К исследованию Ботая Виктор Федорович подошел зрелым ученым, владеющим фундаментальными и прикладными знаниями по археологии и древней истории Степи. Памятнику повезло, что он попал в руки такого маститого профессионала, так как в науке личность иссле-

дователя играет очень важную роль.

Первый полевой сезон ошеломил археологов обилием разнообразных артефактов, мощным культурным слоем, остатками жилых и хозяйственных конструкций. И самое удивительное – прекрасной сохранностью костей лошади. Виктор Федорович сразу понял, что памятник требует комплексного мультидисциплинарного исследования. К работе экспедиции были привлечены специалисты – палеогеографы, ботаники, геоморфологи, палеозоологи, архитекторы. Круг памятников расширился в результате целенаправленных поисковых работ. Сразу были определены топографические критерии расположения поселений ботайской культуры, и это привело к открытию ряда поселений: Красный Яр, Васильковка, Рощинское, Баландино, Сергеевка.

В 1983 г. на поселении Ботай был проведен Всесоюзный археологический семинар, на котором собрался весь цвет специалистов по первобытной археологии Евразии. Это была своеобразная презентация памятника и признание его археологической уникальности. О Ботая заговорили ученые дальнего зарубежья. Но попасть в Казахстан до обретения независимости они не могли.

В 1983 г. был поставлен вопрос о выделении ботайской археологической культуры. Виктор Федорович занялся методологическими вопросами понятия «археологическая культура» (Зайберт 2009: 227-233). Впереди стояло решение вопросов о территории археологической культуры, периодизации, сравнение с соседними энеолитическими памятниками и общностями. Главное направление сравнительных векторов – место ботайской культуры между ямной культурно-исторической общностью и афанасьевской археологической культурой. В отличие от соседних энеолитических культур ботайская уникальна основным типом памятников. Она представлена крупными стационарными поселениями с мощными культурными слоями и большим количеством археологического и фаунистического материала. Некрополи не найдены, редкие погребения расположены в пределах поселения (Зайберт 2009: 51). Это основные признаки ботайской археологической культуры.

В 1992 г. В. Ф. Зайберт защитил диссертацию на соискание ученой степени доктора исторических наук по специальности «археология» на тему «Энеолит Урало-Иртышского междуречья». Защита проходила в Институте археологии и этнографии Сибирского отделения РАН (Новосибирск). В 1996 г. ВАК Казахстана присвоил Зайберту звание профессора археологии.

С провозглашением независимости Казах-

стана в истории изучения ботайской культуры начинается период активного международного сотрудничества в виде организации международных проектов по изучению культурного слоя поселения Ботай, организации зарубежных выставок в Кембридже, Оксфорде, Германии, чтения лекций в университетах Великобритании, Германии, Египта.

В 1995 г. на Ботае был проведен международный симпозиум «Древние коневоды Евразии», на котором участвовало более 80 археологов из 16 стран. Ученые осмотрели несколько поселений ботайской культуры, познакомились с фаунистической коллекцией.

В целом, как отмечает В. Ф. Зайберт: «Более 30 иностранных специалистов из Великобритании, Франции, Германии, Китая, Дании, Литвы, США занимаются ботайской культурой. Мы с ними четко поделили тематику. Мы работаем над историко-культурными проблемами: история народа, этноса, культуры. Иностранцы, владея новыми технологиями, открывают содержание артефактов».

Многие из вовлеченных специалистов являются лидерами в своих областях и применяют передовые методологии для своей работы в Казахстане. В некоторых случаях Ботай был объектом самого первого применения совершенно новых подходов и методов» (Зайберт 2020: 79, 83).

Зарубежных ученых в изучении первобытной эпохи интересуют вопросы одомашнивания лошади и становления производящего типа хозяйства. В области прикладной археологии были получены подтверждения употребления кумыса по жировым клеткам на стенках сосудов, трасологическим методом по стертости поверхности коренных зубов лошади определено употребление волосняных, костяных удил, взяты пробы на ДНК и радиоуглеродный анализ, сделан генетический анализ по костям лошади.

В новом тысячелетии раскопки памятников ботайской культуры продолжают. Благодаря активной деятельности В. Ф. Зайберта осуществлены мероприятия по сохранению уникального памятника. В 2000 г. поселение Ботай включено в состав Государственного национального парка природы «Кокшетау». Важным достижением в деятельности ученого стало создание в 2018 г. Государственного историко-культурного музея-заповедника «Ботай». Новый импульс для развития исторической науки и признание на государственном уровне значения исследования поселения Ботай были получены после опубликования в 2018 г. программной статьи Первого Президента страны Н. А. Назарбаева «Семь граней Великой степи».

Работы В. Ф. Зайберта представляют собой новый в археологии Казахстана уровень исторического анализа археологического источника. В своих теоретических интерпретациях ученый вышел на моделирование древних социально-экономических, мировоззренческих процессов как событий этнографического времени. Этому способствовал тщательный анализ массового материала по всем категориям археологических артефактов. Историко-культурный контекст длительной по времени и инновационной по содержанию энеолитической эпохи Северного Казахстана подробно представлен благодаря трудам В. Ф. Зайберта. Он оставил отечественной науке более 100 научных статей и монографий по древней истории степной Евразии.

В. Ф. Зайберт стремился одолеть болезнь и до последних часов работал над новыми томами книг по Ботаю. Летом он планировал выехать в экспедицию. Он знал, что степь поддержит и зарядит его энергией. В своем последнем интервью (16 февраля 2022 г.) он говорил о планах, о том, как много еще предстоит сделать...

Виктор Федорович Зайберт в посвящении своей теоретической монографии 2009 года по Ботаю написал: «Исторически мудрому казахскому народу посвящается...». В этих словах – глубинная связь Ученого со своей Родиной, благодарность народу, спасшему его родных в тяжелые годы войны и депортации.

Память о себе Виктор Федорович Зайберт навечно вписал обоснованием доместикации лошади более пяти тысяч лет назад в степных просторах Казахстана. Оседлав коня, человек, по сути, оседлал время и пространство и заложил основы нового цивилизационного витка истории.

Марал Хабдулина,

кандидат исторических наук,

доцент кафедры археологии и этнологии

ЕНУ им. Л. Н. Гумилева,

директор НИИ археологии им. К. А. Акишева

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Зайберт 1979 – Зайберт В. Ф. Неолит Северного Казахстана: автореф. дис. ...канд. ист. наук. М., 1979. 17 с.
- Зайберт 1992 – Зайберт В. Ф. Атбасарская культура. Екатеринбург: УрО РАН, 1992. 221 с.
- Зайберт 2009 – Зайберт В. Ф. Ботайская культура. Алматы: «ҚазАқпарат», 2009. 576 с.
- Зайберт 2020 – Зайберт В. Ф. Ботай. Алматы: «Балауса баспасы», 2020. 480 с. Каз., рус., англ. яз.

ТИМУР ХАСАНОВИЧ ОЧИЛОВ (1963-2022)

Коллектив Самаркандского Института археологии НЦА АН РУз глубоко скорбит по поводу безвременной кончины коллеги и соратника, главного специалиста производственно-издательской деятельности Института археологии – Человека с большой буквы, благородного и широкой души – Тимура Хасановича Очилова.

Тимур Хасанович родился 25 февраля 1963 года в городе Душанбе в интернациональной семье военнослужащего. Отец, Хасан Тимурович, являлся уроженцем города Ургут, Самаркандской области, мать – Инна Ивановна – родом из Донецка, проработала в текстильной промышленности. Их брак с самого начала был связан с многочисленными переездами по месту службы Хасана Тимуровича, и частая смена социальных и культурных атмосфер оказала немалое влияние на то, что у детей, и в особенности у Тимура Хасановича, рано выработались широта мировоззрения, мировосприятия, коммуникабельность в общении. От своих родителей Тимур Хасанович унаследовал такие важные качества, как самостоятельность, твёрдость духа, взвешенность в решениях и ответственность за них. Он искал свой жизненный путь и потому, несмотря на семейную традицию, попробовал себя в медицине и даже поступил в мединститут, но не найдя себя в ней, оставил его после первого курса.

В 1983-1985 годы Тимур Хасанович обучался в Душанбинском индустриальном техникуме по направлению технологии ткацкого производства и легкой промышленности. Здесь же он впервые столкнулся с использованием электронно-вычислительных машин (ЭВМ), которые сильно привлекли его. Эта увлеченность впоследствии позволила освоить эту новую в то время технику и активно использовать в собственной работе. По окончании техникума с 1985 по 1988 годы он работал мастером переплетного цеха в Душанбинском полиграфическом комбинате. Именно здесь ярко проявились такие его качества, как самостоятельность и организаторские способности. Он возглавил отстающий в производственной деятельности цех, перестроил его работу, начал выполнять и перевыполнять планы, что, конечно же, в результате стало приносить значительные дивиденды, и это существенно укрепило авторитет Тимура Хасановича. Многогранная личность Тимура позволила ему принять и правильно использовать вызов времени – «перестройку и

гласность». Вместе с тем Тимур Хасанович всегда стремился к независимости, в том числе в производстве. Так, с 1985 по 1992 год он был председателем кооператива «Китоб» при Управлении комплектации и снабжения Госкомиздата Таджикской СССР. Но волею развивавшихся в постсоветском обществе в начале 1990-х годов событий и реалий семья Очиловых вновь сменила место жительства и почти в полном составе переехала на историческую родину отца – в Узбекистан, где они осели в г. Джамбай Самаркандской области.

Среди новых соседей Очиловых и главы семьи, очень увлекавшегося историей, оказался недавно поселившийся неподалеку от них директор Института археологии АН РУз Рустам Хамидович Сулейманов. Несомненно, интерес к древней истории своей родины сблизил этих людей, поэтому, когда Рустам Хамидович, а затем сменивший его на посту директора Тимур Широнович Широин, убедившись в профессиональных полиграфических способностях Тимура Хасанови-

ча, пригласили его на работу в самаркандский Институт археологии, чтобы включиться в его издательскую деятельность. Таким образом, благодаря удачному стечению обстоятельств в Институте оказался профессионал в издательской деятельности, влившийся в коллектив близких себе по духу и ищущих знаний людей, с которыми он связал всю свою оставшуюся жизнь.

При Тимуре Хасановиче небольшая типография института впервые на регулярной основе продолжила выпуск зарекомендовавшего себя ранее периодического издания «История материальной культуры Узбекистана», была начата работа над новым журналом «Археология Узбекистана», многочисленными брошюрами, сборниками, монографиями и авторефератами диссертаций при Ученом совете института. В последние годы Тимур Хасанович вместе с коллегами при тесном сотрудничестве с Международным институтом центральноазиатских исследований воплощал в жизнь проект «Археология Центральной Азии: архивные материалы». Так, занимательные, не получившие издательского освещения работы ушедших из жизни исследователей предшествующих десятилетий: В. А. Шишкина, Л. Соколовской, А. Сухарева, Л. Павчинской были опубликованы в этой серии. В Институте археологии им был запущен проект по подготовке многотомного серийного сборника «История и археология Турана», посвященного юбилейным датам известных исследователей археологии Узбекистана: Г. Ходжаниязова, М.-Ш. Кдырниязова, Д. К. Мирзаахмедова, М. Х. Исамиддинова, Р. Х. Сулейманова. Важно отметить и то, что Тимур Хасанович часто становился истинным «двигателем» любого начинания, связанного с распространением новых исследований в области истории и археологии. «Труд археолога труден, но он крайне важен для развития исторической науки, и я хочу сделать

все от меня зависящее для того, чтобы результаты этого труда стали широко доступны людям и по достоинству ими оценены», – слова, которые не раз слышал любой из его коллег по Институту археологии.

Он высоко ценил интеллектуальный труд, и поэтому его постоянная готовность оказать профессиональное содействие и техническую помощь распространялась не только на археологов. К нему постоянно приходили, ждали очереди, дневали и буквально ночевали посетители – коллеги, медики, филологи... Обладая богатым жизненным опытом, Тимур Хасанович мог находить общий язык со всеми – от старших до самых молодых, часто опекал последних, устраивал их к себе жить. Он был хлебосольным хозяином и преданным внимательным другом. Вместе с тем ничто человеческое ему не было чуждо, он всегда был твёрд в своем мнении, говорил то, о чём думал, был справедлив.

Безусловно, у Тимура Хасановича было особое положение в институте. Он был незаменим, нужен всем, и многие искали его расположения. Это был лидер, специалист, профессионал, оставивший глубокий, неизгладимый след в трудный постсоветский период развития археологии Узбекистана.

В эти скорбные для всех дни непоправимой утраты коллектив Самаркандского Института археологии НЦА АН РУз, все археологи Узбекистана и их коллеги из ближнего и дальнего зарубежья, хорошо знавшие Тимура Хасановича Очилова выражают членам семьи и всем близко знавшим его друзьям свои глубокие и искренние соболезнования.

От коллектива самаркандского Института археологии и Национального центра археологии АН РУз

ЕРЛАН САТЫБАЛДЫЕВИЧ КАЗИЗОВ (1983–2022)

В ночь с 13 на 14 мая 2022 г. в археологической экспедиции перестало биться сердце Ерлана Казизова – специалиста в области археологии эпохи бронзы Центрального и Восточного Казахстана, памятников буддизма позднего средневековья и нового времени, а также консервации и реставрации археологических объектов и артефактов. Это трагическое событие стало настоящим потрясением для всего археологического сообщества Казахстана. Ведь только совсем недавно его голос раздавался в стенах института, он созванивался, переписывался, строил планы на будущее, готовился к реализации нескольких научных проектов. Всего несколько лет назад создал семью. Готовился к сдаче экзаменов для поступления в докторантуру. Выражаю искренние слова соболезнования семье, родным, близким и коллегам... У него остались супруга Айша и сын Санжар.

Ерлан родился 14 ноября 1983 г. в с. Железинка Павлодарской области. Здесь же окончил сред-

нюю школу. Высшее образование (бакалавриат) получил в 2005 г., окончив Павлодарский государственный университет им. С. Торайгырова. Обучение продолжил в Алтайском государственном университете (г. Барнаул), где ему в 2009 г. была присвоена степень магистра. В 2008 г. принят на должность научного сотрудника в Институт археологии им. А.Х. Маргулана.

Свое первое знакомство с археологией, пожалуй, как и большинство других археологов, прошедших в эту сферу деятельности, Ерлан получил в студенчестве – во время практики, которая проходила на памятниках неолита и эпохи бронзы в Павлодарском Прииртышье. Первым руководителем будущего специалиста и наставником самостоятельных шагов в науке стал Виктор Карлович Мерц.

Занимаясь учебой, Ерлан параллельно активно участвовал в деятельности Археологического центра при Павлодарском университете. Именно здесь происходило формирование и становление

Ерлана как будущего специалиста-археолога, а также был определен основной круг его научных интересов, связанный с изучением памятников эпохи средней бронзы Северо-Восточной Сарыарки. Однако следует признать, что эта тема так и осталась нереализованной, хотя материал в большей степени был собран и обработан, но Ерлан никогда не оставлял ее и планировал вернуться к ней в ближайшее время для написания уже докторской диссертации.

Начиная с 2008 г., уже во время работы в институте, география археологических исследований Ерлана и типологическое разнообразие изучаемых памятников расширились. Незаурядные организаторские способности, ответственность, скрупулёзность в обработке материалов, эрудиция и широта взглядов способствовали тому, что Ерлан успел поработать от восточного берега Каспийского моря на западе и до Иртыша на востоке. Это стоянки каменного века, могильники и поселения средней и поздней бронзы (Кенжеколь, Каракойтас, Пятирыжск), курганные могильники сарматов и саков (Таскопа, Караоба), погребальные и поминальные памятники средневековых кочевников, мавзолеи периода Золотой Орды, средневековые города Джанкент, Тараз, Культобе и др. (Мерц и др. 2007; Анкушева и др. 2020; Шагирбаев и др. 2021).

Плодотворным этапом в биографии Ерлана Казизова стали 2016–2019 гг. – период, когда исследовался буддийский храм Аблай-хит в Восточно-Казахстанской области. По результатам этих работ вышло несколько публикаций, в том числе и монографий в соавторстве с К. М. Байпаковым, И. В. Ерофеевой, Г. А. Терновой, Д. А. Воякиным и Н. В. Ямпольской (Байпаков и др. 2017; 2018а; 2018б; 2019; Байпаков, Казизов 2019).

Помимо академических исследований, в последние годы жизни Е. Казизов стал уделять внимание общественной деятельности по спасению аварийных памятников в черте города Алматы и области (Жамбулатов и др. 2022). В частности, большая работа была проведена по документированию памятников в горах Архарлы, которым грозила опасность при разработке карьера.

Молодость и смерть – категории несовместимые и сложно усвояемые, но иногда с ними приходится мириться. Ерлан Казизов останется в нашей памяти молодым, веселым, компанейским товарищем с неумным желанием работать и творить.

Кайрат Жамбулатов,
научный сотрудник Института археологии
им. А. Х. Маргулана, г. Алматы

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Анкушева и др. 2020 – Анкушева П. С., Орфинская О. В., Корякова Л. Н., Куприянова Е. В., Казизов Е. С., Логвин А. В., Новиков И. К., Шевнина И. В. Текстильная культура позднего бронзового века Урало-казахстанского региона // Уральский исторический вестник. 2020. № 2 (67). С. 16-25.
- Байпаков и др. 2017 – Байпаков К. М., Воякин Д. А., Ерофеева И. В., Казизов Е. С. Аблайкит: второй год комплексных исследований // Мир Большого Алтая. 2017. Т. 3. № 4. С. 634-665.
- Байпаков и др. 2018а – Байпаков К. М., Ерофеева И. В., Казизов Е. С., Ямпольская Н. В. Аблайкит – в свете археологических, исторических и востоковедческих исследований // Алтай түркі әлемінің бесігі. Оскемен, 2018. С. 65-82.
- Байпаков и др. 2018б – Байпаков К. М., Ерофеева И. В., Терновая Г. А., Казизов Е. С. История религий в Казахстане (древность и средневековье). Алматы: ServicePress, 2018. 553 с.
- Байпаков и др. 2019 – Байпаков К. М., Ерофеева И. В., Казизов Е. С., Ямпольская Н. В. Буддийский монастырь Аблай-хит. Алматы: ТОО «Археологическая экспертиза», 2019. 400 с.
- Байпаков, Казизов 2019 – Байпаков К. М., Казизов Е. С. Исследования на археологическом комплексе Аблайкит в 2016–2018 гг. // Алтай – түркі әлемінің бесігі. Оскемен, 2019. С. 62-84.
- Жамбулатов и др. 2022 – Жамбулатов К. А., Казизов Е. С., Ахияров И. К. Комплекс наконечников стрел раннего железного века из аварийного памятника Байтерек 1 (восточная окраина г. Алматы) // Археология Казахстана. 2022. № 2 (16). В печати.
- Мерц и др. 2007 – Мерц В. К., Казизов Е. С., Мерц И. В. Новые исследования могильника Кенжеколь-1 в Павлодарском Прииртышье // Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае. 2006 г.: Археология, этнография, устная история: Материалы III региональной науч.-практ. конф. Барнаул: Барнаульский государственный педагогический университет, 2007. С. 36-40.
- Шагирбаев и др. 2021 – Шагирбаев М. С., Ержигитова А. А., Казизов Е. С., Сорокин Д. В. К изучению особенностей ведения хозяйства населением городища Культобе: по данным археозоологического анализа (2020–2021 гг.) // Археология Казахстана. 2021. № 3 (13). С. 108-133.

ДВЕ ПОДРУГИ – ОДНА СУДЬБА

2022 год является юбилейным для двух хорошо известных в мире науки замечательных археологов, наших Учителей Замиры Исмаиловны Усмановой и Светланы Борисовны Луниной, отмечающих свое 90-летие. Так сложилось, что судьба вместе вела их по жизни много лет, начиная с далекого 1950 года, когда они обе поступили на учебу в Среднеазиатский государственный университет (САГУ).

В 2012 г., в связи с 80-летием З. И. Усмановой и С. Б. Луниной, были опубликованы материалы, посвященные им. Там можно найти подробные данные об их педагогической и научно-исследовательской деятельности, а также списки публикаций, из которых более двадцати написаны ими совместно¹. Здесь же хотелось бы отойти от официального стиля и более внимательно приглядеться к уникальным судьбам двух выдающихся женщин, живущих без малого век и так много сделавших для науки Узбекистана и всего среднеазиатского региона, будь то их собственные замечательные исследования, или многолетние труды по подготовке профессиональных кадров для археологии. Интересно проследить, как стечение различных жизненных обстоятельств, война и стихийное бедствие, самыми причудливыми путями привели наших героинь к выбору, определившему весь их дальнейший путь².

Замира Исмаиловна Усманова родилась 10 августа 1932 г. в городе Самарканде. Ее отец Исмаил Усманов происходил из семьи выходцев из Кашгара, осевших в Маргилане, где они продолжили своё традиционное занятие – шелководство. Он родился в 1909 г. в многодетной семье, но мама умерла после родов, и его воспитанием занимались сестра и брат. После обучения на рабфаке он работал наборщиком в типографии, расположенной в местности Эски-Джува Ташкенте. Руководил издательством Гафур Гулям (1903-1966), будущий Народный поэт Узбекистана, который любил в хорошую погоду устроиться на суфе во

дворе типографии, где принимал корреспондентов с их материалами, беседовал с ними и читал свои стихи. Среди посетителей была Зарифа Юнусовна Тагирова, работавшая внештатным корреспондентом детской газеты – будущая мама Замиры Исмаиловны. Вскоре Исмаил и Зарифа поженились. Тем временем Главным управлением гражданской авиации Узбекистана был объявлен набор местных кадров на обучение специалистов для работы в создаваемой по всей Средней Азии сети гражданских аэропортов, и наборщик Исмаил Усманов был направлен типографией на учебу. После завершения курсов он был назначен начальником аэропорта в Керки (Туркменистан). По дороге к месту назначения, в Самарканде, и родилась Замира. После Керки отец работал в Чимбае, Турткуле, новом Ургенче, Чарджоу, а в 1937 г. был переведен в Ташауз. Когда Замира закончила первый класс, началась война. В сентябре 1941 г. в Ташауз стали приезжать эвакуированные, в том числе коллектив музыкальной школы из Одессы. Замира ходила на занятия и училась игре на скрипке, но малярия, которой она заболела, забирала все силы и не дала возможности серьезно заняться музыкой. Болезнь, скудный рацион, суровая обстановка заставляли рано взрослеть, дети учились помогать по хозяйству. В 1942г. отец, работавший заместителем начальника аэропорта, был призван на фронт. Под Смоленском он был ранен взрывом мины, лечился в госпитале в г. Баку и получил инвалидность. В 1944 г. вернулся в Ташауз, где продолжил работу в прежней должности. После окончания войны был переведен на работу в Ашхабад, где заведовал отделом перевозок аэропорта. Здесь Замира училась в женской школе № 7, а ее младший брат в мужской школе № 15. Мальчик мечтал стать археологом и в 1947 году Замира сопровождала его в экскурсии на раскопки городища Ниса близ Ашхабада, где она впервые услышала имя Михаила Евгеньевича Массона (1897-1986), своего будущего учителя.

В ночь с 5 на 6 октября 1948 г. случилось ашхабадское землетрясение, унесшее жизни, по разным оценкам, от 36 до 100 тысяч человек. Эта трагедия непосредственно коснулась и семьи Усмановых – брат Замиры погиб, а мама получила перелом позвоночника. Отец был на работе, а Замира чудом уцелела под обломками крыши. Семья переехала в Ташкент, где в 1950 г. З. И. Усманова закончила женскую школу № 39 и поступила в САГУ (позже ТашГУ), на кафедру археологии Средней Азии Исторического факультета, которую основал в 1940 г. проф. М. Е. Массон.

¹ Ильясова С. Р., Баратова Л. С. К 80-летию Замиры Исмаиловны Усмановой // Археология Узбекистана. 2012. № 2 (5). С. 97-107; Ильясов Дж. Я., Ильясова С. Р., Ниязова М. И. Светлане Борисовне Луниной – 80 лет // Там же. С. 108-120.

² З. И. Усманова и С. Б. Лунина любезно разрешили нам воспользоваться их воспоминаниями, за что мы им очень благодарны. Мы не знали, несмотря на многолетнее общение, о суровом жизненном опыте, скрывающемся и за жизнерадостностью Замиры Исмаиловны, и за сдержанностью Светланы Борисовны. Хотелось бы поделиться этими данными о наших Учителях со всеми, кто их знает и почитает.

Видимо, в выборе ею будущей профессии сказало-сь желание воплотить в жизнь несостоявшуюся мечту младшего брата...

Когда юная Замира 30 августа 1950 г. пришла на первый сбор студентов, зачисленных на исторический факультет, свободным оказалось место рядом со столь же юной девушкой по имени Светлана. Так состоялась встреча наших героинь.

Светлана Борисовна Лунина родилась 7 октября 1932 г. в Ростове-на-Дону, в семье известного историка и археолога Бориса Владимировича Лунина (1906-2001)³. Мама ее – Валентина Константиновна, уроженка города Тбилиси, была пианисткой. Родители познакомились, когда она приезжала к родственнице в Ростов. В 1940 г. Светлана пошла в первый класс, а вскоре после его окончания началась война. Борису Владими-

ровичу повестка пришла на следующий день после начала войны, но несколько дней он оставался при военкомате. Затем он получил назначение в прифронтовой госпиталь, из которого эшелонам вывозили раненых в Сибирь. Госпиталь находился за пределами Ростова, и Светлане с мамой приходилось выживать одним в осажденном городе в условиях военного времени – добывать продукты, ходить за водой на реку Дон за несколько километров, носить тяжелые ведра по крутому склону. В одну из ночных бомбежек прямым попаданием была разрушена школа, расположенная недалеко от дома, и в суровую зиму 1941 г. Светлане пришлось учиться в другой школе, расположенной далеко и не отапливавшейся. В классах сидели в верхней одежде. Попытка покинуть город не удалась – Валентина Константиновна с дочкой сутками сидели на вокзале, но каждый поезд осаждали тысячи людей, была страшная давка, и уехать не представлялось возможным.

³ О нем: https://ru.wikipedia.org/wiki/Лунин,_Борис_Владимирович

Когда Ростов был в первый раз освобожден от оккупантов (28 ноября 1941 г.), Б.В. Лунин смог забрать свою семью в село Константиновка, где был дислоцирован госпиталь, в котором он служил. Мама устроилась в госпиталь регистратором, вела учет поступающих и выбывающих раненых. Во время немецких бомбежек раненых переносили в подвал купеческого дома, в котором располагался госпиталь, там же укрывались Валентина Константиновна и Светлана. Борис Владимирович перетаскивал раненых, и каждый раз, когда он шел из подвала наверх, они не знали, увидят ли они его вновь. При прямом попадании бомбы в госпиталь удалось выжить благодаря тому, что подвалы были крепкими, они строились в свое время как складские помещения. Мама ухаживала за ранеными, Светлана помогала готовить бинты для перевязок.

Через некоторое время руководством было принято решение вывозить раненых из зоны обстрела. Раздобыли подводу для тяжелораненых, и ночью выдвинулись на восток. Дома поселка горели, были видны обгоревшие трупы, нужно было как можно скорее эвакуировать госпиталь. Шли то днем, то ночью, ночевали в оставленных отступившими войсками землянках. Есть было нечего, если что-то доставали, отдавали раненым, радовались, если удавалось у колхозников раздобыть жмых – это то, что оставалось от семечек после отжима масла. По пути случались бомбежки и обстрелы, несколько раз чудом удалось избежать гибели. Светлана Борисовна вспоминает, как однажды во время бомбежки все бросились на землю в кукурузном поле, и перед ней оказалась маленькая целлулоидная кукла. Мама отговаривала брать, ведь ее потеряла какая-то девочка, которую, возможно, убили, но Светлана умоляла маму разрешить ей забрать с собой эту куклу, ибо никаких игрушек у нее не было. И эта кукла потом долгие годы была с ней, как самая любимая и дорогая в жизни игрушка.

Обоз с ранеными продвигался очень медленно, ночевать часто приходилось под открытым небом и однажды, во время ночевки у озера Маныч, всех сильно покусали комары. Это стало причиной малярии, которая потом несколько лет мучала Светлану. После долгих мытарств, на какой-то станции госпиталь погрузили в открытые вагоны для перевозки угля, в которых довезли до Баку и далее, на пароме, переправили в Красноводск. Оттуда в обычных вагонах доехали до города Чирчик. Борис Владимирович работал в Чирчикском военном училище, в Термезе, где семья встретила весть о Победе, затем служил в Самарканде, Алма-Ате и Ташкенте, пока не демобилизовался в 1953 г.

Таков был тяжкий и опасный путь, который привел Светлану Борисовну в Узбекистан. В 1950 г. Светлана окончила школу с золотой медалью и перед ней были открыты все дороги. Она могла поступить без экзаменов в любой из вузов Ташкента, но выбрала кафедру археологии САГУ. И в этом выборе сказалось как влияние любимого отца, вырвавшего своих родных из ада войны, но не сумевшего продолжить профессиональные занятия археологией, так и ее собственный интерес к древней культуре земли, давшей приют их измученной суровыми испытаниями семье.

И на первом сборе студентов, зачисленных на исторический факультет, она познакомилась с Замирой. С тех пор они шли рядом долгие годы, сначала познавая археологию и историю, а затем приобщая к ней многие поколения пытливых юношей и девушек.

Учителями и наставниками Замиры и Светланы были проф. Михаил Евгеньевич Массон и Галина Анатольевна Пугаченкова, обучавшие подруг и теории, и практике археологии, и истории архитектуры и искусства, и основам преподавания.

Основы археологии в те годы читала Елена Абрамовна Давидович (1922-2013). Общие курсы по истории Древнего мира и Греции – Галина Борисовна Никольская, а по истории Средних веков – Алексей Михайлович Матвеев⁴.

Когда наши героини были на втором курсе, на кафедре начали обучение будущий академик Юрий Федорович Буряков (1934-2015)⁵ и Матлюба Аминджанова (1930-1998), одна из первых узбекских женщин, освоивших нелегкую профессию археолога⁶.

В период учебы обе студентки были активными членами Студенческого научного археологического кружка (СНАК) под руководством Е.А. Давидович. Они, по заданию М. Е. Массона, вместе обследовали ряд памятников Ташкентской области. Их сопровождал в этих маршрутах Б. В. Лунин, с удовольствием вспоминая свой навык своей археологической юности. Результаты совместных исследований послужили темами

⁴ Спустя три десятилетия легендарные преподаватели – Г.Б. Никольская и А. М. Матвеев – продолжали читать свои великолепные курсы, которые посчастливилось слушать и авторам этих строк.

⁵ О нем см.: *Левтева Л. Г.* Юрий Федорович Буряков. Путь в науку длиною в жизнь. Ташкент, Фан ва технология, 2014. ⁶ В 1962 г. защитила кандидатскую диссертацию на тему «Средневековое стекло Мавераннахра», под руководством В. А. Шишкина (1894-1966). Автор нескольких книг на узбекском языке, опубликованных в 1962-1974 гг. С середины 1970-х гг. преподавала в звании доцента в Институте инженеров железнодорожного транспорта.

научных студенческих работ, опубликованных в соответствующих сборниках.

Дружбу девочек поддерживали их родители. Когда они учились на третьем курсе, то родители Замиры специально приехали в Ленинское училище знакомиться с родителями Светланы.

Обе подруги занимались глазурованной керамикой. Так, М. Е. Массон поручил Замире Исмаиловне написать работу по глазурованной керамике Чача (Ташкентская область). Замира провела интересное исследование, заложив основу данного направления в археологии Узбекистана, хотя в дальнейшем этой темой не занималась. А для Светланы Борисовны глазурованная керамика средневекового Мерва – одного из самых грандиозных археологических памятников Средней Азии – стала на многие годы основной темой исследований и основой кандидатской диссертации, защищенной в 1962 г.

Полевую практику подруги проходили в составе ЮТАКЭ, которую с 1946 г. возглавлял

М.Е. Массон. Там они получали навыки раскопочных и камеральных работ, обучались теории и практике среднеазиатской археологии, имеющей свою специфику. На третьем курсе практика проходила на городище Старая Ниса, где Замира и Светлана сотрудничали со старшекурсниками – Галиной Васильевной Шишкиной, Мудрикой Хасановной Урмановой и другими. На 4 курсе в Старом Мерве, под руководством М. С. Мерциева, который изучал структуру городских стен, Замира Исмаиловна работала на раскопках мастерской ремесленника; результаты этих исследований стали темой дипломной работы еще одного будущего знаменитого археолога – Виктора Ивановича Сарияниди (1929-2013).

Двух подруг сблизила не только любовь к археологии и совместные экспедиции, но и общие друзья, любовь к театру, занятия в фотокружке. Помимо интенсивной учебы и участия в общественной жизни продвигалась у подруг жизнь личная. Будущий супруг Замиры Исмаиловны –

ферганский юноша Инкилоб Ахраров также был студентом кафедры археологии, работал в составе ЮТАКЭ на городище Дэв-кала, расположенном к северу от Мерва. Замира Исмаиловна помогла ему при подготовке дипломной работы, так как у него были сложности с русским языком. В 1955 г. они расписались, а 26 декабря 1957 г. была сыграна свадьба. И. Ахраров был распределен в Институт истории и археологии, где работал под руководством Я. Г. Гулямова и В. А. Шишкина, в частности, на раскопках городища Кува в Ферганской долине.

Со своим будущим супругом Виталием Ивановичем Троицким, впоследствии крупным исследователем в области геологии, профессором, проректором ТашГУ, Светлана Борисовна познакомилась еще на выпускном вечере, когда ученики мужской и женской школы объединились для празднования. Поженились они 2 мая 1958 года.

Завершение пятилетнего обучения не стало поводом для расставания подруг. Светлана Борисовна и Замира Исмаиловна поступили в аспирантуру при кафедре археологии, причем, для того, чтобы дать возможность талантливой выпускнице продолжить образование, решением проректора САГУ Дмитрия Дмитриевича Стоярова, место в аспирантуре, выделенное кафедре политэкономии, было передано кафедре археологии специально для Замиры Исмаиловны. Она всегда добрым словом вспоминает Д. Д. Стоярова и декана А. Х. Хамраева. После успешного окончания учебы в аспирантуре (1955-1958), они были приняты на работу в качестве преподавателей кафедры археологии. З.И. Усманова в разные годы читала спецкурсы «Основы археологии» для историков, «Археология СССР» для археологов, «Искусство Древнего Востока», «Методика полевых исследований», «Керамическое производство Средней Азии», «История развития архитектуры Средней Азии с древнейших времен», «История материальной культуры Ирана и Афганистана» и «Искусство арабских стран» для студентов восточного факультета, «Искусство древнего Востока и Средней Азии» для студентов Театрального-художественного института. Студентам, специализирующимся в археологии, С. Б. Лунина читала разработанные ею курсы «Археология Средней Азии», «Историческая топография городов Средней Азии», «Керамическое производство Средней Азии в средние века», «История ремесленного производства», историкам – курс «Основы археологии». Они обе осуществляли руководство курсовыми и дипломными работами, и воспитали целую плеяду специалистов, которые до сих пор работают в области археологии не только в Узбекистане, но и за рубежом.

В 1965 г. С. Б. Лунина утверждена в звании доцента, а с 1968 по 1981 гг. возглавляла кафедру археологии. С 1981 по 1984 гг. работала заместителем декана Исторического факультета ТашГУ по научной работе; с 1985 г. была исполняющей обязанности профессора, а в 1990 г. утверждена в этом звании. Ее научные интересы были связаны, в основном, с исследованиями керамического производства средневекового Хорасана, послужившими основой кандидатской диссертации и ряда фундаментальных публикаций, с изучением городской культуры Кашкадарьинского региона, с курганными погребениями Ташкентского оазиса.

На посту заведующей кафедрой археологии С. Б. Лунину сменила З. И. Усманова, занимавшая эту должность в 1981-1992 гг. А до этого были, помимо преподавания, многолетние научно-исследовательские работы в Восточной Кашкадарье в составе основанной М. Е. Массоном Кашкадарьинской археолого-топографической экспедиции (КАТЭ), а также широкомасштабные раскопки в Туркменистане. Именно материалы Эрк-калы – древнейшего ядра Старого Мерва – стали основой ее кандидатской диссертации, успешно защищенной в 1969 г. После защиты был получен и диплом на звание доцента. Если работы в Туркменистане и Кашкадарье продолжали традиции, заложенные еще основателем кафедры, то появились и новые направления исследований. Так, по просьбе тогдашнего директора Института археологии АН РУз А. Р. Мухаммеджанова студенты кафедры под руководством Замиры Исмаиловны в 1980-1981 гг. приняли участие в раскопках городища Ахсикет (Наманганская область).

Все годы совместной работы З. И. Усманова и С.Б. Лунина поддерживали друг друга, советовались, помогали словом и делом.

В 1992 году Кафедру археологии возглавил А.С. Сагдуллаев, выпускник 1973 г. В начале 1990-х гг. в системе высшего образования возобладала тенденция уступать место молодым. И в связи с этим С. Б. Лунина ушла на пенсию. З. И. Усманова осталась работать на мизерные четверть ставки, чтобы дочитать до конца студентам-археологам спецкурсы. Достигнув определенного возраста, мы понимаем, как несправедливо рано наши героини были вынуждены прекратить свою педагогическую деятельность. Сколько еще поколений студентов могли получить от них глубокие знания и бесценный опыт...

Конечно, их уход на пенсию не означал полного разрыва с наукой, с любимой профессией. Они продолжали писать и публиковать статьи, участвовать в научных конференциях и симпозиумах. В 2010 году Светлана Борисовна переехала

с супругом в Москву, к своим детям. И там она с интересом принимала участие в различных профессиональных конференциях, в том числе – в Государственном музее Востока. Замира Исмаиловна ездила в Туркменистан на конференции, посвященные всемирно известным памятникам, таким как Старый Мерв и Ниса, в изучении которых она активно участвовала в свое время.

Более чем семидесятилетняя дружба длиною в жизнь продолжается. Светлана Борисовна и Замира Исмаиловна общаются, переписываются, по мере сил участвуют в жизни друг друга, поддерживают, шутят, вспоминают совместную работу.

Еще раз воздавая должное двум прекрасным женщинам, посвятившим свою жизнь нелегкой,

но прекрасной науке – археологии, а также почетной и трудной педагогической деятельности, продолжившим традиции своих учителей – М. Е. Массона и Г. А. Пугаченковой – и воспитавшим несколько поколений учеников, работающих по всему миру, мы хотели бы от имени всех, кто любит и уважает наших юбиляров, пожелать Замире Исмаиловне Усмановой и Светлане Борисовне Луниной крепкого здоровья, благополучия и радости общения с родными и близкими!

Саида Ильясова,
Национальный центр археологии АН РУз
Джангар Ильясов,
Институт искусствознания АН РУз

К ЮБИЛЕЮ БАКЫТ ЭЛТИНДИЕВНЫ АМАНБАЕВОЙ

21 декабря 2021 года исполнилось 70 лет члену Академического совета МИЦАИ от Кыргызской Республики Бакыт Элтиндиевне Аманбаевой.

Она родилась и выросла в селе Бейшеке Кара-Бууринского (быв. Кировского) района Таласской области. Интерес к истории у Бакыт проявился еще в школьные годы благодаря матери, которая по первой специальности была педагогом, и талантливым преподавателям М. Ф. Чернышову и Б. С. Сопиеву, о которых она с благодарностью вспоминает до сих пор. В 1969–1974 гг. она училась на историческом факультете Кыргызского государственного университета (ныне КНУ им. Ж. Баласагына). В студенческие годы она принимала активное участие в археологических экспедициях под руководством Д. Ф. Винника, что и определило в будущем ее специализацию – изучение поселенческой и городской археологии.

Сразу после завершения учебы в университете она поступила в аспирантуру Ленинградского отделения Института археологии АН СССР (нынешний Институт истории материальной культуры РАН) по специальности «археология». Ее научным руководителем стал известнейший специалист по средневековой археологии Средней Азии – профессор А. М. Беленицкий. Как вспоминает Бакыт Элтиндиевна, в то время Александр Маркович уже отказался от руководства аспирантами, однако, побеседовав с ней и узнав, что она из Киргизии, причем из Таласа, он сказал, что, «наверное, это и есть возвращение на кру-

ги своя». Это замечание связано с тем, что свою научную карьеру будущий профессор начинал с дешифровки надписи на гумбазе Манаса, расположенном в Таласе. И значит, так суждено свыше, чтобы последней его ученицей стала уроженка из тех самых мест.

После окончания аспирантуры, с 1979 года, и по настоящее время Бакыт Аманбаева работает в Институте истории АН Киргизской ССР (ныне Институт истории, археологии и этнологии НАН КР).

В самом начале своей работы в академическом учреждении Бакыт Элтиндиевна принимала участие в археологических исследованиях на средневековых городищах Чуйской долины: Красной Речке и Буране, которыми руководили В. Д. Горячева и В. П. Мокрынин. А с 1987 года она уже проводила самостоятельные исследования на памятниках южного Кыргызстана: Оше, Узгене, Сафид-Булане. С тех пор в центре ее исследовательских интересов остается этот регион с его многочисленными разновременными и разнотипными памятниками.

В 1993 году в Институте истории материальной культуры в Санкт-Петербурге она защитила кандидатскую диссертацию на тему «Материальная культура городов Чуйской долины в домонгольскую эпоху (VI–XIII) и вопросы культурогенеза». В этом ей весомую научную, организационную и моральную поддержку оказали академик В. М. Массон в качестве научного консультанта и оппоненты Б. И. Маршак и Г. А. Бры-

кина, а также Институт археологии АН РУз, который был ведущим научным учреждением. В своей работе Бакыт Аманбаева совершенно справедливо отметила взаимовлияние культур Согда, Чача, Семиречья VI–XIII веков, в которых с проникновением ислама этот процесс усилился.

В середине 90-х годов прошлого столетия, когда все научное сообщество ощутило необходимость адаптации к новой реальности, Бакыт Элтиндиевна оказалась в числе сотрудников, которые первыми предприняли активные действия по привлечению внебюджетных средств для проведения исследований. Она получила грант ЮНЕСКО «Хираяма – Шелковый путь» на продолжение раскопок средневековой бани у подножия Сулайман-Тоо в Оше. С этого времени начинается и полоса зарубежных научных командировок и стажировок (Турция, Египет, Австрия, Китай, Иран, Южная Корея, Япония, Россия и др.) в сфере исследования и сохранения объектов историко-культурного наследия.

В 1995–1996 и 2001–2002 годах она являлась научным консультантом по отбору памятников Кыргызстана в предварительный Список всемирного природного и культурного наследия ЮНЕСКО. Одновременно она была научным консультантом совместных программ Германского центра по техническому сотрудничеству и Кыргызстана по благоустройству и презентации отдельных объектов наследия в Узгене и Оше.

С 1997 по 2000 годы Бакыт Аманбаева в рамках государственной программы «Ош-3000» была прикомандирована к Южному отделению НАН КР (Ош). В это время она завершила раскопки средневековой бани и провела раскопки на городище Ак-Буура, расположенном на юго-востоке города. В результате этих исследований был получен интересный материал по культуре раннесредневековой эпохи Ошского оазиса. Параллельно она руководила работами по реставрации, музеефикации и благоустройству памятников Узгена, Оша и созданию экспозиции нового историко-краеведческого музея на Сулайман-Тоо.

После возвращения в Бишкек она продолжила свою разностороннюю деятельность – проведение полевых исследований, научных конференций и семинаров на зарубежные гранты в Бишкеке и Оше, участие в аналогичных мероприятиях в регионе и дальнем зарубежье. Сама она особо выделяет работы по подготовке научной составляющей зон охраны «Манас-Ордо» в Таласе, которые, к сожалению, по объективным причинам не были завершены.

В 2004–2005 годы Бакыт Аманбаева являлась координатором проекта по подготовке номинации для включения Сулайман-Тоо в Список

всемирного природного и культурного наследия ЮНЕСКО. В 2007–2008 года эта работа продолжилась и под ее руководством был подготовлен менеджмент-план по управлению памятником. В итоге в 2009 году гора Сулайман-Тоо стала первым объектом Кыргызстана, вошедшим в этот престижный перечень лучших памятников человечества.

В то же время проводилось и документирование петроглифов юго-восточной и восточной Ферганы (Сулайман-Тоо, Суротуу-Таш, Керме-Тоо, Дуддул-Ата и т. д.) в рамках проекта ЮНЕСКО «CARAD» (создание электронной базы данных по наскальному искусству Центральной Азии) и частично Таласской долины (ущелье Кен-Кол). Эти работы стали основой для проведения тематических исследований ИКОМОС по наскальному искусству Центральной Азии, в которых приняли участие все страны нашего региона.

Широкий резонанс в научной среде имели и работы 2006–2007 годов, проведенные совместно с коллегами из Института культурного наследия кочевников (Алматы, Казахстан), по исследованию нового памятника оседло-земледельческой культуры эпохи бронзы в восточной Фергане (у села Шагым в Узгенском районе Ошской области). По заключению авторов, основной комплекс предметов из могильника Шагым находит наиболее полное соответствие в материалах, характеризующих ранний этап культуры Сапалли в Южном Узбекистане. По предварительным результатам, он отнесен к Бактрийско-маргианскому археологическому комплексу (БМАК) и датирован началом II тыс. до н. э. Тем самым предположение некоторых специалистов о том, что чувским памятникам могла предшествовать другая земледельческая культура, нашло подтверждение.

С 2009 года Бакыт Элтиндиевна представляет Кыргызстан в Академическом совете Международного института центральноазиатских исследований. Совместно с коллегами ею инициировано несколько интересных проектов, которые реализованы институтом.

В 2011–2014 годах она являлась координатором кыргызско-японского проекта по исследованию и сохранению объектов культурного наследия Чуйской долины. В формате этого проекта на городище Ак-Бешик (исторический Суяб) были проведены международные и национальные семинары-тренинги для молодых специалистов-археологов и музейщиков региона, а также начаты раскопки на основном шахристане – в настоящее время они продолжаются и проводятся уже и на остальных частях городища.

В последние годы Бакыт Элтиндиевна принимает активное участие в подготовке транс-

национальной серийной номинации ЮНЕСКО «Памятники Великого шелкового пути» в части памятников кыргызстанского участка, одновременно являясь сопредседателем международного Координационного совета. В рамках этого проекта в 2015–2016 годах на базе городищ Узгена и Шоробашата, а также в Узгенском и Кара-Кулжинском оазисах проведены семинары по археологическому документированию для молодых специалистов из вузов и музеев трех южных областей Кыргызстана. Параллельно осуществлялся сбор архивных, картографических и иллюстративных материалов по историко-культурным объектам Ферганского ответвления ВШП, которые на втором этапе номинационного процесса должны быть представлены в Список наследия ЮНЕСКО. В конце 2019 года в Оше с коллегами из Северо-Западного Университета (Сиань, Китай) был проведен семинар с участием специалистов из Узбекистана и Таджикистана, который должен был стать отправной точкой для совместного изучения памятников Ферганской долины. Однако, по объективным причинам, реализация этих планов перенесена на более поздний срок.

В настоящее время Бакыт Элтиндиевна возглавляет Сектор исследований культурного наследия Института истории, археологии и этнологии НАН КР; является членом Ученого совета института и Полевого комитета при этом же учреждении, экспертом Совета при Национальной комиссии КР по делам ЮНЕСКО, а также межгосударственного Экспертного совета по Всемирному наследию стран СНГ при Институте наследия (Москва, Россия), а также председателем неправительственной организации «Центр культурного наследия», функционирующей при ИИАЭ. Бакыт Аманбаева имеет более 100 опубликованных научных статей и является соавтором нескольких монографий, в числе которых «Наскальное искусство Кыргызстана» и пользующаяся большим спросом в стране книга «Археологические памятники на кыргызстанском участке Великого шелкового пути». За заслуги в

области исследования и сохранения культурного наследия, а также активное участие в подготовке и проведении государственной программы «Ош-3000» Бакыт Элтиндиевна получила звание «Заслуженный деятель культуры Кыргызской Республики». За вклад в развитие исторической науки и сохранение культурного наследия страны она награждена Почетной грамотой Президента Кыргызстана.

Коллеги и коллектив уважают Бакыт Элтиндиевну не только как профессионала, знающего и любящего свою работу, умеющего отстаивать свою точку зрения и добивающегося положительного результата, но и как человека, готового прийти на помощь, если это понадобится. Правда и то, что есть и такие, кто побаивается ее острого языка и резкости. Но все однозначно сходятся в ее оценке как неординарной личности. Хорошо знают ее и коллеги по региону и даже шире – постсоветскому пространству. За долгие годы сотрудничества, общения и дружбы, мы хорошо узнали Бакыт, поэтому ценим ее не только за многочисленные достоинства, но и за невероятную работоспособность. И в юбилейный год нам всем хочется пожелать ей крепкого здоровья, энергии, терпения и терпимости, которые так необходимы для реализации ее многочисленных проектов. А еще очень хочется, чтобы она занялась изданием результатов своих исследований в Фергане, что станет ценным вкладом в изучение этого региона Центральной Азии.

Желаем Бакыт Элтиндиевне крепкого здоровья и больших творческих успехов.

Бокижон Матбабаев,
доктор исторических наук,
профессор, главный научный сотрудник
Института археологии АН РУз

Хикматулла Хошимов,
PhD по археологии,
старший научный сотрудник
Института археологии АН РУз

ЖИЗНЬ ОДНОГО МЕЧТАТЕЛЯ

23 июня этого года исполняется 70 лет человеку, которого можно без сомнений назвать удачливым искателем приключений, – Кристофу Баумеру. Бесконечное любопытство и жажда познаний сделали его тем, кем его знают сейчас – профессором, экспертом по кавказскому и азиатскому регионам, первооткрывателем многих удивительных памятников.

О том, какими путями Кристоф Баумер попал из Европы в далекие безлюдные земли, он сам рассказал в книге «Следы в пустыне», которую, пожалуй, прочел каждый уважающий себя исследователь.

Кристоф Баумер, выросший в швейцарском кантоне Тургау, с самого детства слышал рассказы о приключениях своей мамы в начале Второй мировой войны. В 1940 году Одетта Баумер-Деспейн, военный корреспондент французской радиостанции, освещавший Финскую кампанию, не смогла вернуться домой из-за наступления германских войск. Ей удалось обратиться за помощью к славившемуся своим равнодушием журналисту, географу, путешественнику Свену Гедину, который воспользовался своими знакомствами и сумел достать женщине разрешение на проезд в оккупированную родную Бельгию.

Книги Свена Гедина бизнесмен Вернер Баумер преподнес своему сыну Кристофу, когда ему было 15 лет. И с тех пор юноша увлекся приключениями знаменитого путешественника. Вновь и вновь переживал он вместе с автором его похождения, полные опасностей и интересных поворотов. Неудивительно, что Кристоф неоднократно заставлял мать описывать, как и в каких условиях жил Гедин, с кем встречался, каким был человеком.

А когда ему исполнилось 9 лет, Одетта подарила сыну фотокамеру. С тех пор не было у мальчика большей радости, чем, слыша звук спуска затвора, знать, что на пленке запечатлен подкарауленный им сюжет.

Кристоф Баумер изучил психологию, философию и историю искусств в Университете Цюриха. Там он получил докторскую степень. Несколько лет он проработал в маркетинге. Но однажды жизнь вернула в его руки фотоаппарат и – как он и мечтал – предоставила возможность узнать ближе страны, о которых он грезил с детства. Ради этого, как он сам рассказывает, ему пришлось оставить успешную карьеру, однако он никогда не пожалел о своем решении выбраться из золотой клетки.

С тех пор мы знаем Кристофера Баумера как неутомимого исследователя Востока. Список

стран, куда приводило его любопытство, поистине обширен. И в каждой из них он находил свое очарование, неотразимые достоинства и увлекательные тайны. Ему достался удивительный дар видеть красоту в большом и малом, наслаждаться инаковостью и принимать ее в себя, пропускать и передавать свои впечатления другим. Этот дар помог написать ему множество книг, в которых он предстает не только как восхищенный свидетель происходящих событий и потрясающий рассказчик, но и как философ, задающий и ставящий других задавать важные жизненные вопросы.

С 1994 года Кристоф Баумер возглавлял совместную с китайскими коллегами экспедицию на Такла-Макан. Раз за разом возвращался он в эти неизведанные места, и каждая его попытка вознаграждалась открытием.

Так, усилиями исследователя мир познакомился с древним разрушенным городом Дандан Ойлик, его буддийскими фресками 8 века, старинными бумажными документами на хотанском языке и брахми. Он изучил разрушенный

город Эндере, где обнаружилась редкая каменная надпись 3 века. Были найдены неолитические артефакты к северу от Цьемо и неизвестное доселе поселение в пустыне Лоп-Нор 1-4 века нашей эры, древняя дельта реки Керия и неизвестные кладбища железного и бронзового веков.

Кристоф Баумер исследовал монастыри в южной части Тибета, где вновь был удачлив – он обнаружил уникальные фрески, в том числе старейшие фрески религии бон. Он посетил и задокументировал все буддийские монастыри горы Утай-Шань на северо-западе Китая.

В поле его внимания оказались памятники христианской церкви восточно-сирийского обряда. Он изучал их на огромной территории, охватывающей Турцию, Монголию, Китай и Индию. Неудивительно, что его заинтересовала находка артефактов несторианского христианства и в Казахстане.

Несколько лет он путешествовал по Кавказу и Центральной Азии, благодаря чему появилось несколько томов по истории региона.

Закономерной вехой его работы стало основание «Общества по изучению Евразии», где он является бессменным президентом и вдохновителем многих исследователей.

Кристоф Баумер увлекательно и с удовольствием делится своими впечатлениями от путешествий. Это и книги, и фильмы, и радиопередачи. Он великолепный лектор, и студенты по всему миру, слушая его, заражаются той же жаждой открытий и обретают мечту найти свое восхитительное приключение.

Глядя на внушительный перечень его публикаций, сделанных им открытий, стран, которые он посетил или еще только собирается посетить, невольно с легкой завистью ловишь себя на мысли о том, что Кристоф Баумер живет полезной, полной и потрясающей жизнью.

Долгих лет вам, мастер, наполненных чудесами, которые вы так искусно умеете находить во всем.

Секретариат МИЦАИ

СПИСОК КНИГ КРИСТОФА БАУМЕРА

Die Schreinmadonna - gotische Plastik des europäischen Frühmittelalters. (The tryptical statues of the Madonna - gothic sculpture from the Early European Middle Ages) Illustrated research, University of Dayton, Ohio USA, 1977.

Geisterstädte der Südlichen Seidenstraße. Belsler Verlag, Stuttgart, 1996.

Der Bön. Die lebendige Ur-Religion Tibets. Akad. Druck- & Verlagsanstalt Graz, 1999.

Tibet's Ancient Religion. Bön. Weatherhill and Orchid Press, 2002.

Die Südliche Seidenstraße Inseln im Sandmeer. Verlag Philipp von Zabern, Mainz, 2002.

Southern Silk Road. Orchid Press, Bangkok, 2000, 2003.

Ost-Tibet. Brücke zwischen Tibet und China. Akademische Druck- und Verlagsanstalt Graz, 2002.

Dandan Oilik – A temple in the Desert. In: Catalogue to the exhibition in the British Library with the collaboration of the British Museum The Silk Road: Trade, Travel, War and Faith, 2004.

The Silk Road. Xi'an to Kashgar. Reviser and secondary author. 7th enlarged and revised edition. Odyssey Guides, Hong Kong, 2004.

Eastern Tibet. Bridging Tibet and China. Orchid Press, Bangkok, 2005.

Frühes Christentum zwischen Euphrat und Jangtse. Urachhaus Verlag, Stuttgart, 2005.

Iran. Secondary author and second main photographer: 3rd enlarged and revised edition. Odyssey Guides, Hong Kong, 2005.

Survey of Nestorianism and of ancient Nestorian architectural relics in the Iranian realm. In: Nestorianism in China. Monumenta Serica, Sankt Augustin, 2006.

The Church of the East. I.B. Tauris, London, 2006, 2007, 2008.

Sogdian or Indian Iconography and Religious Influences in Dandan Uiliq. The Murals of Buddhist Temple D 13. In: "The Art of Central Asia and the Indian Subcontinent in Cross-Cultural Perspective. National Museum Institute and Aryan Books Intl., New Delhi, 2008.

Traces in the Desert. Journeys of Discovery across Central Asia. I.B. Tauris, London, 2008.

Zeitreisen zu verborgenen Kulturen Entdeckungen in Innerasien. Akad. Druck- & Verlagsanstalt Graz, 2008.

Wutai Shan. Mittelpunkt des chinesischen Buddhismus. Detjen Verlag, Hamburg, 2008.

Sledi v Pustine. Veche Publishing, Moscow, 2009.

China's Holy Mountain Journey into the Heart of Buddhism I.B. Tauris, London, 2011.

Kanisa al-maschraq. Dehuq, Iraq, 2011.

Xinjiang. Co-author. Odyssey Guides, Hong Kong, 2012.

Durch die Wüste Taklamakan. Auf den Spuren von Sven Hedin und Sir Aurel Stein Nünnerich-Asmus Verlag, Mainz, 2013.

Church of the East. New and revised edition, 2016.

Church of the East. Korean edition, Seoul, 2016.

The History of Central Asia in 4 volumes I.B. Tauris, London, 2012-2018.

Urban Cultures of Central Asia. Co-editor with Mirko Novák. Harrassowitz, Wiesbaden.

The History of the Caucasus in 2 Volumes. The first comprehensive and illustrated history of the Caucasus region. 2021-2023.

АКАДЕМИКУ БАУЫРЖАНУ БАЙТАНАЕВУ – 60 ЛЕТ

учных усилий и поисков стали археологические памятники Южного Казахстана.

В 1984 г. Б. А. Байтанаев начал изучение жизни и деятельности А. А. Диваева, выдающегося востоковеда, ученого с энциклопедическими знаниями. Он внес немалый вклад в историческое востоковедение, где присутствовали все три направления, выбранные Б. А. Байтанаевым.

Результаты своих поисков Б. А. Байтанаев апробировал в докладах на научных конференциях и в ряде публикаций. В 1993 г. он успешно защитил кандидатскую диссертацию «Историко-краеведческая деятельность А. А. Диваева». Это направление – лишь один из аспектов многообразного диваевского наследия. Б. А. Байтанаев продолжил работу над научной биографией этого ученого. В 2004 г. вышла его монография о замечательном человеке и исследователе – академически выстроенный историографический труд, которому предшествовали многолетние этнографические, библиографические, архивные изыскания. По широте охвата материала он перерастает рамки научной биографии одного ученого. В этих трудах также нашли отражение научные приоритеты Байтанаева, которые он будет разрабатывать как автономно, так и в тесной их взаимосвязи. На первый план среди них в тот период выдвигается историческая топонимика Южного Казахстана, в которой он выделяет названия так или иначе связанные с памятниками археологии. В связи с этим он вводит в научный оборот новый термин – «археоним». К разработке нового, почти неизученного пласта в топонимии Казахстана он подошел, уже имея необходимую лингвистическую подготовку.

В 1991 г. Б. А. Байтанаев публикует статью «Вопросы локализации Арсубаникета». Ее можно считать знаковой в его научной биографии. Она открывает двадцатилетний цикл этимологических изысканий топонимов (гидронимов и оронимов), связанных с археологическими памятниками Южного Казахстана. В этой публикации сложно провести жесткую демаркацию между археологией и топонимикой – они выступают в синтетическом единстве. Написанию данной статьи предшествовали научные доклады по гидрониму «Арысь». Вопросы, затронутые в ней, в том числе локализация Испиджаба, будут развиты в последующих публикациях и докторской диссертации, которые найдут подтверждение в полевых археологических работах.

ВЕХИ жизненного пути замечательного ученого и исследователя различных областей исторических дисциплин детально обозначены в целом ряде официальных источников и научных трудов, в том числе и автором этих строк. Перечисление их впечатляет. Но путь от низших ступеней научной карьеры до звания академика Национальной Академии наук Республики Казахстан нельзя назвать легким и простым. Тем не менее, уже в самом начале этого непростого и наполненного научными поисками пути молодым исследователем были поставлены масштабные цели и намечены четкие ориентиры. С первых шагов в науке Бауыржан Абишевич Байтанаев показал себя пытливым и многоплановым исследователем, владеющим культурой научного поиска.

Главное, что объединяет разноплановые работы Б. А. Байтанаева, – следование традициям отечественного исторического востоковедения. Это ценное качество сформировалось еще в начале его научной карьеры. Тогда же определились его исследовательские интересы, среди которых главными стали историческая топонимика, археология и этнология. Поле приложения его на-

Семантику древних названий памятников археологии Б. А. Байтанаев тесно связывал с вопросами локализации средневековых городов Южного Казахстана. Было этимологизировано подробнейшим образом ряд топонимов, таких, как Казыкурт, Гаргирд (Газгирд, Гаркурд), Будухкет, Хурлуг, Нуджикет и др. Лингво-топонимические труды Б. А. Байтанаева позволили по-новому взглянуть на многие проблемы локализации городов, известных по письменным источникам, но не изученных археологически. Эти материалы помогли в реконструкции генезиса и динамики развития городской культуры на юге Казахстана. В работах Б. А. Байтанаева не стоял выбор между Сциллой лингвистики и Харибдой археологии – оба направления дополняли друг друга. Междисциплинарный подход позволил в новом ракурсе взглянуть на, казалось бы, известные памятники, в ряде случаев переосмыслить устоявшиеся стереотипы. Опорным моментом в этих исследованиях был сложный вопрос этимологии названия средневекового города Испиджаба и проблема его локализации, который присутствует почти в каждой археолого-топонимической публикации Б. А. Байтанаева. Последние невозможны были без скрупулезного изучения письменных источников, хорошее знание которых Б. А. Байтанаев показал в целом ряде обстоятельных и серьезных статей археолого-лингвистического плана.

Некоторые публикации этого направления легли в основу книги «Древний Испиджаб». Издание разошлось моментально, и через несколько месяцев книга была переиздана в переработанном виде с существенными дополнениями.

В 2000 г. Б. А. Байтанаев начал комплексное археологическое изучение древних и средневековых памятников в ущелье Бургулюк. Эти исследования стали новым словом в археологии Южного Казахстана, да и республики в целом. Впервые в ходе стационарных раскопок были изучены памятники, представляющие собой южно-казахстанский вариант эпохи бронзы, до этого практически не изучавшийся. В Бургулюке были сделаны и другие интересные открытия, относящиеся к эпохе древности и средневековья, например, была открыта и раскопана средневековая баня, представляющая собой один из наиболее ранних образцов бань-хаммамов в Среднеазиатском регионе Казахстана. В 2011 г. Б. А. Байтанаев издал монографию «Древности Бургулюка», в которой обобщил материал, полученный в ходе работ в одноименном урочище.

В ходе этих и других работ им было сформулировано понятие Испиджабского историко-культурного района, урбанизация которого берет свое начало с памятников финальной брон-

зы, открытых в Бургулюке. Наиболее масштабными и важными в историко-археологическом отношении в этом районе являются городища Испиджаб и Шымкент.

Начиная с 2004 г. Б. А. Байтанаев сосредотачивает внимание на исследовании Испиджаба и городов Испиджабского округа; археологическом изучении средневекового городища Шымкент. В ходе полевых археологических исследований подтвердились ранее высказанные гипотезы, базировавшиеся на лингво-топонимическом материале. Теперь Б. А. Байтанаев представил полную, основанную на конкретном археологическом материале, картину генезиса и развития городской культуры Испиджабского историко-культурного района. Локализация, стратиграфия, хронология периодов обживания и развития Испиджаба и Шымкента занимают в ней ключевое место. Парадоксальное отставание в археологическом изучении этих объектов было, наконец, ликвидировано, по археологическим данным был определен возраст Шымкента. Особенно значительны по масштабности и результативности раскопки на цитадели Шымкента

В 2008 г. Б. А. Байтанаев блестяще защитил докторскую диссертацию «Древний и средневековый Испиджаб», ставшую новым и очень важным словом в изучении средневековой городской культуры Южного Казахстана. Приблизительно тогда же в его научной биографии наступает новый многолетний и, пожалуй, наиболее плодотворный и результативный период, продолжающийся по сей день. Он ознаменован неуклонным продвижением в научной иерархии и непрерывными полевыми и теоретическими исследованиями. В 2008 г. Б. А. Байтанаев становится замдиректора Института археологии им. А.Х. Маргулана. Следующей вехой было назначение в 2010 г. генеральным директором этого института. В 2012 г. он избирается членом-корреспондентом НАН РК, а спустя пять лет становится академиком. Это открывало новые возможности для дальнейшей его деятельности в археологии, на которой он в те годы сосредотачивает основное внимание. Изменяется масштаб всей его работы. Теперь в орбиту его научных усилий включаются другие регионы Казахстана, он становится координатором деятельности археологических центров стран СНГ, с некоторыми из которых тесно сотрудничает, совершает ряд поездок и научных командировок в США, Францию и другие страны дальнего зарубежья. Под его руководством проводится ряд малых и больших археологических исследований, готовится выпуск первого тома фундаментального издания «Сакральная география Казахстана», по его инициативе основан и

регулярно издается журнал «Археология Казахстана». Можно назвать еще множество больших и малых дел и начинаний, проводившихся Бауыржаном Абишевичем в последнее десятилетие.

Вместе с тем на новый, качественно иной уровень выходит изучение памятников Южного Казахстана, о которых говорилось выше, а также проводится археологическое изучение других объектов. Это характеризуется углубленными археологическими исследованиями, сопровождающимися знаковыми открытиями и находками.

Резонансными открытиями, безусловно, были монетные и ювелирные клады первой половины XV в., обнаруженные в центре современного Сайрама. В 2013 г. в ходе археологического надзора за строительством торгового комплекса на территории базара в центре Сайрама, начатого двумя годами ранее, исследовались остатки средневековой бани. При расширении раскопа во время расчистки тандыра также был обнаружен клад из более чем 2600 серебряных монет. Через день после находки раскоп вновь был расширен. Археологи обнаружили еще один тандыр. При его расчистке обнаружили второй клад с золотыми изделиями. Первый клад включал в себя, за единичными исключениями, в основном серебряные тимуридские монеты (2670 экземпляров), серебряный брусок, маленькую пряжку. По кладу была сделана предварительная публикация. Для Б. А. Байтанаева настало время более глубокого и детального освоения иной для себя области исторического знания – нумизматики.

Сайрамские клады, будучи многозначными историческими источниками, требовали более серьезного научного исследования. Начинается плодотворное сотрудничество Б. А. Байтанаева с П. Н. Петровым и А. О. Брагиным, признанными специалистами в области среднеазиатской нумизматики. Результатом его стало написание в предельно короткие сроки и издание фундаментального нумизматического труда – научного каталога первого Сайрамского монетного клада, составившего дав объемных тома, содержащих

научные описания монет и фотоальбомы.

Занятия нумизматикой не стали для Б. А. Байтанаева эпизодическим трудом. Через шесть лет после выпуска каталога Сайрамского монетного клада выходит в свет обобщающее нумизматическое исследование «Денежное обращение в Южном Казахстане в III–XV вв.», написанное также в соавторстве с А. О. Брагиным и П. Н. Петровым. Столь же оперативным было изучение и издание работы о кладах золотых ювелирных изделий. После открытия клада последовала его предварительная публикация и началась подготовка к изданию основательного альбома – обмеры, описание, прорисовка, классификация, фотофиксация и т. п. Указывая на большое историко-художественное значение данного клада, Б. А. Байтанаев отметил, что это первый в истории археологии Казахстана клад золотых ювелирных изделий эпохи средневековья.

Сайрамские клады (в том числе и другие открытия и находки, последовавшие за ними) не были счастливой случайностью. Они – закономерный результат углубленного и всестороннего изучения городища, где главная роль отводится археологии. К сказанному добавим, что наряду с этим на протяжении более чем двадцати лет продолжалось стационарное археологическое изучение городища Шымкент, также принесшее немало крупных открытий и находок. В итоге Б. А. Байтанаевым были предприняты действенные шаги по консервации и музеефикации этого памятника и превращении его в многофункциональный туристический комплекс. Точка во всех этих начинаниях и исследованиях еще не поставлена. Мы вправе ожидать от академика Б. А. Байтанаева новых открытий, научных достижений и интересных книг. Пожелаем ему в этом удачи и успехов.

Юрий Ёлгин,
старший научный сотрудник
Института археологии им. А. Х. Маргулана
г. Алматы

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Абашин Сергей Николаевич – доктор исторических наук, профессор факультета антропологии Европейского университета в Санкт-Петербурге. Контакт: s-abashin@mail.ru

Аббасова-Юсупова Мавлюда Аминжановна – профессор, доктор архитектуры, зав. отделением архитектуры Института искусствознания Академии наук Республики Узбекистан, г. Ташкент. Контакт: m.a.yusupova@gmail.com

Асадов Фарда Магеррам оглы – кандидат исторических наук, доцент, зав. отделом истории и экономики арабских стран, Институт востоковедения им. акад. З. М. Буниятова Национальной академии наук Республики Азербайджан, г. Баку. Контакт: asadovfm@hotmail.com

Басханов Михаил Казбекович – доктор исторических наук, профессор, действительный член Королевского общества по изучению Востока (The Royal Society for Asian Affairs) Великобритании. Контакт: mkbaskhanov@gmail.com

Загитова Мария Алексеевна – магистр политологии, научный сотрудник отдела искусства народов Кавказа, Средней Азии, Сибири и Крайнего Севера Государственного музея Востока, г. Москва. Контакт: infoben@mail.ru

Каспаров Армен Радионович – магистр археологии, преподаватель кафедры археологии Самаркандского государственного университета. Контакт: murdacop@list.ru

Курбанов Айдогды – PhD по археологии, научный сотрудник Института ближневосточной археологии, Свободный университет Берлина. Контакт: aydogdy.kurbanov@fu-berlin.de

Милосердов Дмитрий Юрьевич – старший научный сотрудник отдела фондов, зав. сектором Государственного Дарвиновского музея, г. Москва. Контакт: roofvogels1974@gmail.com

Мкртычев Тигран Константинович – доктор искусствоведения, директор Государственного музея искусств им. И. В. Савицкого, г. Нукус. Контакт: mkrtiga@gmail.com

Мойзер Филипп – PhD по истории архитектуры, ассоциированный профессор, управляющий директор фирмы Meuser Architekten GmbH и руководитель издательства DOM, г. Берлин. Контакт: philipp.meuser@meuser-architekten.de

Стародуб Татьяна Хамзяновна – доктор искусствоведения, главный научный сотрудник отдела зарубежного искусства НИИ Российской академии художеств, г. Москва. Контакт: t.starodub@gmail.com

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АВ — Атхарваведа
Б-VI — Бустон VI
ВДИ – Вестник древней истории
ЗВТО ГУГШ – Записки Военно-топографического отдела Главного управления Генерального штаба
ИМКУ - История материальной культуры Узбекистана
ИЭА РАН – Институт этнологии и антропологии им. Н.М.Миклухо-Маклая
Российской академии наук
МАЭ РАН – Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера)
Российской академии наук
МОН РК– Министерство образования и науки Республики Казахстан
ОНУ – Общественные науки в Узбекистане
ИИРГО – Известия Императорского Русского географического общества
РВ — Ригведа
РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив
СамГУ – Самаркансий государственный университет
СК — Сапаллинская культура
СПбГУКИ — Санкт-Петербургский государственный университет культуры и искусств
УзНИИПИР – Узбекский научно-исследовательский и проектный институт реставрации
ХАЭЭ – Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция
ЮТАКЭ – Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция
AN – Accession Number – инвентарный номер
Arabe 3467 – Национальная библиотека Франции, Париж (фр. Bibliothèque nationale de France)
Bodl – Бодлианская библиотека, Оксфорд (англ. Bodleian Library)
BSB – Баварская государственная библиотека, Мюнхен (нем. Bayerische Staatsbibliothek)
f – folio (фолио – двусторонний лист рукописи)
PL – Библиотека Паркера (англ. Parker Library): коллекция редких книг и рукописей Колледжа Корпус-Кристи (англ. Corpus Christi College). Кембриджский университет, Кембридж (Великобритания)
r – recto (ректо – лицевая сторона фолио)
v – verso (версо – оборотная сторона фолио)

Вестник МИЦАИ. Вып. 33. [Гл. ред. Р. Г. Мурадов].
Самарканд, 2022. — 194 с., ил.
ISSN 1694-5794

Редакторы Л. Х. Абдуллаева, В. И. Мухамеджанова

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ:

Панорама новой застройки Астаны/Нур-Султана.
Фото Ерболата Шадрехова к статье Филиппа Мойзера.

Адрес редакции:

Международный институт центральноазиатских исследований,
Университетский бульвар, 19, Самарканд, 140129, Узбекистан

Тел.: (998 66) 239 15 40; 239 15 58

Факс: (998 66) 239 15 58

E-mail: iicasunesco@gmail.com

Web-site: www.unesco-iicas.org

Отпечатано в MEGA BOSMA

Международный институт центральноазиатских исследований был учрежден 5 июля 1995 года в результате работы крупномасштабного проекта ЮНЕСКО по Шелковому пути. Идея создания института возникла во время работы международной научной экспедиции по степному маршруту Центральной Азии, организованной в рамках проекта «Комплексное изучение Шелкового Пути – пути диалога» – главного проекта десятилетия по культурному развитию (1987-1997). Изначально Соглашение о создании института подписали Азербайджан, Иран, Казахстан, Китай, Южная Корея, Кыргызстан, Пакистан, Таджикистан, Турция и Узбекистан. В 2020 году к МИЦАИ присоединилась Монголия.

Миссия МИЦАИ заключается в привлечении внимания широкой аудитории к научным и культурным проблемам Центральной Азии, а также в укреплении сотрудничества между местными учеными и их зарубежными коллегами в рамках междисциплинарного исследования региона, охватывающего материальное и нематериальное культурное наследие, окружающую среду, археологию, историю искусств, религий, историю науки, этнологию, историческую географию, письменную и устную литературу, общественные науки и другие области. Задачи и функции МИЦАИ отражаются в научных исследованиях и прикладных проектах, осуществляемых институтом. А «Вестник МИЦАИ» призван не только отражать их результаты, но и является изданием, которое способствует расширению коммуникативного пространства взаимодействия экспертов из разных стран.

Все статьи, поступающие в редакцию, рецензируются, а публикации отражаются в наукометрической базе данных РИНЦ. Мы надеемся содействовать повышению уровня исследовательских работ путем обеспечения возможности публикации научных статей и свободного доступа заинтересованным лицам ко всем опубликованным материалам. Редакция также считает одной из своих приоритетных задач предоставление научному сообществу возможности для открытых научных дискуссий и обмена мнениями.

Внутри каждого раздела журнала материалы группируются не по темам, а по фамилиям авторов в алфавитном порядке. Такой нейтральный принцип не касается лишь тематических блоков, где автономность каждой статьи неуместна: важнее логическая связь представленных текстов. Журнал публикует результаты конкретных исследований по названным выше дисциплинам, а также полемику, критику и библиографию новых источников. Это позволяет пользователям отслеживать и оценивать все самое важное, что постоянно появляется в сфере изучения истории и современной культуры стран Центральной Азии.

Правила для авторов и весь архив журнала, доступный для бесплатного скачивания, смотрите на веб-сайте www.unesco-iicas.org